Г. Д. УЭЛЛСЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ 9 ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. Г. ТАНА

Т. I

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909.

Г. Д. УЭЛЛСЪ

СТРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

Пер. И. АННЕНСКОЙ, Т. БОГДАНОВИЧЪ,
В. Г. ТАНА и К. ЧУКОВСКАГО

Предисловіе автора къ русскому изданію
Вступительная статья и біографія Уэллса

В. Г. ТАНА

ИЗД «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1909.

общ. общ. „Слго, 21.

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Улица Жуковскаго, 21.

ПРЕДИСЛОВІЕ Г. Д. УЭЛЛСА КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

(Пер. К. Чуковскаго).

Мнѣ сказали: «напишите предисловіе къ русскому изданію вашихъ сочиненій».

Я удивился и обрадовался. Признаться, мнѣ и въ голову не приходило, что меня читаютъ по-русски. И теперь, когда я привѣтствую своихъ нежданныхъ читателей поклономъ,— не правда ли, мнѣ простительна нѣкоторая гордость? Англійскій авторъ, выступающій предъ читателями такихъ мастеровъ, какъ Толстой, Тургеневъ, Достоевскій, Мережковскій, Максимъ Горькій, имѣетъ право слегка возгордиться.

— «Познакомьте насъ съ самимъ собою», — предложили мнѣ. Но чуть я принимаюсь за это дѣло и пытаюсь разсказать русскому читателю, что я за человѣкъ,—мнѣ съ особенной силой приходитъ въ голову, какая страшная разница между моимъ народомъ и вашимъ, разница въ общественномъ отношеніи и въ политическомъ. Врядъ ли можно найти хоть одну общую черточку, хоть одинъ клочекъ общей почвы, на которой бы сговориться. Нѣтъ общаго мѣрила, которымъ мы бы могли мѣрить другъ друга.

Когда я думаю о Россіи, я представляю себѣ то, что я читалъ у Тургенева и у друга моего Мориса Беринга. Я представляю себѣ страну, гдѣ зимы такъ долги, а лѣто знойно и ярко; гдѣ тянутся вширь и вдаль пространства небрежно воздѣланныхъ полей; гдѣ деревенскія улицы широки и грязны, а деревянные дома раскрашены пестрыми красками; гдѣ много

мужиковъ, беззаботныхъ и набожныхъ, веселыхъ и терпѣливыхъ, гдѣ много иконъ и бородатыхъ поповъ, гдѣ плохія, пустынныя дороги тянутся по безконечнымъ равнинамъ и по темнымъ сосновымъ лѣсамъ. Не знаю, можетъ быть, все это и не такъ; хотѣлъ бы я знать, такъ ли это.

А вы, въ Россіи, какъ представляете себѣ Англію? Должно быть, вамъ мерещатся дымныя фабричныя трубы; города, кишащіе рабочимъ людомъ; спутанныя линіи рельсовъ; жужжаніе и грохотъ машинъ, и темный промышленный духъ, обуявшій собою всѣхъ и вся. Если такъ, это—не моя Англія. Это сѣверъ и средняя область. Моя же Англія лежитъ къ югу отъ Темзы. Тамъ нѣтъ ни желѣза, ни угля, тамъ узкія, прекрасно обработанныя поля, обсаженныя дубами и вязами; тамъ цѣлыя заросли хмѣля, какъ будто аллеи виноградниковъ; тамъ каменныя и кирпичныя фермы; опрятныя деревушки, но мужики въ этихъ деревушкахъ—не хозяева, а наемники; тамъ красивыя старинныя церкви, и священники—часто богатые люди; тамъ обширные парки, и за ними ухаживаютъ, какъ за садами; тамъ прекрасныя, почтенныя усадьбы зажиточныхъ людей. Тамъ я родился и тамъ я провелъ всю свою жизнь,— только на нѣсколько лѣтъ отлучался въ Лондонъ и немного путешествовалъ. У меня тоже есть тамъ теперь маленькій домикъ, съ красною крышей, съ площадкой для лаунъ-тенниса и небольшимъ цвѣточнымъ садомъ. Этотъ домъ я выстроилъ самъ. Онъ стоитъ на берегу, между двумя купальными курортами Фолькстономъ и Сэндгэтомъ, лежащими почти рядомъ, и когда лѣтними вечерами я прогуливаюсь на сонъ грядущій по маленькой террасѣ передъ окнами моего кабинета, я вижу вращающіеся огни маяковъ на дружественныхъ берегахъ Франціи, въ девятнадцати миляхъ отъ меня.

Мнѣ сейчасъ сорокъ два года, и я родился въ томъ странномъ, неопредѣленномъ сословіи, которое у насъ въ Англіи называется среднимъ классомъ. Я ни чуточки не аристократъ; дальше дѣда и бабки я не помню никакихъ своихъ предковъ,

да и о тѣхъ я знаю весьма немного, такъ какъ они померли до моего рожденія. Дѣдъ мой по матери имѣлъ постоялый дворъ и держалъ почтовыхъ лошадей, покуда не прошла желѣзная дорога; а мой дѣдъ по отцу былъ старшій садовникъ у лорда Делиля въ Кентѣ. Онъ нѣсколько разъ мѣнялъ свою профессію, и ему то везло, то нѣтъ. Отецъ мой долгое время держалъ подъ Лондономъ мелочную лавченку и дополнялъ свой бюджетъ игрою въ крикетъ. Въ эту игру люди играютъ для развлеченія, но она бываетъ также и зрѣлищемъ, а за зрѣлища платятъ деньги. Это породило игроковъ-профессіоналовъ вродѣ моего отца. Со своей торговлей онъ прогорѣлъ, и моя мать, которая до замужества была горничной, поступила въ экономки въ богатую усадьбу.

Мнѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ. Меня тоже прочили въ лавочники. Чуть мнѣ пошелъ тринадцатый годъ, я былъ взятъ изъ школы и поступилъ мальчикомъ въ аптекарскій магазинъ, но не имѣлъ тамъ удачи, и долженъ былъ перейти въ торговлю суконъ. Я пробылъ тамъ около года, но потомъ натолкнулся на мысль, что у меня есть возможность добиться лучшаго положенія посредствомъ высшаго образованія, доступъ къ которому такъ легокъ у насъ въ Англіи и съ каждымъ годомъ становится все легче. Такимъ образомъ я принялся изо всѣхъ силъ заниматься, чтобы получить нужныя мнѣ права, которыя дадутъ мнѣ возможность поступить въ университетъ. Спустя нѣкоторое время я и поступилъ въ Новый Лондонскій Университетъ, который такъ разросся и прославился теперь. Тамъ я получилъ ученую степень и разные знаки отличія, весьма, впрочемъ, незначительные. Моимъ главнымъ предметомъ была сравнительная анатомія, и занимался я подъ руководствомъ профессора Гексли, о которомъ русскіе читатели, безъ сомнѣнія, знаютъ. Первое русское имя, которое я научился уважать, было имя біолога А. О. Ковалевскаго.

Добившись диплома, я пошелъ въ учителя и сталъ препо-

давать біологію. Но черезъ два-три года бросилъ преподаваніе и занялся журнальной работой: въ Англіи это гораздо прибыльнѣе, да и влеченіе къ этому дѣлу всегда у меня было большое. Сначала я составлялъ критическія замѣтки, статьи и т д., но потомъ пристрастился къ фантастическимъ разсказамъ и сталъ примѣнять къ нимъ богатыя увлекательными возможностями идеи современной науки. На такія произведенія въ Англіи и въ Америкѣ значительный спросъ, и моя первая книга „*Машина Времени*", вышедшая въ 1895 году, привлекла изрядное вниманіе и вмѣстѣ съ двумя послѣдующими книгами, „*Борьба Міровъ*" и „*Человѣкъ-невидимка*", обезпечила мнѣ популярность,—какъ разъ такую, что я, безъ особаго риска, могъ исключительно отдаться литературному труду.

Писательство—это одна изъ нынѣшнихъ формъ авантюризма. Искатели приключеній прошлыхъ вѣковъ нынѣ сдѣлались бы писателями. Пускай хоть немного посчастливится твоей книгѣ,—ну хоть такъ немного, какъ посчастливилось моимъ,—и въ Англіи ты тотчасъ же превращаешься въ человѣка достаточнаго, вдругъ получаешь возможность ѣхать куда хочешь, встрѣчаться съ кѣмъ хочешь. Все открыто и доступно тебѣ. Вырываешься изъ тѣснаго круга, въ которомъ вертѣлся до тѣхъ поръ, и вдругъ начинаешь сходиться и общаться съ огромнымъ количествомъ людей. То, что называется, видишь свѣтъ. Философы и ученые, солдаты и политическіе дѣятели, художники и всякаго рода спеціалисты, богатые и знатные люди,—къ нимъ ко всѣмъ у тебя дорога, и ты пользуешься ими, какъ вздумаешь. Вдругъ оказывается, что тебѣ уже не зачѣмъ читать обо всемъ въ газетахъ и въ книгахъ, ты все начинаешь узнавать изъ первыхъ рукъ, подходишь къ самымъ истокамъ человѣческхъ дѣлъ и событій. Не забудьте, что Лондонъ не только столица королевства; онъ также центръ міровой имперіи и—огромныхъ міровыхъ начинаній.

Быть художникомъ—не значитъ ли это искать выраженія для окружающихъ насъ вещей? Жизнь всегда была мнѣ страшно любопытна, увлекала меня безумно, наполняла меня образами и идеями, которые, я чувствовалъ, нужно было возвращать ей назадъ. Я любилъ жизнь и теперь люблю ее все больше и больше. То время, когда я былъ приказчикомъ или сидѣлъ въ лакейской, тяжелая борьба моей ранней юности,—все это живо стоитъ у меня въ памяти и, по своему, освѣщаетъ мнѣ мой дальнѣйшій путь. Теперь у меня есть друзья и среди перовъ, и среди нищихъ и ко всѣмъ я протягиваю свое жадное любопытство и свои симпатіи, и ими, какъ нитями паутины, связываю верхи и низы человѣчества. Эту широкость моего общественнаго положенія я почитаю едва ли не самой счастливой моей особенностью, а другая счастливая моя особенность та, что я человѣкъ непритязательный, скромный, никому ничего не навязываю, преслѣдую только литературныя цѣли и не мечтаю о томъ, чтобы играть роль въ свѣтѣ, и я ни на что не промѣняю своей настоящей работы: наблюдать и писать, о чемъ хочу.

Почему я заговорилъ объ этомъ? Потому что моя неустойчивость и мои переходы отъ одного общественнаго положенія къ другому могутъ объяснить тотъ утопическій элементъ, который былъ присущъ моимъ первымъ произведеніямъ. Неустойчивые, неосѣдлые люди никогда не могутъ принять міръ такимъ, какъ онъ есть; но теперь, когда я пересталъ быть бродягой, я перешелъ уже за предѣлъ тѣхъ научно-фантастическихъ идей, которыя прежде были причиной моего успѣха. Правда, всего только мѣсяцъ назадъ я продержалъ корректуру новой фантастической повѣсти „*Война въ воздухѣ*",—о летательныхъ машинахъ и о войнѣ всего міра,—но такого рода вещи, повторяю, перестали поглощать все мое вниманіе. Чѣмъ дальше, тѣмъ фантастичнѣе и ярче кажется мнѣ дѣйствительность. Первая моя вещь въ реалистическомъ родѣ появилась въ 1900 году, подъ назва-

ніемъ „*Любовь и мистеръ Люисгемъ*“; вторая вещь—*Киппсъ*, посвященная изученію приказчичьей души, вышла въ 1906 году. Въ промежуткѣ между ними мною былъ созданъ ублюдокъ, помѣсь фантастики и реализма, „*Морская Дѣва*“, гдѣ любовь, какъ мучительная страсть, символизована въ лицѣ сирены. Теперь я заканчиваю сразу два романа, и оба, я надѣюсь, появятся сразу въ будущемъ 1909 году. Одинъ называется „*Тоно-Бенгэй*“ и будетъ объемистѣе обычныхъ современныхъ романовъ. Въ немъ содержится попытка прослѣдить карьеру одного продавца патентованныхъ медицинскихъ средствъ, основавшаго для ихъ сбыта особое промышленное товарищество, и такимъ образомъ выставить на показъ всю нелѣпую, построенную на рекламѣ, торгашескую цивилизацію, средоточіемъ которой является все тотъ же Лондонъ. Не въ примѣръ моимъ прошлымъ романамъ, корые, въ сущности говоря, были всегда какъ бы монографіями объ одномъ какомъ-нибудь характерѣ, этотъ новый романъ будетъ заключать въ себѣ разнообразные типы. Другой романъ посвященъ современному положенію женщины; въ немъ изображается развитіе страсти въ душѣ англійской дѣвушки новѣйшаго типа—лондонской студентки.

Начиная съ 1900 года написалъ я еще третью серію книгъ, и серія эта теперь, полагаю, закончена. Это мои соціологическіе этюды, и они были нужны мнѣ для моихъ романовъ. Я сталъ писать ихъ почти ненамѣренно. Прежде чѣмъ описывать жизнь тѣхъ или другихъ личностей, мнѣ понадобилось, самому для себя, такъ сказать, для своего собственнаго назиданія, изучить и изложить тѣ условія общественной жизни, въ которыхъ мы плаваемъ, какъ рыба въ водѣ. Я написалъ книгу подъ названіемъ „*Предчувствія*“, которая, принимая міръ, какъ нѣкую развивающуюся систему, представляетъ попытку предвидѣть и предсказать то, что можетъ случиться черезъ сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ. Еще я не окончилъ этой книги, а уже почувствовалъ, что мнѣ

необходимо писать другую и представить прогрессъ міра, какъ воспитательный процессъ; это я выполнилъ въ книгѣ „*Созиданіе человѣчества*“. Эта книга привела меня къ болѣе общимъ вопросамъ, которые я пытался рѣшить въ „*Современной Утопіи*“. Но въ то самое время, какъ мною писались эти книги, изъ нихъ, какъ двѣ боковыя вѣтви, выросли два фантастическихъ романа: „*Пища боговъ*“, гдѣ научно открытая пища увеличиваетъ всѣ предметы до гигантскихъ размѣровъ и такимъ образомъ измѣняетъ масштабъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ,—и другой романъ „*Въ дни кометы*“, гдѣ представлены всѣ послѣдствія внезапнаго роста нравственныхъ чувствъ въ человѣчествѣ.

Я всегда былъ соціалистомъ, еще со временъ студенчества; но соціалистомъ не по Марксу, а скорѣе по Родбертусу,—и вотъ однажды меня соблазнила мысль—взять всѣ положенія соціализма, развить ихъ по своему до послѣдней степени, и посмотрѣть, что изъ всего этого выйдетъ; такъ создались еще двѣ мои книги „*Старый и Новый міръ*“ и „*Первое и Послѣднее*“.

Русскому читателю нужно знать, что нашъ англійскій соціализмъ и теоретически, и по своему настроенію, очень отличается отъ американскаго и отъ континентальнаго соціализма. Мы, англичане, парадоксальный народъ,—одновременнно и прогрессивный, и страшно консервативный, охраняющій старыя традиціи; мы вѣчно измѣняемся, но безо всякаго драматизма; никогда мы не знали внезапныхъ переворотовъ.

Со временъ Норманскаго завоеванія, 850 лѣтъ тому назадъ, у насъ смѣнялись династіи и церковныя іерархіи, но чтобы мы что-нибудь «свергли», «опрокинули», «уничтожили», чтобы мы «начали все сызнова»,—какъ это бывало почти съ каждой европейской націей,—никогда! Революціонная соціалъ-демократія континента не встрѣчаетъ отклика въ широкихъ кругахъ англійскаго народа. Тѣмъ не менѣе мы все

гуще и плотнѣе насыщаемся соціализмомъ. Нашъ индивидуализмъ уступаетъ мѣсто идеямъ объ общественной организаціи. Мы парламентарны по природѣ и по своему соціальному развитію, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ слои и всѣ классы народа. Консерваторы, либералы и отъявленные соціалисты ходятъ другъ къ другу въ гости и за дессертомъ обсуждаютъ тѣ уступки, которыя они могутъ сдѣлать одинъ другому,—всѣ въ равной степени не вѣря въ какія-нибудь твердыя, непоколебимыя формулы, и всѣ молчаливо допуская страшную сложность и запутанность государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. Это чувство, скорѣе національное, чѣмъ принадлежащее лично мнѣ, я надѣюсь, будетъ замѣчено въ моихъ соціальныхъ этюдахъ каждымъ русскимъ читателемъ.

Эти соціологическіе очерки были мною написаны съ 1901 года. Они послужили, такъ сказать, руководствомъ для моихъ дальнѣйшихъ писаній. Ими я какъ бы сказалъ себѣ: «если ты хочешь стать изобразителемъ современной жизни, вотъ какъ ты долженъ поступать». Вѣдь у меня подъ ногами не было твердой почвы, вѣра отцовъ нашихъ давно перестала быть нашей вѣрой. Мнѣ оставалось либо установить и опредѣлить свою собственную точку зрѣнія, либо писать о жизни разбросанно, безсвязно и неувѣренно. Теперь, послѣ этой теоретической работы, я, кажется, имѣю нѣкоторое право отдаться своему призванію и приняться за изображеніе хоть небольшой части того огромнаго, величаваго зрѣлища жизни, которое окружаетъ меня и даетъ пищу моему наблюденію и опыту.

Иначе говоря, я надѣюсь, послѣ всѣхъ приготовленій, засѣсть, наконецъ, за писаніе бытовыхъ романовъ и отдаться этой работѣ на много лѣтъ.

Я распространяюсь о себѣ такъ много и вдаюсь въ такія подробности вотъ почему: ежели русскіе настолько добры, что читаютъ меня и даже выпускаютъ теперь собраніе

моихъ сочиненій, такъ пускай же они знаютъ меня по настоящему, а не какъ-нибудь. Но, конечно, никто живѣе меня самого не чувствуетъ, отъ какихъ случайностей и превратностей опыта зависитъ литературная работа. Что такое, въ сущности, дѣлаемъ мы всѣ, мы, которые думаемъ и пишемъ? Мы отнюдь не какая-то особая каста вдохновенныхъ людей, которые могутъ вѣщать о своихъ откровеніяхъ темному непросвѣщенному міру. Мы просто—голоса разнообразныхъ умовъ, и каждый изъ насъ выражаетъ то, что думаетъ и чувствуетъ.

Многимъ изъ насъ суждено прожить лишь одно мгновеніе—и потомъ исчезнуть навсегда. Кое-что изъ подмѣченнаго нами, кое-что изъ нами предсказаннаго, можетъ быть, и вспомнятъ потомъ, но кто это предсказалъ, кто подмѣтилъ,—забудутъ и потеряютъ изъ виду, и никогда ужъ не припомнятъ опять. Мы разсказываемъ наши разсказы невѣдомымъ и безмолвнымъ слушателямъ, и если мы имъ даемъ наибольшую мѣру нашего чувства и ума,—чего еще можно требовать отъ насъ? Наше дѣло—трудиться. А будетъ ли трудъ нашъ для немногихъ или для многихъ, хорошъ ли онъ будетъ или плохъ, на много лѣтъ или на секунду—не все ли это равно? Это касается только издателя и литературнаго критика.

H. G. Wells.

Spade House
Sandgate.
England.

В. Г. ТАНЪ.

ГЕРБЕРТЪ ДЖОРДЖЪ УЭЛЛСЪ

(Краткая біографія).

Факты, сообщаемые здѣсь, заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) *Автобіографическій очеркъ Г. Д. Уэллса*, въ «Журналѣ Королевской Школы Знаній», апрѣль 1903 г. 2). *Уэллсъ и его творчество*, статья Е. А. Беннета, въ американскомъ журналѣ «Cosmopolitan», ноябрь 1902 г. 3) *Фантазія и Логика*, статья А. Д., въ журналѣ «Christian Commonwealth», декабрь 1906 г. 4). *Уэллсъ и его творчество*, статья Гарольда Спендера, въ журналѣ «Pall Mall Magazine», декабрь 1907 г.

Я использовалъ также статью Діонео, помѣщенную въ газетѣ «Русь» въ декабрѣ 1907 года и основанную на устныхъ сообщеніяхъ друзей Уэллса.

Уэллсъ и Киплингъ—двѣ характерныя фигуры англійскаго литературнаго горизонта. Оба они одного возраста и одного происхожденія. Киплингу 43 года, а Уэллсу 42 года. Отецъ Киплинга былъ фабричнымъ рисовальщикомъ, отецъ Уэллса—мелкимъ торговцемъ, а потомъ наемнымъ метальщикомъ для игры въ крикетъ—положеніе немногимъ лучшее положенія маркера.

Оба писателя похожи и не похожи другъ на друга. У нихъ одна и та же сила, и пылкая рѣзкость, и даже грубость, и страшная напряженность труда, намъ совершенно непонятная. Оба уже написали по тридцати томовъ, самаго причудливаго стиля и содержанія. Но Киплингъ родился въ

Индіи и былъ англо-индійскимъ журналистомъ. Уэллсъ родился въ мѣстечкѣ Бромлей, близъ Лондона, перепробовалъ множество профессій, былъ приказчикомъ, химическимъ лаборантомъ, школьнымъ учителемъ.

Киплингъ представляетъ внѣшнюю исторію англосаксонсонской расы со всѣми ея хорошими и худыми сторонами, завоеваніе обширныхъ континентовъ, истребленіе австралійцевъ, порабощеніе индусовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заселеніе и безпримѣрное процвѣтаніе новыхъ огромныхъ областей. Уэллсъ тоже мечтаетъ о новыхъ мірахъ и о Великой Британіи, но его мечты чище и благороднѣе. Онъ выросъ въ Лондонѣ и его идеи создавались въ центральной лабораторіи англійскаго рабочаго класса. Оттого Киплингъ имперіалистъ, а Уэллсъ убѣжденный соціалистъ. Оба вмѣстѣ, они охватываютъ всю широту духовной жизни англійскаго народа.

Гербертъ Джорджъ Уэллсъ родился въ 1866 году, два или три года учился въ дешевой элементарной школѣ и съ тринадцати лѣтъ долженъ былъ самъ зарабатывать свой хлѣбъ. Онъ служилъ въ магазинѣ суконныхъ товаровъ, сперва на посылкахъ, потомъ приказчикомъ. Жизнь его сложилась крайне неудачно. Хозяева были грубы и смотрѣли свысока на бѣднаго наймита. Вознагражденіе онъ получалъ грошевое.

Англія, однако, страна, гдѣ талантливые люди съ сильно выраженной индивидуальностью постоянно выдвигаются впередъ, въ какой бы средѣ они ни появились. Не надо забывать такого блестящаго примѣра, какъ Джонъ Бёрнсъ, который изъ простого рабочаго сталъ депутатомъ и потомъ министромъ.

Молодой Уэллсъ, возвращаясь изъ магазина, по вечерамъ принимался за книги. Потомъ сталъ посѣщать вечерніе курсы. Шестнадцати лѣтъ онъ оставилъ прилавокъ и попытался жить частными уроками, но потомъ опять вернулся въ магазинъ. Черезъ годъ ему удалось стать младшимъ учителемъ въ элементарной школѣ. Вскорѣ послѣ того онъ

сдалъ экзаменъ въ Учительскую Академію и получилъ стипендію на три года. Послѣ Академіи Уэллсъ сдѣлался школьнымъ учителемъ въ довольно глухомъ мѣстечкѣ графства Валлійскаго. Въ концѣ концовъ къ 22-мъ годамъ онъ сдалъ экзаменъ при Лондонскомъ Университетѣ, на степень кандидата естественныхъ наукъ.

Ранняя часть жизни Уэллса описана имъ самимъ въ романѣ «Киппсъ».

Герой этого романа, молодой приказчикъ магазина суконныхъ товаровъ Киппсъ, старается выбиться изъ своего стѣсненнаго положенія, посѣщаетъ вечерніе курсы, читаетъ книги, ищетъ новыхъ знакомствъ.

Въ другомъ романѣ Уэллса, «Колесо Счастья», героемъ является точно такой же приказчикъ магазина суконныхъ товаровъ Гупдрайверъ, такого же возраста и съ такими же стремленіями.

Въ третьемъ романѣ «Любовь и М-ръ Льюисгемъ» героемъ является молодой студентъ Учительской Академіи, пламенный соціалистъ.

Уэллсъ вообще любитъ пересыпать автобіографическими подробностями даже самые фантастическіе изъ всѣхъ разсказовъ.

Напримѣръ, разсказъ «Новѣйшій Ускоритель» начинается такъ: «...Мы съ профессоромъ Гибберномъ — сосѣди по Фолькстону. ...Онъ живетъ въ очень миломъ особнячкѣ на Верхне-Сендгетской Дорогѣ». Это было написано лѣтъ пять тому назадъ, но самъ Уэллсъ и въ настоящее время живетъ въ Фолькстонѣ на Сендгетской Дорогѣ.

Молодой учитель съ увлеченіемъ занимался игрою въ мячъ, быть можетъ, по слѣдамъ отца, но вслѣдствіе неловкаго паденія сломалъ себѣ ногу и разбилъ бокъ. Ему пришлось пролежать въ постели нѣсколько мѣсяцевъ. Немного оправившись, онъ уѣхалъ въ Лондонъ и взялъ другое мѣсто. Жить было трудно. У него открылось кровохарканіе, которое

едва не свело его въ могилу. Но Уэллсъ не падалъ духомъ и сталъ пробовать счастья, какъ писатель. Первыя его статьи относятся къ 1891 году. Три или четыре года онъ не имѣлъ особаго успѣха. Въ 1894 году онъ написалъ свой первый романъ, соціологическій и вмѣстѣ фантастическій: «Машина Времени». Этотъ романъ, между прочимъ, сначала былъ возвращенъ редакціей, но потомъ вытребованъ снова по телеграфу. Онъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Новое Обозрѣніе» и сразу сдѣлалъ имя автора извѣстнымъ.

Послѣ того въ теченіе десяти лѣтъ Уэллсъ посвящаетъ все свое вниманіе разработкѣ соціальной утопіи въ самой разнообразной формѣ. Въ этомъ отношеніи его работы распадаются на двѣ серіи: научно-популярную, въ видѣ философскихъ очерковъ, и художественную, въ видѣ романовъ. Въ философскихъ очеркахъ Уэллса можно наблюдать развитіе его соціалистической мысли, которая подъ конецъ достигаетъ большой ширины и конкретности.

Какъ Уилльямъ Моррисъ и Бернардъ Шоу, Уэллсъ по существу—соціалистъ внѣ партій.

Онъ говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи. Можно прибавить еще отрывокъ изъ его недавней книги: *Соціализмъ и семья.*

— Я долженъ сказать ясно и открыто: Я соціалистъ и не могу быть инымъ. Я долженъ писать и говорить о соціализмѣ, обдумывать его новыя формы и дѣйствовать во имя его.

— Но для меня соціализмъ не есть политическая стратегія или борьба классовъ. Я вижу въ немъ планъ переустройства человѣческой жизни, съ цѣлью замѣны безпорядка порядкомъ.

И еще:

— Всѣ соціалистическія общества, лиги и федераціи, это, такъ сказать, только шорохъ платья приближающагося соціализма. Но въ такомъ видѣ, какъ движеніе организовано теперь, оно кажется мнѣ только слабой пародіей на великук

систему будущаго, такъ что я, подобно многимъ соціалистамъ, не трудился присоединиться къ какой-нибудь секціи или фракціи...

Для болѣе полной характеристики общественныхъ взглядовъ Уэллса, можно привести также нѣсколько отрывковъ изъ романа «Киппсъ», уже упомянутаго выше. Мастерманъ, лондонскій рабочій, безработный и чахоточный, говоритъ о соціализмѣ. Великолѣпная фигура, нарисованная во весь ростъ, чисто англійскаго духа и направленія.

— «Что я такое,—говоритъ о себѣ Мастерманъ,—въ тринадцать лѣтъ меня заперли на фабрику, какъ кролика въ темную клѣтку. Съ тринадцати лѣтъ я боролся на смерть. Я боролся за знаніе, какъ другіе борются за кусокъ хлѣба. Весь день работалъ и полъ-ночи учился. Я боролся за знаніе, я голодалъ за знаніе, я отворачивался отъ женщинъ, я изорвалъ легкія и сталъ кровью харкать изъ-за знанія. И въ результатѣ провалъ...

— Эти свиньи запираютъ университеты такимъ людямъ, какъ я, и сами ничего не дѣлаютъ. Я былъ лучше десятка принцевъ, и я пропалъ безъ толку. Растоптанъ, изгаженъ, раздавленъ стадомъ свиней у корыта. У современныхъ богачей нѣтъ ни сердца, ни воображенія. Они владѣютъ машинами, знаніемъ, орудіями, имуществомъ, какое никому не снилось раньше, а что они дѣлаютъ со всѣмъ этимъ? Богъ посадилъ ихъ на автомобиль, а они только скачутъ по дорогамъ въ глазастыхъ маскахъ, топчутъ дѣтей и обдаютъ грязью прохожихъ. Намъ они не даютъ ни школъ, ни свѣта, ни воздуха; вѣчный обманъ, полное забвеніе.

— Никто изъ насъ больше не вѣритъ въ нихъ, не вѣритъ въ знать, не вѣритъ въ короля, не вѣритъ въ правду закона. Только привычка держитъ людей, старая колея, да недѣльная плата за работу.

— Пусть придутъ тощіе годы, библейскіе тощіе годы, вы увидите тогда»...

Быть можетъ, не лишнее прибавить, что такой опредѣленный соціалистъ, какъ Уэллсъ, могъ получить довольно вліятельное мѣсто въ провинціальномъ судѣ Кентскаго Графства.

Біографъ Уэллса удовлетворенно замѣчаетъ по этому поводу:

— Просвѣщенное правительство нашло возможнымъ привлечь его къ участію въ управленіи. Если угодно, пусть онъ работаетъ въ своемъ городѣ Фолькстонѣ надъ закладкой основъ «Современной Утопіи».

Несмотря на мрачныя перспективы своихъ первыхъ романовъ, Уэллсъ въ общемъ рѣшительный оптимистъ. Англосаксы вообще слишкомъ здоровая и крѣпкая раса, чтобы быть пессимистами.

— «Я нахожу жизнь въ высшей степени интересной,— говоритъ Уэллсъ,—и хочу прожить какъ можно дольше. Мое единственное огорченіе, что я не могу жить еще полнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ я живу теперь. Въ этомъ смыслѣ я, конечно, оптимистъ.

— Но если назвать оптимизмомъ извѣстное утвержденіе, что все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, то я рѣшительный врагъ такого оптимизма. Ходъ вещей зависитъ отъ нашей воли и отъ нашихъ усилій»...

Любопытно также упомянуть, что, при всей своей работоспособности, Уэллсъ работаетъ чрезвычайно неправильно, иногда утромъ, иногда вечеромъ и даже ночью. Нерѣдко онъ бросаетъ перо на полусловѣ и уходитъ въ садъ, или уѣзжаетъ въ Лондонъ.

Произведенія Уэллса переведены на всѣ европейскіе языки, также на арабскій и на китайскій. Русскіе переводы большей частью принадлежатъ К. К. Толстому и появились въ «Новомъ Журналѣ Иностранной Литературы», также въ отдѣльныхъ изданіяхъ Булгакова, редактора этого журнала. Кажется, нѣтъ надобности объяснять, до какой степени они плохи.

ПОЛНЫЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ УЭЛЛСА

(кромѣ журнальныхъ статей).

Сборники разсказовъ:

Украденная Бацилла и другіе разсказы (1895).
Случай съ Пляттнеромъ и другіе разсказы (1897).
Разсказы о Пространствѣ и Времени (1899).
Двѣнадцать разсказовъ и одинъ Сонъ (1903).

Романы бытовые:

Колесо Счастья (1896).
Любовь и М-ръ Льюисгемъ (1900).
Киппсъ (1905).

Романы фантастическіе:

Чудесный Гость (1895).
Островъ Доктора Моро (1896).
Невидимка (1897).
Морская Дѣва (1902).

Романы соціологическіе:

Когда Спящій проснется (1899).
Грядущіе дни (1899).
Машина Времени (1895).
Первые Люди на Лунѣ (1901).
Борьба Міровъ (1898).
Въ дни Кометы (1906).
Пища Боговъ (1904).
Война въ Воздухѣ (1908).

Соціологическіе очерки:

Предчувствія (1901).
Созиданіе Человѣчества (1903).
Современная Утопія (1905).
Будущее Америки (1906).
Соціализмъ и Семья (1907).
Старый и Новый Міръ (1908).
Первое и Послѣднее (1908).

В. Г. ТАНЪ.

Г. Д. УЭЛЛСЪ И СОВРЕМЕННАЯ УТОПІЯ.

I.

Утопія — это мечта и отрицаніе дѣйствительности, идеалъ и вѣра въ его осуществленіе. Вѣра эта не основана на аргументахъ. Она не имѣетъ доказательствъ и не нуждается въ нихъ. Эта вѣра вытекаетъ изъ самой сущности идеала и гнѣздится въ глубинѣ человѣческаго сердца.

Среди самыхъ черныхъ бѣдствій, запутанной и ожесточенной вражды, человѣчеству присуще сознаніе о томъ, что возможна другая жизнь, другое общественное состояніе, свѣтлое, счастливое, братское, что такая жизнь уже существовала въ прошломъ, или будетъ существовать въ грядущемъ; что эта мечта была дѣйствительностью, или будетъ дѣйствительностью.

Такая вѣра составляетъ потребность человѣческаго духа и даже человѣческаго ума. Ибо человѣческому уму братство, счастье и золотой вѣкъ представляются, какъ самое естественное состояніе, наиболѣе простое и наиболѣе первоначальное.

Человѣкъ по существу своему склоненъ къ добру—это положеніе коренится въ человѣческомъ сознаніи. Добро представляется естественнымъ, простымъ, понятнымъ. Зло всегда представляется запутаннымъ, противоестественнымъ, почти необъяснимымъ.

И если въ дѣйствительной жизни зло постоянно побѣ-

ждаетъ и преобладаетъ, это постоянное торжество кажется почти фантастическимъ, противнымъ высшему закону естества.

Сознаніе этого противорѣчія присуще всему человѣчеству, злому и доброму. Идеалы у всего человѣчества бѣлые и свѣтлые. Черныхъ идеаловъ нѣтъ. Ибо, какъ сказалъ Байронъ,— даже бѣсы не могутъ любить зло только ради его горькой сущности. И даже торжествующее зло чувствуетъ потребность прикрытія личиной добродѣтели и платитъ добру добровольную дань, внѣшнюю дань лицемѣрія.

Стремленіе къ утопіи съ особенной силой развивается въ такія эпохи, какъ современная, въ эпохи кризисовъ и рѣзкихъ потрясеній и неустойчиваго общественнаго равновѣсія.

Иныя утопіи даже предшествуютъ общественному кризису и служатъ его предвѣстникомъ. Ибо тонкія организаціи смутно предчувствуютъ надвигающееся потрясеніе, когда на небѣ еще нѣтъ грома и земля спокойна.

Утопія Мора явилась за годъ до начала агитаціи Лютера. Утопія Морелли упредила на нѣсколько лѣтъ французскую революцію. Утопія Кабе была буревѣстникомъ революціи 1848 года.

Когда общественная волна идетъ вверхъ, на прибыль, тогда воплощеніе идеала представляется такимъ легкимъ, близкимъ, возможнымъ. Идеалъ представляется простымъ, разумнымъ, понятнымъ для всѣхъ, и кажется, стоитъ только объяснить, раскрыть глаза людямъ, и свѣтлая мечта тотчасъ же будетъ осуществлена.

Можно напомнить характерныя рѣчи русскихъ ораторовъ на первыхъ лѣтнихъ собраніяхъ 1905 года: «Товарищи, еще усиліе, еще напоръ плеча, и то, чего мы желаемъ, будетъ достигнуто».

Точно такія же рѣчи говорили христіанскіе апостолы и послѣдующіе хиліасты: «Царствіе небесное близко, предъ нами, на самомъ порогѣ».

Оттого въ такія эпохи идеалъ развертывается съ особеннымъ блескомъ, во всей ширинѣ и полнотѣ, и рядомъ съ минимальными программами являются программы максимальныя.

Потомъ общественная волна достигаетъ вершины и начинаетъ спускаться съ противоположнаго склона. Стремленіе впередъ разбивается о тяжелую косность всего существующаго, о желѣзную инерцію міра, накопленную вѣками. Послѣ яркой активности наступаетъ тусклая реакція. Идеалъ, который казался близко, внезапно отступаетъ назадъ и поднимается въ недосягаемую высоту, но взоръ человѣчества все же не отвращается отъ идеала и остается по прежнему прикованнымъ къ мечтѣ.

О чемъ иномъ, кромѣ отдаленнаго идеала, можно мечтать въ такія унылыя эпохи? Старая вѣра деморализована, а новая разбита. Обѣ по очереди потерпѣли пораженіе, первая—моральное пораженіе, вторая—физическое пораженіе. Впереди стѣна, и сзади пропасть, и на мѣстѣ трясина, и нѣтъ никакого выхода, никакого, даже внѣшняго примиренія. Старое и новое помѣщается рядомъ въ общественномъ сосудѣ, какъ масло и вода. И сколько исторія ихъ ни взбалтываетъ, они разбиваются на капли, но не сливаются воедино. Въ такія эпохи охотно мечтается о далекомъ, о чистомъ, о безграничномъ идеалѣ,—о томъ времени, когда не будетъ запутанной борьбы и свирѣпыхъ побѣдъ и все будетъ ясное, свѣтлое, спокойное.

Раньше пылкія души жаждали сдѣлать дальнее ближнимъ. Теперь онѣ снова отвращаются отъ ближняго и обращаются къ дальнему.

Именно въ связи съ такими настроеніями нужно отмѣтить жадное пристрастіе современнаго европейскаго читателя къ соціальной утопіи. Стоитъ напомнить успѣхъ книги Беллами и романовъ Уэллса, и многихъ другихъ менѣе извѣстныхъ. Въ сложныхъ условіяхъ современной общественности

это вѣрный признакъ того, что общественный кризисъ или, лучше сказать, цѣлый узелъ кризисовъ, наростаетъ и развивается непрерывно. Одни уводятъ насъ вверхъ, къ подъему настроенія, другіе, послѣ пораженій, сбрасываютъ внизъ, въ бездну унынія, третьи, самые большіе, еще впереди, еще предчувствуются.

Прежде чѣмъ перейти къ подробному разсмотрѣнію новѣйшей утопіи, нужно сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній объ исторіи утопій. Какъ сказано выше, стремленіе къ утопіи есть одно изъ основныхъ стремленій человѣческаго духа. Оно явилось вмѣстѣ съ зачатками религіи еще въ то раннее время, когда человѣкъ только становился человѣкомъ.

У самыхъ первобытныхъ дикарей существуетъ вѣра въ загробное царство охоты, которое лежитъ гдѣ-то далеко, за тридевять морей, но все же существуетъ. Тамъ нѣтъ голода, ни бурь, ни болѣзней, ни страха передъ врагомъ, ни злыхъ духовъ; живущіе тамъ наслаждаются всѣми радостями жизни, обильной охотой, яснымъ небомъ, любовью. Тамъ розы безъ шиповъ и пчелиный медъ безъ пчелинаго жала. Попасть въ это загробное царство составляетъ вѣнецъ и цѣль жизни земного смертнаго человѣка.

Развитіе первобытной религіи приводитъ съ собой развитіе идеи о загробномъ царствѣ. Возникаетъ величественная Валгалла, область боговъ и безсмертныхъ героевъ, которые пируютъ вмѣстѣ за чашей священнаго меда и наслаждаются звономъ мечей и боевымъ пыломъ въ поединкахъ, изъятыхъ отъ смерти и свободныхъ отъ ранъ.

Даже античные греки, которые создали подъ вѣчно безоблачнымъ небомъ религію красоты, живой, здѣшней, и всѣ туманы земли переселили въ Тартаръ, все же рядомъ съ Тартаромъ поставили Поля Елисейскія, гдѣ обитаютъ блаженныя души на лугахъ изъ непенты и асфоделя. Хотя сердце грековъ отвращалось отъ загробной неизвѣстности даже на Поляхъ Елисейскихъ, и призракъ Ахилла горестно говоритъ

Одиссею, сошедшему въ адъ: Лучше бы я желалъ быть на землѣ послѣднимъ поденщикомъ, чѣмъ здѣсь могучимъ царемъ и героемъ.

Рядомъ съ мечтой о загробномъ царствѣ очень рано сложилась легенда о золотомъ вѣкѣ, объ утраченномъ блаженствѣ, которое нѣкогда существовало здѣсь на землѣ, но потомъ было утрачено послѣ катастрофы.

О происхожденіи этой легенды много писали. Мнѣ кажется, она имѣетъ реальныя основанія.

Мнѣ кажется, что жизнь первобытныхъ человѣческихъ племенъ была свѣтлѣе и счастливѣе послѣдующихъ періодовъ культуры. Въ настоящее время остатки первобытныхъ племенъ оттѣснены въ самые негостепріимные углы земного шара, въ дикія горы или на крайній сѣверъ. Все же каждый, кто близко видѣлъ жизнь этихъ послѣднихъ осколковъ древняго человѣчества, поражается безпечнымъ весельемъ, первобытной, почти стихійной радостью этой жизни. Въ ней много творчества терпѣливаго или капризнаго, много усилій въ борьбѣ съ природой, но нѣтъ монотоннаго ига, которое возникло съ культурой, родилось съ земледѣліемъ въ осѣдломъ жилищѣ, развилось въ городѣ, гдѣ человѣческій трудъ былъ закованъ въ цѣпи постоянныхъ часовъ отъ шести до шести, въ душной фабрикѣ, при машинѣ, смазанной нефтью.

До появленія европейцевъ, острова Полинезіи были осколками земного рая, разбросанными въ океанѣ, но, быть можетъ, широкія равнины древнихъ эпохъ западной Европы, когда людей было мало и дичи было такъ много, и люди охотились за мамонтомъ и дикою лошадью, и зеленые луга еще не были изрѣзаны плугомъ и обезображены изгородью,— эти эпохи были еще счастливѣе, несмотря на огромныхъ львовъ и пещерныхъ медвѣдей. Самая душа человѣчества была наивная, солнечная, беззаботная. Жизнь была, какъ праздникъ. Эти эпохи продолжались много тысячелѣтій и крѣпко запечатлѣлись въ человѣческой памяти и преврати-

лись въ легенду о вѣкѣ Сатурна, древнюю легенду о прошломъ золотомъ вѣкѣ, объ эдемскомъ счастьѣ въ зеленомъ раю, среди рѣкъ месопотамскихъ. И рядомъ съ нею запечатлѣлось другое воспоминаніе. Когда Богъ изгналъ человѣка изъ рая, онъ наложилъ на него самое тяжелое проклятіе земли: тусклый трудъ въ потѣ лица своего.

Легенда о золотомъ вѣкѣ существовала въ античныя, языческія или полуязыческія эпохи, когда отблескъ первобытнаго солнца и юной наивности еще не угасъ въ душѣ человѣчества. За высокими стѣнами средневѣковыхъ городовъ эта легенда исчезла въ Европѣ и въ Азіи. Болѣе сложная религія превратила наивную мечту о царствѣ загробной охоты въ мистическую утопію небеснаго царства, безплотнаго и бездѣятельнаго небеснаго рая.

Христіанское царствіе небесное это позднѣйшая соціальная постройка. Оно имѣетъ преображенныя черты земного византійскаго царства. Ибо средоточіемъ его является высокій престолъ, на которомъ возсѣдаетъ державный Царь царей, въ мантіи изъ тучъ, опоясанной молніей. На ступеняхъ стоятъ небесные чины, согласно табели о рангахъ, выше всѣхъ архангелы, потомъ ангелы, апостолы въ вѣнцахъ и святые въ сіяніи. Простыя рядовыя души стоятъ внизу, безъ вѣнцовъ и безъ шапокъ, какъ полагается черняди. Такъ рисуютъ царствіе небесное на старинныхъ иконахъ.

Буддійская нирвана, блаженное небытіе, это—позднѣйшая философская постройка, созданіе глубокаго разочарованія, усталаго отвращенія къ жизни, продуктъ преждевременной старости, безнадежной и неизлѣчимой:—жизнь есть зло, не только индивидуальная жизнь, но и вся цѣль жизни, непрерывное переселеніе души, распятой на колесѣ бытія. Чтобы избавиться отъ этой непрерывности, нужно высшее напряженіе духовныхъ силъ, самоотреченіе, неподвижное до баснословности, пока птицы совьютъ гнѣздо въ протянутой рукѣ

отшельника-аскета; и какъ высшая награда является—погруженіе въ блаженство небытія.

Мы, европейцы, только въ послѣдніе годы доросли до такого отчаянія, вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ, съ Гартманномъ, съ Мопассаномъ, съ отдѣльными нервно организованными людьми, которые отъ одного созерцанія жизни теряютъ разсудокъ и умираютъ. Но для массъ это отчаяніе еще не стало религіей, ибо тогда нужно было бы поставить крестъ надъ нашей цивилизаціей; она превратилась бы въ буддійское кладбище.

Рядомъ съ мистической утопіей позднѣйшихъ религій, возникла утопія философская. Ее создавали спокойные, уравновѣшенные умы, на основахъ, вытекающихъ изъ разума, въ противность дѣйствительной жизни, грубой, оскорбительной, противной здравому смыслу.

Философская утопія не получила широкаго распространенія, ибо разумъ меньше всего вліяетъ на человѣческія дѣла. Даже въ построеніяхъ философовъ вмѣстѣ съ ихъ разумомъ отразились также ихъ политическіе предразсудки, какъ въ «Республикѣ» Платона, которая желаетъ установить особый видъ олигархіи подъ управленіемъ философовъ. Можно опасаться, что въ дѣйствительной жизни управленіе философовъ могло бы уподобиться смѣхотворной и безпорядочной Лапутѣ, осмѣянной Свифтомъ.

Въ новѣйшія времена широкое развитіе науки и техническаго прогресса вызвало къ жизни утопію научную и техническую. «Новая Атлантида» Бекона была первымъ образцомъ; далѣе слѣдовали десятки другихъ, вплоть до многочисленныхъ романовъ Жюля Верна и Фламмаріона.

Научная утопія ввела новое начало—прогнозъ, предвидѣніе будущаго развитія по уже намѣченнымъ путямъ, вослѣдъ научнымъ гипотезамъ и полуобоснованнымъ надеждамъ. И иныя изъ этихъ предвидѣній оправдались и оправдываются въ дѣйствительности, напримѣръ, широкое развитіе

электричества, успѣхи воздухоплаванія, подводныя лодки, новыя взрывчатыя вещества баснословной силы.

Но въ послѣдніе годы прогрессъ науки развертывается такъ широко и идетъ впередъ такими быстрыми шагами, что почти опережаетъ и затмеваетъ утопію. Ничье романическое воображеніе не сумѣло предсказать икс-лучей и радія. И потому можно сказать, что научная утопія постепенно блекнетъ, теряетъ романическій характеръ и превращается въ простое расширеніе научныхъ гипотезъ, не выходящее изъ предѣловъ области чистой науки.

Одновременно съ научной утопіей явилась утопія соціальная, которая сдѣлалась главной формой новѣйшей утопіи.

Въ противоположность научному прогрессу, прогрессъ соціальный развивается мучительно медленно и скудно. Если оцѣнить успѣхи, сдѣланные въ этой области, безъ лицепріятія и безъ преувеличенія, то, быть можетъ, придется назвать только два прочныхъ пріобрѣтенія — уничтоженіе людоѣдства и болѣе грубыхъ пытокъ. Рабство, дѣтоубійство, торговля дѣтьми, торговля женщинами—все это процвѣтаетъ въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ въ формахъ почти столь же откровенныхъ, какъ и въ древнія эпохи.

Общее количество проститутокъ въ Европѣ достигаетъ полумилліона; парижскіе сутенеры и апаши нисколько не лучше римскихъ гладіаторовъ. Тѣ же патриціи и плебеи, тюрьмы, казни. Войны стали страшнѣе, неравенство богатствъ больше прежняго.

Можно отмѣтить только, что протестъ противъ такого соціальнаго состоянія возрастаетъ медленно и непрерывно, принимаетъ различныя формы и проникаетъ во всѣ обще-

ственные слои. Этотъ протестъ родился въ христіанствѣ и буддизмѣ, имѣлъ много приливовъ и отливовъ, но въ новѣйшее время перешелъ изъ религіозной формы въ свѣтскую. Нарастаніе этого протеста привело ко многимъ потрясеніямъ, но еще не создало почти никакихъ прочно завоеванныхъ результатовъ.

Оно создало до сихъ поръ теорію, а не практику прогресса, его философскую и литературную форму, а не реальное преобразованіе. Соціальная утопія является однимъ изъ литературныхъ проявленій этого новаго чувства соціальной справедливости.

Соціальная утопія — это идеальное описаніе новыхъ формъ общественнаго быта, въ противоположность дѣйствительности, запутанной, странной и равно несчастной для высшихъ и для низшихъ.

Очень часто она окрашена полемическимъ оттѣнкомъ. Это — агитаціонная рѣчь, облеченная въ соціологическую форму.

Въ то же самое время, это прежняя легенда о золотомъ вѣкѣ, перенесенная въ грядущее и превращенная изъ сожалѣнія въ надежду, религіозная мечта о царствіи небесномъ, лишенная мистическаго ореола и низведенная съ небесъ на землю. У этого свѣтскаго рая есть свой канонъ, свои иконописные навыки, мраморные дворцы, вѣчно зеленые сады, въ которыхъ гуляютъ людскія группы. Онѣ—такія же безгрѣшныя, бѣлыя душой и тѣломъ и одеждой, какъ и райскія души. Но въ отличіе отъ царствія небеснаго эти люди равны между собой, безъ небесныхъ чиновъ, и безъ Саваоѳа въ центрѣ. Они соединены парами, мужчины и женщины, какъ было въ древнемъ Эдемѣ.

Въ подражаніе научной утопіи соціальная утопія приняла форму романа и подчинилась обычнымъ условіямъ этой формы литературнаго творчества.

Многіе писатели съ любовью разрабатывали такой уто-

пическій романъ. Я уже упоминалъ извѣстную книгу Беллами «За сто лѣтъ». Однако, въ концѣ девятнадцатаго вѣка возникли въ этой области творчества новыя требованія.

Во-первыхъ, явилась, въ подражаніе утопіи научной, потребность реальнаго прогноза; попытка, вмѣсто идеала или наряду съ нимъ, проникнуть мысленнымъ взоромъ въ реальную возможность грядущаго развитія.

Развитіе художественнаго вкуса обнажило другое затрудненіе, которое коренится въ самой сущности соціальной утопіи.

Новѣйшій романъ является отраженіемъ современной общественной жизни и подобно ей представляетъ общую картину непрерывной и напряженной борьбы человѣческихъ страстей. Внѣ этихъ страстей нѣтъ жизни и нѣтъ движенія.

Соціальная утопія, какъ идеальная картина, всегда противоставляла свою разумную и счастливую простоту сложному и грубому сплетенію современной жизни. Она рисовала достиженіе, въ противоположность стремленію, цѣль борьбы, въ противоположность процессу борьбы. Человѣческія страсти являлись успокоенными и примиренными, какъ бы нейтрализованными и несуществующими.

Въ такихъ условіяхъ истинно-художественное творчество являлось невозможнымъ. Мало того, современный умъ отказывался представить себѣ такую идеальную жизнь, лишенную борьбы страстей,—какъ нѣчто реальное, дѣйствительно существующее, ибо идеалъ по своему существу неподвиженъ, а жизнь подвижна и текуча. Лессингъ не даромъ сказалъ: Если бы Господь Богъ предложилъ мнѣ: «вотъ въ лѣвой рукѣ моей стремленіе къ истинѣ и также заблужденіе, а въ правой рукѣ вся истина и нѣтъ стремленія,—выбирай»,— я бы сказалъ: «Господи, возьми себѣ истину и дай мнѣ стремленіе вмѣстѣ съ заблужденіемъ». Райскія картины всегда были скучны и безжизненны, еще въ своей мистической религіозной формѣ. И веселые грѣшники подчасъ го-

ворили, что они предпочитаютъ адъ съ его безконечной суетой.

Для того, чтобы избѣжать неподвижности, творцы соціальной утопіи переносили всю силу своего вниманія на промежуточный періодъ, на время перехода отъ стараго къ новому, когда борьба страстей должна обостриться и получить крайнее развитіе впредь до предполагаемой побѣды новаго. По отношенію къ дальнѣйшему строю они чаще всего отдѣлывались общими фразами о томъ, что борьба не прекратится и тогда, и что она приметъ новыя, болѣе утонченныя формы, намъ неизвѣстныя. Никто изъ нихъ, однако, не пытался дать какое-нибудь конкретное изображеніе этихъ грядущихъ формъ борьбы. По моему мнѣнію дать такое изображеніе невозможно, ибо въ корнѣ его лежитъ ложное представленіе.

Борьба страстей въ мірѣ человѣческомъ, какъ и въ мірѣ животномъ, въ своемъ существѣ не подвергалась измѣненію. Это борьба за существованіе въ грубомъ и первобытномъ значеніи. Она такъ же первобытна, какъ первобытны основные моменты и отправленія земной жизни, пища, сонъ, любовь, смерть. Эти моменты до сихъ поръ не подверглись никакимъ измѣненіямъ.

Борьба за существованіе возникла на зарѣ первобытной жизни, когда двѣ амебы стали отнимать другъ у друга частицу питательной матеріи, проплывавшую мимо, и съ самаго начала она превратилась въ убійство. Люди и звѣри одинаково подвластны природѣ. Убивая другъ друга, они только подражаютъ природѣ. Природа убиваетъ и люди тоже убиваютъ. Природа напитана смертью и убійствомъ, какъ губка. Нельзя ступить, нельзя дохнуть, чтобы не уничтожить жизнь. Смерть—законъ. Убійство только частный случай его примѣненія.

Мало того, именно эта жестокая и непреклонная борьба есть лучшее орудіе для совершенствованія жизни. Безъ

борьбы нѣтъ улучшенія. Борьба безкровная и борьба кровавая идутъ рядомъ и ведутъ къ одной и той же цѣли. Безкровная борьба—это первая половина борьбы, кровавая борьба—это вторая заключительная половина. Съ незапамятныхъ временъ такъ есть и остается безъ измѣненія. Война междуусобная, война международная, внутренняя и внѣшняя, война классовъ, война племенъ, война государствъ, война цѣлыхъ расъ, все это частные случаи общаго закона.

Только одно можно сказать:—война въ историческомъ развитіи шла непрерывно расширяющимися кругами. Вначалѣ сражались отдѣльныя особи, потомъ мелкія орды, потомъ племена, потомъ государства и расы.

И поскольку внутренній миръ, Treuga Dei, устанавливался въ предѣлахъ замкнутаго общественнаго круга, онъ какъ будто служилъ стимуломъ для перенесенія войны на болѣе широкое поприще.

Вырвать изъ человѣчества инстинктъ этой борьбы—значитъ вырвать вмѣстѣ съ нимъ любовь къ опасности, готовность къ риску и самопожертвованію, презрѣніе къ смерти, тотъ полубезумный экстазъ, когда человѣкъ побѣждаетъ самое низкое земное чувство—страхъ, и дерзко бросаетъ къ ногамъ незримой судьбы то, что у него есть самаго дорогого—жизнь. Вырвать все это—значитъ вырвать у исторіи спинной хребетъ, удалить то, что живитъ человѣчество и движетъ исторію впередъ.

Говорятъ: зачѣмъ умирать въ цвѣтѣ юности на полѣ битвы? Можно вмѣсто отвѣта спросить: зачѣмъ умирать въ сморщенной старости съ тусклыми глазами и остывшими чувствами? Умереть все равно нужно. Зачѣмъ же жить слишкомъ долго? Лучше отдать жизнь въ расцвѣтѣ ея на жертву за идеалъ или даже за призракъ. Deo ignoto.

Въ этомъ кровавомъ безуміи нужно искать проблескъ надежды и свѣтлую искру. Ибо добро и красота входятъ въ міръ медленно, въ тяжеломъ трудѣ и неустанной борьбѣ.

Черная судьба наша лежитъ передъ нами, какъ глыба стали. И мы отрываемъ отъ нея крупинку за крупинкой, нашими острыми ногтями, въ буйномъ гнѣвѣ, въ стихiйномъ бѣшенствѣ. Наши ногти въ крови, пальцы наши протерлись до костей. Но высшее наше счастье въ томъ, чтобы вѣчно сражаться съ этою косною глыбою и не покладать рукъ и не отдыхать ни на минуту. Счастье наше въ страданiи. Завершенiе личнаго жребiя въ гибели, ибо гибель индивидовъ служитъ лѣстницею для восхожденiя цѣлаго вида.

Поэтому предположенiе, что въ будущемъ борьба въ человѣчествѣ измѣнится, что будетъ какая-то иная борьба, утонченная, не относящаяся къ первымъ потребностямъ жизни и не употребляющая грубыхъ первобытныхъ способовъ и орудiй, такое предположенiе чуждо и непонятно для современнаго сознанiя. Для этого сущность человѣческой души и основы человѣческой жизни должны измѣниться. Тогда человѣкъ уже не будетъ человѣкомъ, но перейдетъ въ иную форму бытiя, отличную и высшую.

Такимъ образомъ основное противорѣчiе социальной утопiи остается неразрѣшимымъ. Достиженiе идеала предполагаетъ примиренiе страстей. Въ примиренiи страстей нѣтъ жизни и движенiя.

III.

Въ концѣ 19 вѣка англiйскiй романистъ Г. Д. Уэллсъ попытался дать дальнѣйшее развитiе этимъ новымъ запросамъ социальной утопiи. Уэллсъ представляетъ своеобразное литературное явленiе, ибо вся сила его таланта и все вниманiе направлено на социальную утопiю. Онъ написалъ около десятка книгъ, посвященныхъ самымъ причудливымъ формамъ утопiи, не считая мелкихъ разсказовъ и очерковъ, и продолжаетъ писать новыя на ту же, для него совершенно неистощимую, тему.

Біографія Уэллса не даромъ связана съ кельтійской мѣстностью (графство Валлійское). Онъ представляетъ въ англійской литературѣ кельтійскій элементъ. У него кельтійское воображеніе, какъ у эльфа Пука въ Шекспировской феерiи «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Его мелкіе разсказы еще своеобразнѣе разсказовъ Киплинга. Но въ отличіе отъ Киплинга, разсказы Уэллса всегда вращаются около темъ научной фантазіи. Четвертое измѣреніе, сношенія съ Марсомъ, собираніе рѣдкихъ растеній и допотопныхъ костей, уничтоженіе вѣса матеріи.

Приведу одинъ характерный примѣръ, разсказъ—«Островъ Эпіорниса».

Собиратель естественно-научныхъ коллекцій находитъ на берегу Мадагаскара, въ смолистомъ болотѣ, яйца Эпіорниса, гигантской птицы трехсаженной высоты, которая, какъ извѣстно, водилась на Мадагаскарѣ и вымерла, повидимому, не особенно давно, во времена историческія.

Онъ проѣзжаетъ по морскому берегу въ утломъ челнокѣ, вмѣстѣ съ двумя неграми. Они нащупываютъ въ болотѣ особыми желѣзными щупами нѣсколько хорошо сохранившихся яицъ, достаютъ три и переносятъ ихъ въ лодку. Яйца имѣютъ четыре фута длины.

Потомъ происходитъ ссора собирателя съ неграми. Негры пытаются оставить его на берегу. Онъ убиваетъ одного негра изъ револьвера и догоняетъ челнокъ вплавь, другой негръ умираетъ отъ укушенія сколопендры. Весла падаютъ въ воду. Собиратель выбрасываетъ трупы и остается въ челнокѣ одинъ съ гигантскими яйцами. Теченіе уноситъ его въ открытое море.

Онъ съѣдаетъ небольшой запасъ сухарей, потомъ принимается за яйца. Первое яйцо совершенно свѣжее. Но во второмъ, подъ вліяніемъ солнечнаго жара, уже развился зародышъ и нужно большое усиліе воли, чтобы ѣсть такую пищу. Въ концѣ концовъ собиратель остается въ челнокѣ

среди океана, съ третьимъ яйцомъ, въ которомъ уже пульсируетъ развивающійся зародышъ птицы...

Огромное яйцо трехсаженной птицы, вымершей, почти допотопной породы, попало вмѣстѣ съ одинокимъ человѣкомъ въ челнокъ среди океана и подъ вліяніемъ солнечнаго зноя превращается въ живого цыпленка. Только кельтійская фантазія могла породить такое причудливое сочетаніе.

Однако кельтійская фантазія Уэллса движется въ рамкахъ англійской логики и научной тренировки. Уэллсъ дѣйствуетъ строго научнымъ путемъ. Онъ дѣлаетъ какое-нибудь фантастическое предположеніе и потомъ конструируетъ, сообразно этому предположенію, самыя детальныя измѣненія окружающей обстановки. Онъ какъ будто поворачиваетъ основную ось своего воспріятія на 30 градусовъ и потомъ заставляетъ поворачиваться вмѣстѣ съ ней всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и всю вселенную. Въ этомъ отношеніи Уэллсъ напоминаетъ другого кельто-англійскаго писателя Свифта, ирландскаго протестанта и англиканскаго декана, который старался обставлять самыя фантастическія изъ своихъ построеній такими же реальными, послѣдовательно логическими деталями.

Приведу въ видѣ примѣра другой разсказъ Уэллса—«Невидимка». Молодой ученый изобрѣтаетъ средство, придающее прозрачность твердымъ тѣламъ. Онъ принимаетъ это средство внутрь, потомъ достигаетъ того, что свѣтъ, проходящій сквозь его тѣло, преломляется подъ такимъ же угломъ, какъ проходя черезъ воздухъ. Такимъ образомъ онъ становится невидимкой.

Онъ надѣется использовать свое новое состояніе, чтобы пріобрѣсти могущество и богатство. Но вмѣсто того съ нимъ начинается рядъ несчастій, вытекающихъ изъ его новаго состоянія.

Ему приходится ходить по улицѣ нагишомъ, ибо иначе проѣзжимъ кажется, что идетъ платье, пустое внутри. Тот-

часъ же носильщикъ попадаетъ ему ящикомъ въ затылокъ. Онъ сходитъ на мостовую. На него наѣзжаетъ кучеръ, ибо его не видно. Онъ пытается уничтожить свою прозрачность, но это ему не удается. Ему приходится надѣть маску и парикъ, и тѣсное глухо застегнутое платье, чтобы существовать на этомъ свѣтѣ. Въ разсказѣ много забавныхъ положенiй, строго вытекающихъ изъ той же самой коньюнктуры. Въ концѣ концовъ изобрѣтатель впадаетъ въ манiю величiя, объявляетъ войну человѣчеству и погибаетъ ужасной смертью.

Всѣ романы и разсказы Уэллса развиваются также логически стройно.

Соцiологическiе романы Уэллса можно раздѣлить на двѣ категорiи. Одна категорiя, болѣе ранняго происхожденiя, представляетъ соцiальное будущее въ видѣ крайняго развитiя основъ, заложенныхъ въ природѣ буржуазнаго капиталистическаго строя. Романы этой серiи очень эффектны. На первомъ планѣ надо поставить два: «Когда Спящiй проснется» и «Грядущiе дни».

Оба романа относятся къ одному и тому же времени (22-му вѣку) и дополняютъ другъ друга. Первый представляетъ, какъ бы политическое описанiе эпохи, второй—бытовое ея описанiе. Оба проникнуты внутреннимъ правдоподобiемъ до такой степени, что иногда становится страшно и начинаетъ казаться, что у автора есть, такъ называемое, кельтiйское «двойное зрѣнiе», даръ предвидѣнiя, и что то, что онъ описываетъ, дѣйствительно будетъ имѣть мѣсто.

«Когда Спящiй проснется», это, быть можетъ, лучшiй романъ Уэллса. Начинается онъ причудливымъ изложенiемъ новаго религiознаго миѳа. Всѣ новѣйшiя попытки создать мiровую религiю по древнимъ образцамъ постоянно разбиваются объ отсутствiе новаго миѳа.

Въ недавнее время нѣкоторые писатели выражали желанiе стать новыми миѳотворцами, сознательными и умышленными. Это желанiе есть только плодъ огромнаго недо-

разумѣнія. Миѳотворцевъ никогда не было; было миѳотворчество по существу безличное, общенародное, безъ опредѣленныхъ авторовъ. Это миѳотворчество связано съ извѣстнымъ состояніемъ народныхъ идей и вѣрованій и изъ него вытекаетъ. Отдѣльные авторы, поэты и прозаики, только придали болѣе опредѣленную форму народнымъ миѳамъ, бережно изложили ихъ, стараясь не испортить ихъ сущности.

Наши современныя идеи имѣютъ въ себѣ нѣкоторые миѳотворческіе элементы, но въ другой формѣ, отличной отъ древности, частью болѣе зачаточной, частью болѣе отвлеченной, не антропоморфической. Напримѣръ, наше представленіе о свободѣ, соціальномъ равенствѣ, имѣетъ въ себѣ миѳотворческій элементъ, наши разсказы объ общественныхъ борцахъ и мученикахъ часто имѣютъ характеръ благочестивыхъ житій и даже повышаются до паѳоса легенды, но именно поэтому они не могутъ получить слишкомъ большого развитія и вліянія.

Вся наша культура: газеты, желѣзныя дороги, телефонъ, телеграфъ, противится созданію легендъ и миѳовъ. Ибо миѳъ—не газетная утка. Для миѳа не одно легковѣріе нужно, но также благоговѣніе.

Уэллсъ сдѣлалъ совершенно оригинальную попытку создать особый миѳъ, фантастическій и вмѣстѣ реальный. Молодой ученый Грагамъ, соціальный реформаторъ, подъ вліяніемъ крайней усталости впадаетъ въ каталепсію. Разбудить его не удается. Онъ лежитъ въ больницѣ на койкѣ годъ за годомъ, ни живой, ни мертвый. У него есть довольно значительный капиталъ. Назначается опекунскій совѣтъ.

Время идетъ впередъ. Два друга Грагама, разбогатѣвъ и не имѣя наслѣдниковъ, сговариваются оставить свое состояніе живому мертвецу.

Время идетъ впередъ. Грагамъ остается все въ томъ же положеніи. Совѣтъ Спящаго производитъ рядъ очень ловкихъ спекуляцій и мало-по-малу скупаетъ на всей землѣ

цѣнныя бумаги, газеты, политическія партіи, и въ концѣ концовъ, подъ именемъ Бѣлаго Совѣта, становится обладателемъ власти и богатства на большей половинѣ земного шара.

Послѣднюю жестокую борьбу за обладаніе міромъ Бѣлому Совѣту пришлось выдержать съ группой еврейскихъ банкирскихъ семей, которая тоже претендовала на такое вліяніе. Черезъ сто лѣтъ Спящій становится собственникомъ Англіи, Франціи, Африки, Южной Америки, потомъ скупаетъ Китай, овладѣваетъ Соединенными Штатами. Ему принадлежитъ большая половина бумагъ двухъ великихъ континентальныхъ имперій, Россіи и Германіи. Онъ прибралъ къ рукамъ школу, церковь; завелъ свою полицію, чиновниковъ, армію рабочихъ.

Англійскій парламентъ существуетъ и иногда собирается, но занимается теоретической разработкой общественныхъ вопросовъ, какъ будто бы общество любителей соціологіи. Законный король Англіи состоитъ на жалованьѣ у Бѣлаго Совѣта. Вѣчно пьяный, по цѣлымъ днямъ онъ играетъ на билліардѣ во второстепенныхъ ресторанахъ.

Все это время Спящій лежитъ недвижимо. Для него построенъ особый музей и назначенъ штатъ докторовъ и хранителей. Онъ лежитъ на стеклянномъ пьедесталѣ подъ стекляннымъ ящикомъ. Совѣтъ, управляющій отъ его имени, давно сталъ самовластной олигархіей.

Народъ подвергается систематическому угнетенію и превращается въ рабовъ. Мало-по-малу въ народѣ возникаетъ религія Спящаго. Разъ въ мѣсяцъ всѣхъ желающихъ впускаютъ въ музей. Они смотрятъ на Спящаго и молятся, чтобы Спящій проснулся и перестроилъ міръ. Онъ для нихъ, какъ король Артуръ или Фридрихъ Барбаросса въ Киффгаузерѣ. Потомъ онъ становится ихъ Богомъ. Они называютъ его Господь нашъ и Богъ нашъ. Такъ какъ правящіе классы управляютъ во имя Спящаго, то полу-

чается чудовищная пародія христіанства, столь же пригодная для того, чтобы служить обѣимъ сторонамъ, притѣснителямъ и притѣсненнымъ. Возникаетъ присловье, «Когда Спящій проснется», низшіе классы повторяютъ его съ надеждой, а высшіе съ скептической усмѣшкой, вродѣ нашего «послѣ дождичка въ четвергъ».

Соціальное состояніе міра описано рѣзкими и странными чертами. Уэллсъ сравниваетъ его съ зерномъ, подъ кожу котораго насѣкомое положило свое яичко. Личинка вылупилась изъ яичка и съѣла всю сердцевину зерна, но въ свою очередь стала жертвой новыхъ паразитовъ. Съ виду зерно живо, но содержимое его представляетъ распадъ, оставшійся отъ безстыдной жизни нѣсколькихъ поколѣній паразитовъ.

Уэллсъ разсказываетъ: во времена королевы Викторіи политическая власть перешла въ руки партій, безымянныхъ, безотвѣтственныхъ, а потому удобоподкупаемыхъ. Группа биржевыхъ воротилъ стала подмазывать парламентскую машину. Отъ свободнаго парламента осталась одна тѣнь, одно притворство.

Противъ такого порядка вещей въ концѣ девятнадцатаго вѣка возникла реакція, но исключительно на бумагѣ. Было написано безчисленное множество книгъ о необходимости борьбы съ плутократіей, но самая борьба не возникла, ибо въ людяхъ уже не осталось прежней вѣры въ правду, доходившей до готовности умереть за нее. Если составлялась партія, способная вліять на выборы, большая часть ея вождей и членовъ была подкупаема богачами. Соціалисты и народники, реакціонеры и пуристы, приверженцы стараго и новаго, всѣ одинаково продавали свои убѣжденія.

Такимъ образомъ царство олигархіи побѣдно развилось до своихъ крайнихъ предѣловъ.

Общество распалось на три класса: высшій классъ, владѣтели акцій въ различныхъ учрежденіяхъ, подвластныхъ

Совѣту и во главѣ ихъ денежная Олигархія Совѣта; средній классъ, инженеры, фабричные директора, аэронавты, художники, служащіе въ бюро Воздушныхъ Двигателей, чиновники Общества Пищевыхъ Запасовъ, всѣ представители интеллигентнаго труда и управленія.

Ниже всѣхъ огромный рабочій классъ. Болѣе трети рабочихъ подвластны Компаніи Организованнаго Труда. Эта компанія выросла изъ Арміи Спасенія, которая нѣкогда брала на себя заботу о нищихъ, но потомъ стала коммерческимъ учрежденіемъ. Она замѣнила рабочіе дома, пріюты и богадѣльни. Нищенство воспрещено, но каждый человѣкъ, дошедшій до крайности, попадаетъ подъ попеченіе Компаніи. Она даетъ ему содержаніе и одежду и нѣсколько пенсовъ ежедневнаго жалованья, потомъ назначаетъ трудъ. Такіе рабочіе скоро попадаютъ въ неоплатный долгъ къ Компаніи и не могутъ уйти до смерти.

Если у нихъ рождаются дѣти, Компанія заботится о нихъ до четырнадцатилѣтняго возраста, такимъ образомъ создается такой же неоплатный долгъ и для каждаго новаго поколѣнія. Рабочіе Компаніи имѣютъ особый мундиръ— синюю холстину. Среди другихъ классовъ синяя холстина—это обидное прозвище. Въ народѣ говорятъ: «Синяя холстина снимается только со шкурой».

Въ романѣ «Грядущіе Дни» есть яркое описаніе пріемнаго дня въ Бюро Колоніи Труда. Группы разорившихся людей приходятъ записываться; тутъ безработные механики, епископъ англиканской церкви, которая тоже стала частнымъ коммерческимъ предпріятіемъ и имѣетъ свои періоды безработицы, женщина лѣтъ сорока, бывшая кокотка, съ подрисованнымъ лицомъ и голодными глазами, неудачливый художникъ съ женой. Ихъ фотографируютъ, заносятъ въ очередную тетрадь индекса.—Весь индексъ уже имѣетъ нѣсколько сотъ милліоновъ именъ.—Даютъ имъ оттиснуть большой палецъ вмѣсто подписи, потомъ выдаютъ чеки на

безплатный обѣдъ и синій мундиръ и также рабочую карту.

Надсмотрщица говоритъ: Вы, 071,709 г. ф. б. 95, мужчина, идите на 81-ый проѣздъ въ мастерскую снимковъ, три пенса жалованья, кромѣ содержанія и т. д.

Новый соціальный строй очень сложенъ. Одной полиціи четырнадцать родовъ, которые различаются цвѣтами одеждъ: желтая рабочая полиція, красная полиція Бѣлаго Совѣта, черная полиція путей сообщенія, и т. д. Города разрослись до такой степени, что поглотили все земледѣльческое населеніе и всѣ болѣе мелкіе поселки. Въ Англіи только четыре города, кромѣ Лондона. Въ Лондонѣ 33 милліона населенія.

Земледѣльческія работы совершаются при помощи машинъ инженерами и рабочими, которые ежедневно выѣзжаютъ изъ города на автомобиляхъ по особымъ дорогамъ изъ идамита, твердаго стеклообразнаго вещества, со скоростью до 200 миль въ часъ. Въ пустыхъ поляхъ конные пастухи Общества Пищевыхъ Запасовъ пасутъ безчисленныя стада быковъ и овецъ. Они ведутъ полудикую, кочевую жизнь, подъ открытымъ небомъ, окруженные овчарками.

«...Городъ Лондонъ кончался не какими-нибудь предмѣстьями, какъ это было въ старину, не сходилъ на нѣтъ постепенно, а обрывался сразу сплошной стѣной въ четыреста футовъ высоты, какою-то скалою, прорѣзанной рѣдкими окнами и балконами. Въ одномъ мѣстѣ фундамента громадная, темная, полукруглая пасть поглощала Темзу, въ другомъ мѣстѣ такая же пасть извергала пучекъ идамитовыхъ путей...»

Въ сущности городъ представляетъ одинъ сплошной домъ. Въ немъ больше сорока этажей, онъ весь покрытъ стеклянной крышей, отопляется зимой и освѣщается ночью. Этотъ домъ однако прорѣзанъ огромными улицами, по которымъ движутся платформы съ возрастающей скоростью въ пять миль, десять миль, пятнадцать миль. На ходу

можно переходить съ одной платформы на другую. Эти платформы замѣняютъ трамваи.

Высшіе классы живутъ въ верхнихъ этажахъ подъ самой крышей. Тамъ же находятся художественныя мастерскія и мѣста увеселенія.

Фабрики и заводы и жилища рабочаго класса расположены въ нижнихъ этажахъ и въ подземельяхъ. Рабочіе рѣдко поднимаются вверхъ и почти не видятъ солнца.

Въ романѣ «Грядущіе Дни» полуразорившійся артистъ съ женою дѣлаютъ постоянную попытку поселиться на лѣто внѣ Лондона, въ развалинахъ бывшаго городка Эпсома, но послѣ первой же бури и битвы въ овчарками возвращаются назадъ.

— Мы принадлежимъ другому вѣку, городскому,—печально говорятъ они и цѣлуютъ на прощанье лепестки цвѣтовъ, дико растущихъ на заброшенномъ дворѣ. Потомъ, послѣ многихъ приключеній, они получаютъ большое наслѣдство и нанимаютъ себѣ квартиру на краю города съ балкономъ на внѣшнюю стѣну и съ видомъ на небо и на поле. Это наибольшее приближеніе человѣка 22-го вѣка къ природѣ.

Рабочіе классы внизу стали низшими классами въ буквальномъ смыслѣ слова. Они ведутъ въ своихъ затѣненныхъ этажахъ угрюмую, грубую, злую, безпросвѣтную жизнь. Языкъ ихъ почти непонятенъ высшимъ классамъ. Въ свободные часы они устраиваютъ драки не хуже дикарей каменнаго вѣка. Это машинные дикари.

Было бы слишкомъ долго передавать описанія всей жизни этого страннаго города, сдѣланныя Уэллсомъ. Всѣ они странно конкретны и убѣдительны въ своей правдоподобности.

Вотъ разные кварталы гигантскаго города. Въ сѣверномъ кварталѣ живутъ скульпторы, авторы кинематографическихъ пьесъ, рекламъ и объявленій, поставщики телефоновъ и

граммофоновъ и ихъ репортеры. На западѣ—биржи, рынки, конторы, а также театры, цирки, звѣринцы. Тутъ же различные храмы всѣхъ вѣроисповѣданій: христіанскіе, магометанскіе, буддійскіе, еврейскіе, храмъ поклонниковъ Инкубуса, бѣса сладострастія, храмъ поклонниковъ Комфорта. Фасады храмовъ покрыты электрическими надписями религіозной рекламы. Вотъ самыя невинныя надписи: «Спасеніе—третій этажъ направо. Быстрѣйшее въ Лондонѣ обращеніе въ христіанство. Лучшіе епископы и цѣны безъ повышеній. Остерегаться поддѣлокъ. Быстрое прощеніе грѣховъ для дѣловыхъ людей».

Въ юго-западной сторонѣ: сады наслажденій. Они принадлежатъ акціонерному обществу Евѳаназіи, легкой смерти. Чувствуя приближеніе смерти, богатые люди за приличную сумму покупаютъ себѣ Евѳаназію. Доктора общества вычисляютъ количество жизненныхъ силъ, еще уцѣлѣвшихъ у паціента, и назначаютъ для него то или другое предсмертное использованіе наслажденій по различнымъ методамъ.

Типы новаго человѣчества запечатлѣны индивидуальностью, это живые люди. Вотъ почтенный потомокъ м-ра Морриса, негоціанта изъ Сити, временъ королевы Викторіи. Теперь его имя пишется Mwres по фонетической системѣ. Онъ во многомъ похожъ на своего предка, такой же полный, съ брюшкомъ, и степенно презрительнымъ выраженіемъ лица. Онъ также не любитъ новыхъ выдумокъ и ворчитъ на развращеніе низшихъ классовъ. Онъ не читаетъ Таймса, и даже не знаетъ, что когда-то существовалъ Таймсъ, но граммофонная машина, которая виситъ надъ его умывальнымъ столикомъ и сообщаетъ новости по утрамъ, представляетъ какъ будто стальное воплощеніе проворнаго Бловица, извѣстнаго корреспондента Таймса, даже по тону голоса.

...И также по утрамъ этотъ Mwres выходилъ изъ дому,

прилично одѣтый и полный самоуваженія. Конечно, костюмъ его былъ нѣсколько иной, чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ. Можно даже сказать, что онъ скорѣе вышелъ бы на улицу голый, чѣмъ рѣшился бы надѣть цилиндръ, фракъ, сѣрые штаны и часы съ брелоками. Бриться ему тоже не приходилось, ибо искусный операторъ давно удалилъ съ его лица каждый волосъ вмѣстѣ съ корнемъ. Ноги его были облечены брюками красиваго розоваго цвѣта изъ матеріи, непроницаемой для воздуха. Онъ надувалъ ихъ немного при помощи ручной помпы, такъ чтобы увеличить и округлить свои икры и мускулы. Куртка его была такая же пневматическая, съ расширенными и слегка раздутыми плечами. Такимъ образомъ онъ былъ облеченъ со всѣхъ сторонъ воздухомъ и прекрасно защищенъ противъ жары и холода. На плечахъ его висѣлъ короткій алый плащъ съ причудливо вырѣзаннымъ краемъ.

Голова его тоже была давно лишена волосъ. Онъ носилъ на ней маленькую красную шапочку, слегка надутую водородомъ и плотно приставшую вокругъ лба пневматическимъ присосомъ, странно похожую на пѣтушиный гребень. Сознавая скромность и приличіе своего костюма, онъ смотрѣлъ прохожимъ въ глаза спокойнымъ взоромъ...

Семейная жизнь въ сущности разрушена. Городъ представляетъ одну сплошную гостиницу, гдѣ есть тысячи способовъ жизни на разныя цѣны, тысячи столовыхъ, театральныхъ залъ, церквей. У отдѣльнаго человѣка осталась только спальня, гигіенично обставленная, даже у небогатыхъ людей (конечно, за исключеніемъ рабочихъ).

Женщины пріобрѣли самостоятельность. Онѣ работаютъ и, кромѣ того, получаютъ деньги отъ мужчинъ. Все это онѣ тратятъ на наряды и удовольствія. Каждая красивая женщина имѣетъ возможность уйти изъ рабочаго класса и жить своей красотой, безпечно и изящно, пока не состарится. Вмѣсто стараго брака и уличнаго распутства, явились,

однако, новыя сложныя формы брака. Одна женщина можетъ состоять въ пяти брачныхъ системахъ и въ каждой быть болѣе или менѣе замужемъ. Тоже и съ мужчинами. Даже христіанскіе епископы участвуютъ въ такихъ сложныхъ бракахъ.

Дѣти воспитываются въ общихъ пріютахъ. Грудные младенцы лежатъ въ особыхъ ватныхъ гнѣздахъ и предъ каждымъ механическая кормилица. У нея руки, плечи и грудь очень реально сдѣланы и молоко великолѣпнаго состава, но внизу три мѣдныя ножки, а вмѣсто лица циферблатъ съ объявленіями о косметикахъ. Молодыя матери часто приходятъ сюда любоваться на своихъ дѣтей. И объявленія эти назначены для нихъ.

Пріюты такъ хорошо устроены, что смертность младенцевъ не достигаетъ 1/2 % въ годъ.

Лѣченіе болѣзней и воспитаніе происходитъ при помощи гипнотизма. Искусные гипнотизеры занимаютъ въ обществѣ видное положеніе. При помощи ихъ методовъ, вмѣсто многихъ лѣтъ обученія—довольно нѣсколькихъ недѣль гипнотическихъ сеансовъ; особенно въ тѣхъ наукахъ, которыя требуютъ механической памяти.

Подростки рабочаго класса при помощи гипнотизма освобождаются отъ юношескихъ грезъ и становятся великолѣпными машинными рабами. Ученики аэронавтовъ также освобождаются при помощи гипнотизма отъ головокруженія и замиранія сердца. Гипнотизеры есть на каждой улицѣ. Если кто желаетъ запомнить слово, имя, рѣчь или рядъ именъ, тотъ обращается къ гипнотизеру. И, наоборотъ можно такимъ путемъ устранить воспоминаніе, уничтожить привычку, искоренить желаніе. Вдова, желая выйти замужъ, удаляетъ воспоминаніе о мужѣ. Любовникъ удаляетъ несчастную любовь изъ своей души и т. д.

Только прививать новыя желанія еще нѣтъ средства. Гипнотизмъ убиваетъ волю, превращаетъ паціентовъ въ

машины. Все это ведетъ въ обычной жизни къ автоматичности человѣка. При помощи гипнотизма совершаются также преступныя внушенія разнаго рода.

Образованіе ведется по фонографическимъ цилиндрамъ. Учащіеся не читаютъ книгъ, они слушаютъ незримую лекцію изъ металлической трубы. Для среднихъ классовъ, особенно для дѣвушекъ, существуетъ легкое пріятное ученіе. Напримѣръ, въ одно и то же время пятьсотъ фонографовъ въ разныхъ концахъ Лондона читаютъ лекцію: «О вліяніи Платона и Свифта на любовныя дѣла Шелли и Бёрнса». Потомъ слушательницы сочиняютъ этюды на тему изъ прочитаннаго. Низшимъ классамъ при помощи образованія внушается послушаніе и довольство малымъ и т. п.

Спящій владыка міра неожиданно просыпается. По этому поводу начинаются большія волненія. Разрастается революція во имя Спящаго. Совѣтъ держитъ Спящаго въ почетномъ заточеніи и склоняется къ тому, чтобы тайно убить его, или принудить гипнозомъ къ полному послушанію. Но часть Совѣта принимаетъ сторону Спящаго и организуетъ возстаніе рабочихъ, Синей Холстины; партія Спящаго побѣждаетъ. Народъ ликуетъ. Но скоро оказывается, что это была только политическая революція.

Главы побѣдившей партіи желаютъ держать народъ въ прежнемъ рабствѣ и реорганизовать Совѣтъ для своей личной и классовой выгоды. Въ Парижѣ открытое возстаніе. Его усмиряютъ при помощи негритянскихъ полковъ, которые привозятъ изъ Судана на огромныхъ аэропланахъ. Они идутъ въ битву, распѣвая воинственныя пѣсни своего предка Киплинга. Это очень удачный и неожиданный выпадъ Уэллса противъ Киплинга съ его военнымъ шовинизмомъ и поклоненіемъ бѣлой расѣ.

Спящій владыка сначала плохо разбирается во всѣхъ этихъ осложненіяхъ, но потомъ дѣлаетъ отчаянную попытку снова организовать побѣдоносное возстаніе демократическихъ

массъ противъ новой и старой Олигархіи. Однако, народъ оказывается уже неспособнымъ къ побѣдѣ. Онъ слишкомъ необразованъ, разобщенъ, отвыкъ отъ политики. Большая часть интеллигенціи на сторонѣ Новаго Совѣта. Народъ слѣпо возлагаєтъ всѣ надежды на своего господина, Спящаго. Романъ кончается воздушнымъ сраженіемъ обѣихъ партій надъ Лондономъ на летательныхъ машинахъ. Въ этомъ сраженіи гибнетъ Спящій и представитель новой Олигархіи, Астрагъ, его главный противникъ. Лондонъ горитъ.

Скажу еще разъ: когда слѣдишь за этими безотрадными картинами, становится жутко. Кажется, какъ будто въ нихъ есть элементы дѣйствительнаго предвидѣнія. Уэллсъ говоритъ намъ устами вышеупомянутаго Мастермана изъ романа «Киппсъ».

Общество, въ которомъ мы живемъ, больное общество, все насквозь. Человѣчество стало единымъ и оно не можетъ быть счастливо въ одной части и несчастно въ другой. Пора заплатокъ прошла. Все или ничего.

Есть только два пути: или полное возрожденіе и установленіе соціальнаго порядка, или уродливое развитіе капитализма, описанное выше. Придется выбирать то или другое.

Романъ «Машина Времени» составляетъ какъ бы продолженіе и крайнее завершеніе этой уродливой эволюціи. Онъ развивается въ живописной рамкѣ, причудливой и вмѣстѣ научной, какъ всегда у Уэллса.

Молодой ученый изобрѣлъ «Машину Времени», съ помощью которой можно путешествовать по четвертому измѣренію въ прошедшее и въ будущее. Описаніе машины и ея путешествій написано съ большимъ мастерствомъ, такъ что таинственная сущность четвертаго измѣренія выступаетъ выпукло передъ нашими глазами. Это четвертое измѣреніе есть—время, самостоятельно движущееся впередъ сквозь три измѣренія пространства.

При посредствѣ своей машины ученый путешественникъ попадаетъ въ Англію черезъ 800.000 лѣтъ. Это періодъ упадка культуры человѣчества, которая въ миновавшіе вѣка развернулась съ пышнымъ невиданнымъ блескомъ. Вездѣ стоятъ развалины великолѣпныхъ дворцовъ, обветшалые музеи, величественныя статуи, изъѣденныя временемъ. Впрочемъ, благодаря тому, что одна изъ ближайшихъ планетъ упала на солнце, температура снова поднялась, и на землѣ царствуетъ вѣчная весна. Всѣ звѣри, всѣ насѣкомыя, птицы, ненужныя растенія, микробы, все давно исчезло съ лица земли. Земля, это — сплошной садъ, засаженный цвѣтами и разнообразными плодами и населенный людьми. Садъ запущенъ, но по прежнему прекрасенъ и плодовитъ.

Человѣчество въ вырожденіи своемъ распалось на двѣ расы; обѣ уменьшились въ ростѣ, утратили большую часть сввихъ знаній, но онѣ настолько неодинаковы, что ихъ уже нельзя объединять однимъ именемъ человѣка.

Одна раса, это—Элои, потомки высшихъ классовъ. Они живутъ въ земномъ саду безпечной и безгрѣшной, полурайской, полуобезьяньей жизнью. Они потеряли всѣ искусства, даже не разводятъ огня, почти разучились говорить, питаются исключительно фруктами, спятъ въ обветшалыхъ дворцахъ, на кучахъ листьевъ; съ утра до вечера играютъ, забрасывая другъ друга цвѣтами. Днемъ и въ лунныя ночи они счастливы, но съ наступленіемъ темныхъ ночей они трепещутъ, ибо изъ-подъ земли выходятъ враги, предъ которыми они безпомощны. Это Морлоки, потомки низшихъ классовъ, бывшихъ рабочихъ.

Морлоки окончательно зарылись въ свои подземелья. Глаза ихъ не выносятъ дневного свѣта. Они бѣлесоватые, малорослые, проворные, съ тонкими оконечностями,—человѣческіе подземные пауки. Подъ землею еще дѣйствуетъ часть машинъ, вентиляція, водопроводы, ассенизація и т. п. Ме-

4*

ханизмы ихъ устроены автоматически прежними поколѣніями и дѣйствуютъ, какъ часы.

Впрочемъ, Морлоки сохранили часть техническаго умѣнія, полубезсознательно, тоже какъ автоматы. По старой привычкѣ они изготовляютъ для людей Элои платье и доставляютъ его наверхъ. Жизнь ихъ подъ землею унылая и страшная, какъ жизнь крысъ въ выгребной ямѣ. Пищи подъ землей нѣтъ. Они плотоядны. Пищей имъ служатъ верхніе люди Элои, на которыхъ они нападаютъ въ темныя ночи. Эти счастливые обитатели цвѣточнаго сада представляютъ живое стадо скота для противныхъ человѣческихъ крысъ. Такую страшную расплату судьба возложила на потомковъ аристократіи за преступленія предковъ.

Къ той же категоріи романовъ примыкаетъ описаніе луннаго царства. Тема о путешествіи на луну разрабатывалась много разъ, но разсказъ Уэллса отличается отъ всѣхъ другихъ. Во всей фантастичности своей это какъ будто реальное описаніе того, что дѣйствительно можетъ существовать въ условіяхъ луннаго міра.

Ужасная холодная двухнедѣльная ночь, въ сугробахъ мерзлаго воздуха, похожихъ на сугробы снѣга. Пробужденіе луны при первыхъ лучахъ двухнедѣльнаго дня, растительность, оживающая и вырастающая съ баснословной быстротой, почти видимо для глаза. Селениты, разумныя существа, съ тѣломъ, какъ у насѣкомыхъ, хитиновой хрупкости, живутъ внутри луны въ проходахъ и пещерахъ, кругомъ центральнаго моря. Выходы подлуннаго міра ведутъ въ кратеры и закрываются огромными желѣзными крышами предъ наступленіемъ лунной ночи.

Селениты—это многочисленная, сильно развѣтвленная раса. Техника ихъ ушла дальше земной; у нихъ искусственное освѣщеніе внутри луны при помощи ярко-синей, фосфоресцирующей жидкости, которая протекаетъ потоками вплоть до центральнаго моря.

Лунная раса составляетъ только одинъ общественный организмъ. Онъ организованъ по типу муравейника или улья, причемъ Селениты овладѣли механизмомъ главнаго принципа улья—измѣненіемъ живого организма въ приспособленіи къ раздѣленію функцій, и развиваютъ этотъ принципъ до крайнихъ предѣловъ по своему усмотрѣнію. Для каждой общественной функціи создана особая разновидность, отличная отъ другихъ.

Вотъ рыбаки, маленькія горбатыя насѣкомыя съ крѣпкими длинными руками и короткими ногами; вотъ высокіе, широкоплечіе воины съ копьями въ рукахъ; чернорабочіе, которые воздѣлываютъ плантаціи съѣдобныхъ грибовъ. Въ безработное время ихъ усыпляютъ и складываютъ въ пещерахъ, какъ дрова.

Аристократія,—съ переразвитіемъ мозга, который безпрепятственно разрастается подъ гибкой пленкою хитиноваго покрова. Она тоже распадается на множество развѣтвленій. Вотъ живыя книги, чей мозгъ служитъ для записей и замѣняетъ библіотеки. Накопленное знаніе передается въ такомъ именно видѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Вотъ художники; объ одномъ изъ нихъ другіе Селениты отрывисто разсказываютъ, послѣ того какъ общеніе съ земными путешественниками до извѣстной степени установилось.

— Онъ рисуетъ, мало ѣстъ, мало пьетъ, рисуетъ. Любитъ рисовать. Ничего другого. Всѣхъ ненавидитъ, кто не умѣетъ рисовать. Всѣхъ ненавидитъ, кто рисуетъ лучше него. Ненавидитъ многихъ. Васъ любитъ. Новый предметъ рисованія. Рѣдкій, поразительный...

Еще типы Селенитовъ: лунныя матери съ наполовину атрофированнымъ мозгомъ и дѣвственныя воспитательницы, похожія одновременно на старыхъ дѣвъ и на рабочихъ пчелъ, и многіе другіе.

Во главѣ луннаго государства стоитъ Лунный Господинъ. Это—огромный мозгъ, нѣсколько аршинъ въ діаметрѣ, вѣчно

пульсирующій и физически безпомощный. Онъ снабженъ парою маленькихъ глазокъ. Тѣло, принадлежащее къ этому мозгу, маленькое, бѣлое, наполовину атрофированное, съ крошечными оконечностями.

Этотъ управляющій мозгъ помѣщается на тронѣ въ центрѣ великолѣпной залы. Онъ находится подъ непрерывнымъ попеченіемъ особыхъ хранителей, которые постоянно поглаживаютъ его снаружи и вспрыскиваютъ охлаждающими смѣсями. Въ общемъ для земныхъ путешественниковъ представляется зрѣлище странное, полное величія и жалости.

IV.

Романъ «Въ Дни Кометы» открываетъ вторую серію, посвященную разработкѣ новаго общественнаго идеала, принадлежащаго будущему. Надо признать, однако, что эта серія обладаетъ меньшими художественными достоинствами. Дѣло въ томъ, что Уэллсъ наткнулся въ этомъ случаѣ на затрудненіе, о которомъ я говорилъ выше. Въ идеальномъ обществѣ нѣтъ мѣста борьбѣ страстей, поэтому оно недоступно живой истинно-художественной обработкѣ. Оттого, какъ это дѣлали и другіе писатели, Уэллсъ въ данномъ случаѣ преимущественно занимается предшествующимъ періодомъ и также переходнымъ періодомъ отъ стараго къ новому.

Романъ «Въ Дни Кометы» начинается яркимъ описаніемъ бѣднаго рабочаго квартала въ Лондонѣ, гдѣ царствуетъ нищета, отчаяніе и недовольство. Герой, отъ имени котораго ведется разсказъ, доходитъ до воровства, потомъ до жажды убійства. Общія міровыя дѣла не лучше этихъ мѣстныхъ. Всеміρная война, долго угрожавшая землѣ, наконецъ разразилась. Англійскіе и германскіе броненосцы взрываютъ другъ друга въ Нѣмецкомъ морѣ. Французская

армія стянулась къ границѣ навстрѣчу нѣмецкому нашествію.

Немногіе отрывки, посвященные войнѣ въ этомъ романѣ, проникнуты силой и искренностью.

Человѣчество опомнилось и желаетъ прекратить войну. Министръ Мельмоунтъ, главный виновникъ войны, только что потерпѣвшій крушеніе на автомобилѣ, съ трудомъ тащится по берегу съ вывихнутой лодыжкой и натыкается на трупъ нѣмецкаго матроса, выброшенный волнами.

— Кошмаръ,—говоритъ онъ шопотомъ, — ужасъ, Боже мой, что мы дѣлали, мы, глупцы? Бѣдный мальчикъ, ребенокъ, котораго мы такъ позорно послали на смерть... Посмотрите на это прекрасное лицо, на это тѣло, брошенное здѣсь на пескѣ...

Изъ-подъ руки мертваго матроса выползла морская звѣзда и, медленно сокращая свои лучи, поползла къ водѣ, оставляя на пескѣ влажный слѣдъ.

— Довольно,—простоналъ Мельмоунтъ.—Мы виноваты, мы, правители. Но мы задыхались, какъ люди въ душной комнатѣ, слишкомъ сонные и тупые и лѣнивые, чтобы хоть одинъ всталъ и открылъ окно.

— Боже мой, довольно. Мы болтали и ссорились и клевали другъ друга и пачкали Божій міръ, какъ галки пачкаютъ храмъ; мы, кровожадныя обезьяны, жирные гномы во фракахъ, лоснящіеся отъ устрицъ...

Зеленая комета приближается къ землѣ, проходитъ мимо и наполняетъ земную атмосферу зеленымъ газомъ; все человѣчество засыпаетъ на три часа. Потомъ новый газъ смѣшивается съ воздухомъ и дѣйствуетъ очистительно на все живое. Міръ перерождается и становится братскимъ и свѣтлымъ. Война, вражда—все кончено; люди будутъ жить, какъ братья въ раю.

Послѣ того соціальная перестройка идетъ легко, какъ по маслу и довольно неинтересно. Уэллсъ описываетъ ее въ

тонѣ Кропоткина въ его «Рѣчахъ Бунтовщика» или въ тонѣ Уилльяма Морриса въ «Вѣстяхъ Ниоткуда», ибо у Кропоткина и Морриса соціальная перестройка точно такъ же основана на нравственномъ перерожденіи людей. Люди съ преображенной нравственной основой легко могутъ устроить какія угодно новыя формы общественности. Лордъ Редкаръ, заклятый врагъ рабочихъ, теперь становится во главѣ строительной комиссіи и прежде всего приспособляетъ для общественной жизни свой собственный дворецъ. При такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о какихъ-нибудь затрудненіяхъ, борьбѣ или драматическомъ интересѣ.

Другой романъ той же серіи «Пища Боговъ» задуманъ глубже и интереснѣе. Двое ученыхъ соединенными усиліями изобрѣли особое вещество, которое, будучи принимаемо въ пищѣ, увеличиваетъ ростъ молодыхъ растеній, животныхъ и человѣческихъ дѣтей въ 8 или 10 разъ. Они основываютъ ферму для опытовъ и подкармливаютъ порошкомъ цыплятъ. Послѣ нѣсколькихъ первыхъ неудачъ цыплята начинаютъ расти и скоро достигаютъ величины барановъ.

Между тѣмъ щепотки порошка, просыпанныя во время опытовъ, ведутъ къ неожиданнымъ результатамъ. Въ окрестностяхъ заводятся гигантскія осы, величиною съ ястреба, крысы величиною съ тигра. Населенію приходится выдерживать ожесточенную борьбу съ этими новыми гигантскими формами. Одинъ изъ ученыхъ подкармливаетъ порошкомъ своего больного ребенка. Потомъ одинъ маленькій нѣмецкій дворъ приглашаетъ англійскаго врача наблюдать за только что родившейся наслѣдницей. Врачъ подкармливаетъ принцессу тѣмъ же порошкомъ.

Постепенно новое вещество входитъ въ обиходъ подъ именемъ «Пища Боговъ». На землѣ являются двѣ расы и двѣ природы: пигмейская, т. е. въ сущности обыкновенная, и гигантская. Гигантская природа раскидана небольшими, случайными пятнами. Въ одномъ мѣстѣ это—тигровыя крысы,

угорь, который выползаетъ изъ воды и пожираетъ овецъ. Со всѣмъ этимъ надо бороться. Въ другомъ мѣстѣ это пшеница, такой вышины и толщины, что ее надо рубить топоромъ по стеблю; древообразныя травы; гигантскія куры. Все это идетъ на пользу человѣчеству.

Въ разныхъ мѣстахъ вырастаютъ юные гиганты, 7 или 8 саженъ росту, съ гигантскими силами и гигантскими стремленіями; они мечтаютъ о гигантскихъ подвигахъ, но человѣчество косится на нихъ, они занимаютъ слишкомъ много мѣста и угрожаютъ пигмейской жизни, загораживаютъ дороги, перекапываютъ рѣки. Между прочимъ, къ юной и гигантской принцессѣ дипломаты сватаютъ обыкновенныхъ земныхъ принцевъ, все щеголей и фатовъ, съ моноклемъ въ глазу. Несоотвѣтствіе жениха и невѣсты даетъ поводъ къ забавнымъ сценамъ. Принцесса уѣзжаетъ въ Англію и встрѣчается съ молодымъ гигантомъ, сыномъ изобрѣтателя Пищи Боговъ. Они влюбляются другъ въ друга и составляютъ первую брачную чету гигантовъ.

Въ это время новый англійскій министръ, Катергамъ, проводитъ въ парламентѣ законы противъ гигантовъ, прикрѣпляющіе ихъ къ мѣсту жительства. Гиганты не желаютъ подчиняться, они запираются въ крѣпости, начинается война. Гиганты, между прочимъ, стрѣляютъ во всѣ стороны бомбами, начиненными новой заразой, Пищей Боговъ. Черезъ два дня Катергамъ проситъ перемирія, чтобы похоронить убитыхъ. Въ ночь перемирія гиганты въ крѣпости основываютъ лигу: они клянутся сражаться до конца со всѣмъ мелочнымъ, низкимъ, пигмейскимъ и обѣщаютъ поднять человѣчество волею или неволею на гигантскую высоту, для великихъ цѣлей и неизвѣданныхъ стремленій. На этомъ романъ обрывается.

Всемірная война составляетъ предметъ новаго романа Уэллса: «Война въ воздухѣ», который печатался минувшею зимой въ «Pall-Mall Magazine». Дѣло идетъ о походѣ ново

построеннаго воздушнаго флота Германіи черезъ океанъ противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Великое противорѣчіе современнаго милитаризма привлекало вниманіе многихъ романистовъ. Ростъ вооруженій, жажда войны и вмѣстѣ боязнь войны, преувеличенный культъ арміи, которая, однако, въ соціальной жизни отходитъ все далѣе на задній планъ,—то странное состояніе, которое у многихъ возбуждаетъ не менѣе странную надежду, что война въ концѣ концовъ собственной тяжестью задавитъ сама себя, и непосильное вооруженіе поневолѣ превратится въ разоруженіе,—все это, конечно, составляетъ тему, достойную пера Уэллса.

Всѣ эти романы, какъ сказано выше, по преимуществу разрабатываютъ переходной періодъ отъ стараго къ новому. Уэллсъ постоянно исходитъ изъ идеи о томъ, что этотъ переходной періодъ будетъ періодомъ кризиса, великой борьбы, героической и напряженной. Я не знаю, насколько подобное предположеніе соотвѣтствуетъ духу исторіи. Съ одной стороны, современный милитаризмъ какъ будто дѣйствительно логически идетъ къ кризису, къ всемірному крушенію. Внутри государства ожесточеніе классовъ растетъ, вмѣсто того, чтобы смягчаться, и соціализмъ вмѣсто общественнаго синтеза постоянно приходитъ къ распаденію на непримиримыя составныя части: буржуазный демократизмъ и анархизмъ.

Съ другой стороны, исторія человѣчества слишкомъ сложна, чтобы разрѣшиться однимъ кризисомъ. Вѣроятно, большой кризисъ распадется на малые, и въ общемъ ходѣ жизни будетъ сплетеніе революціи и эволюціи, и также реакціи,—борьбы и компромисса.

Впрочемъ, даже реальный романъ не можетъ избѣжать схематизаціи. Онъ изображаетъ жизнь въ сгущенныхъ краскахъ и въ сокращенной перспективѣ. Оттого и въ романахъ Уэллса переходное время отъ стараго къ новому вмѣсто сложнаго сплетенія кривыхъ линій развивается по одной прямой линіи.

Однако, ни одинъ изъ этихъ романовъ не касается второй задачи новѣйшаго утопическаго романа, развитія борьбы человѣческихъ страстей послѣ торжества новаго общественнаго строя.

Въ романѣ «Борьба Міровъ» Уэллсъ дѣлаетъ такую попытку совершенно неожиданно, быть можетъ неожиданно даже для самого себя.

Но вмѣсто предѣловъ человѣческаго общества онъ переноситъ ее въ предѣлы вселенскіе.

Романъ этотъ пользуется большой извѣстностью. Дѣло идетъ о вторженіи Марсіанъ на нашу планету.

Марсіане безконечно опередили насъ въ культурѣ. Ихъ машины и орудія придаютъ имъ могущество, совершенно недоступное для насъ. Уэллсъ ничего не сообщаетъ объ ихъ соціальномъ прогрессѣ, но возможно, что они и въ этомъ отношеніи достигли болѣе совершенной организаціи. Марсъ дошелъ до перенаселенія. Жители его думаютъ о завоеваніи ближайшей планеты и снаряжаютъ завоевательную экспедицію на землю въ плотно задѣланныхъ металлическихъ цилиндрахъ.

При встрѣчѣ съ человѣчествомъ Марсіане поступаютъ такъ, какъ люди могли бы поступить съ крысами или волками. Они выжигаютъ города тепловымъ лучомъ, убиваютъ арміи смертельнымъ чернымъ дымомъ, хватаютъ плѣнниковъ и высасываютъ изъ нихъ свѣжую кровь, которая служитъ ихъ обыкновенной пищей. Начинается борьба міровъ, совершенно неравная, ибо человѣчество побѣждено напередъ, и должно отказаться отъ первенства на землѣ.

Въ концѣ концовъ въ борьбу вступаютъ земные микробы, которые убиваютъ Марсіанъ, заражая ихъ кровь.

Меня интересуетъ въ этомъ романѣ именно борьба міровъ, кровавая, дикая, безжалостная, которая заступила мѣсто борьбы отдѣльныхъ земныхъ расъ и государствъ. Такая борьба является какъ будто естественнымъ расширеніемъ и усиленіемъ нашей земной борьбы, почти такъ же, какъ желѣзныя

дороги были усиленіемъ шоссейныхъ сообщеній и телеграфъ— усиленіемъ почтовой переписки.

И я считаю совершенно правильнымъ, что русскій писатель Богдановъ въ своемъ утопическомъ романѣ «Красная Звѣзда», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1907 г., изо всѣхъ идей Уэллса попытался дать дальнѣйшее развитіе именно этой идеѣ о столкновеніи различныхъ міровъ. Конечно, исполненіе далеко не соотвѣтствуетъ идеѣ. Марсіане у Богданова совершенно неожиданно являются эсдеками.

Мало того, Марсіанскіе эсдеки дѣлятся на партіи, въ родѣ меньшевиковъ и большевиковъ. Обѣ партіи желаютъ вступить въ сношенія съ земнымъ человѣчествомъ, или, вѣрнѣе говоря, съ русскими эсдеками, причемъ Марсіанскіе большевики стоятъ за истребленіе земныхъ эсдековъ, а меньшевики и дамы за примиреніе и компромиссъ. Въ концѣ концовъ Марсіане спускаются на землю, близъ Петербурга, принимаютъ участіе въ россійской революціи и подъ шумокъ похищаютъ съ земли одного русскаго большевика, самаго лучшаго изъ всѣхъ, Леонида. Они увозятъ его на Марсъ и женятъ на Марсіанской дамѣ.

И въ заключеніе Марсіанская дама принимаетъ мѣры предосторожности, чтобы не имѣть дѣтей отъ своего земного мужа!..

Мнѣ представляется, что та же самая идея о борьбѣ міровъ можетъ быть развита для новѣйшаго утопическаго романа въ обратномъ видѣ, не сверху внизъ, съ Марса на землю, а снизу вверхъ, съ человѣческой точки зрѣнія, съ земли на другія планеты. Вмѣсто борьбы міровъ, можетъ быть представлено завоеваніе вселенной изъ нашего земного центра, ибо для насъ, людей, земля, это—первая планета міра, намъ, а не другимъ предстоитъ завоевать вселенную.

Можно представить себѣ, что физическое завоеваніе земли людьми окончится прежде ея соціальнаго преобразованія, будутъ изслѣдованы полюсы, морская глубина, земныя нѣдра. Производство пищи, добываніе силы и тепла будетъ урегу-

лировано. Когда послѣ этого исполнится соціальное преобразованіе и будетъ урегулировано распредѣленіе богатствъ, завоеваніе земли будетъ окончено и на землѣ дѣйствительно не останется повода для борьбы. Человѣческая энергія, индивидуальная и соціальная, въ освобожденномъ видѣ, останется безъ примѣненія. Движеніе будетъ возможно только въ новомъ порывѣ, болѣе далекомъ и болѣе стремительномъ, выходящемъ за предѣлы земного круга, въ предѣлы вселенскіе.

Точно такъ же на порогѣ новаго времени человѣчество изъ предѣловъ стараго свѣта вышло въ предѣлы океаническіе, къ Индіи и къ обѣимъ Америкамъ и потомъ къ Австраліи.

Ибо движеніе человѣчества неудержимо и безконечно; цѣли пути отодвигаются и предѣлъ передъ ними не будетъ поставленъ вовѣкъ.

Человѣчество поднимается вверхъ по лѣстницѣ изъ скалъ, по ступенямъ изъ мраморныхъ глыбъ. Глыбы бѣлы и блестятъ на солнцѣ, но онѣ ранятъ ноги своими острыми углами. Слѣва и справа пропасти. Люди падаютъ, но человѣчество поднимается со ступени на ступень.

То, о чемъ мы мечтали, что поднимается надъ нашими головами, какъ вѣнецъ желаній, будетъ когда-нибудь лежать подъ ногами потомковъ, какъ пройденная ступень. Но эти потомки не станутъ соціальными муравьями или небесными ангелами, это будутъ люди, такіе же, какъ мы, съ такими же страстями, какъ у насъ.

Страсти, это главный рычагъ, лучшее орудіе въ рукахъ человѣчества. Тысячи поколѣній ковали его въ корчахъ своихъ страданій, орошали своей кровью, чтобы оно твердѣло и закалялось. Этимъ рычагомъ современность хочетъ повернуть земной шаръ. Грядущее, быть можетъ, повернетъ имъ вселенную. Но человѣчество будетъ цвѣсти, яркое и безсмертное, мѣняя ризу за ризой и роняя живые цвѣты каждую осень поколѣній.

І. Д. УЭЛЛСЪ

СТРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

КОЛДУНЪ ИЗЪ БРАТСТВА ПОРРО.

(ПЕРЕВОДЪ В. Г. ТАНА).

Первая встрѣча Поллока съ этимъ человѣкомъ случилась въ одной деревнѣ на берегу рѣки, текущей сквозь лагуны за Полуостровомъ Тёрнера. Женщины этого края извѣстны красотой. Въ ихъ племени есть примѣсь европейской крови, еще со временъ Васко-де-Гамы и англійскихъ работорговцевъ. Этотъ человѣкъ, должно быть, тоже поддался своему кавказскому родству. Онъ ударилъ женщину ножемъ, какъ будто ревнивый любовникъ изъ итальянскаго простонародья,—и бросился на Поллока.

Поллокъ отбилъ ударъ револьверомъ, вышибъ ножъ, потомъ выстрѣлилъ и попалъ человѣку въ ладонь.

Онъ выстрѣлилъ еще разъ и далъ промахъ, только разбилъ стекло въ окнѣ напротивъ. Тотъ человѣкъ нагнулся въ дверяхъ и поглядѣлъ изъ-подъ руки на Поллока. Передъ англичаниномъ мелькнуло лицо, опрокинутое внизъ и освѣщенное солнцемъ. Потомъ онъ остался одинъ, дрожа отъ возбужденія, въ полутьмѣ хижины. Все произошло очень быстро, короче, чѣмъ можно разсказать словами.

Поллокъ осмотрѣлъ женщину. Она была мертва. Онъ подошелъ къ двери и выглянулъ наружу. Было очень свѣтло Полдюжины негровъ, носильщиковъ экспедиціи, стояли кучкой у своихъ зеленыхъ шалашей и смотрѣли въ его сторону, удивляясь выстрѣламъ. За ихъ спиной разстилалась широкая полоса берегового ила, чернаго и жирнаго; дальше тянулись наносы стволовъ папируса, водныя травы, за ними

свинцовая гладь рѣки. Густыя деревья неясно синѣли на томъ берегу. Деревенскій плетень чуть мелькалъ въ тростникѣ, но въ этой сторонѣ все было попрежнему спокойно.

Поллокъ осторожно вышелъ вонъ изъ хижины и направился къ рѣкѣ, время отъ времени оглядываясь назадъ черезъ плечо. Но тотъ человѣкъ исчезъ. Поллокъ нервно стиснулъ въ рукѣ револьверъ.

Одинъ изъ его людей вышелъ навстрѣчу и, подойдя, указалъ рукою на кусты за хижиной, туда, гдѣ исчезъ тотъ человѣкъ. Поллокъ съ раздраженіемъ подумалъ о томъ, какъ глупо разыгралось все это приключеніе. Онъ сознавалъ свою вину и тѣмъ болѣе злился. Онъ думалъ также о томъ, что придется сказать Ватергаузу, умѣренному, почтенному, осторожному начальнику экспедиціи, который, конечно, серьезно посмотритъ на вещи. Поллокъ выругалъ крѣпкимъ словомъ и Ватергауза, и свою неудачу, и этотъ проклятый западный берегъ Африки, и всю постылую экспедицію. И въ то же самое время гдѣ-то въ его мозгу копошился назойливый вопросъ: въ какой сторонѣ горизонта можетъ скрываться тотъ убѣжавшій человѣкъ?

Собственно говоря, убійство, которое произошло на его глазахъ, мало смущало его. Въ послѣдніе три мѣсяца онъ видѣлъ такъ много жестокости, мертвыхъ женщинъ, обгорѣлыхъ хижинъ, сухихъ скелетовъ въ верховьяхъ рѣки Киттама, по свѣжимъ слѣдамъ разбойничьей конницы Софійцевъ,—что въ немъ притупилось всякое чувство жалости. Но его безпокоила мысль, что все это дѣло, пожалуй, не окончится такъ просто.

Онъ обругалъ негра, который рискнулъ задать вопросъ, потомъ вошелъ въ палатку подъ апельсинными деревьями, гдѣ отдыхалъ Ватергаузъ. Онъ чувствовалъ себя, какъ напроказившій школьникъ предъ кабинетомъ учителя, въ ожиданіи головомойки.

Ватергаузъ все еще спалъ подъ дѣйствіемъ послѣдняго

пріема хлородина. Поллокъ усѣлся на ящикъ рядомъ съ его постелью, закурилъ трубку и сталъ ждать. Кругомъ валялись чаши и копья изъ коллекціи Ватергауза. Онъ собралъ ихъ въ Мендійскомъ племени и теперь долженъ былъ уложить снова для перевозки водою въ челнокахъ до города Сулимы.

Черезъ нѣсколько времени Ватергаузъ проснулся и, потянувшись на постели, замѣтилъ вслухъ, что ему стало лучше. Поллокъ заварилъ чаю. За чаемъ Поллокъ, скрѣпя сердце, разсказалъ о своемъ приключеніи. Ватергаузъ принялъ его разсказъ еще серьезнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Вмѣсто обычнаго выговора онъ разсердился и сталъ запальчиво браниться.

— Это все ваша дьявольская глупость,—крикнулъ онъ,— что вы считаете негровъ хуже всякой твари. Стоитъ мнѣ захворать на одинъ день, какъ вы сейчасъ же затѣете какую-нибудь новую мерзость. Третій разъ за этотъ мѣсяцъ вы связываетесь съ неграми. На этотъ разъ васъ можно поздравить. Порро, да! Они и такъ злятся, послѣ того какъ вы написали на идолѣ ваше дурацкое имя. Такихъ мстительныхъ чертей на всемъ свѣтѣ не найдешь. Честное слово, съ вами становится стыдно за цивилизованныхъ людей. Кто бы подумалъ, что вы родились въ такомъ приличномъ семействѣ... Но если когда-нибудь въ другой разъ я навяжу себѣ на руки такого разгильдяя...

— Потише, — фыркнулъ Поллокъ, внезапно возвращая свою обычную рѣзкость,—не такъ громко.

У Ватергауза захватило въ груди. Онъ вскочилъ на ноги.

— Слушайте, Поллокъ,—сказалъ онъ, наконецъ, наполовину задыхаясь.—Уѣзжайте домой. Ну васъ. Довольно я болѣю изъ-за васъ.

— Не портите себѣ крови, — сказалъ Поллокъ, прищурившись.—Я уѣду и такъ.

Ватергаузъ успокоился и сѣлъ на складной стулъ.

— Ладно,—сказалъ онъ опять.—Не станемъ ссориться. Но только чертовски досадно, когда всѣ твои планы разстраиваются изъ-за такихъ штукъ. Я доѣду до Сулимы вмѣстѣ съ вами и провожу васъ на корабль.

— Не нужно, — сказалъ Поллокъ, — я и одинъ доѣду. Прямо отсюда.

— Нѣтъ,—сказалъ Ватергаузъ,—я вижу, вы не можете понять, что такое эти люди Порро.

— Какъ я могъ знать,—угрюмо сказалъ Поллокъ,—что ея хозяинъ одинъ изъ этихъ Порро.

— Да, хозяинъ,—сказалъ Ватергаузъ.—Теперь уже не воротишь.—Одинъ поѣду,—какъ же. Хотѣлъ бы я знать, что то они затѣютъ. Я вижу, вы совсѣмъ не понимаете, что эта чертовщина правитъ всей страной,—это законъ и религія, волшебство и медицина... Они назначаютъ вождей. Испанская инквизиція имъ и въ подметки не годится... Онъ, конечно, направитъ противъ насъ Аваяла, здѣшняго вождя. Хорошо, что наши люди изъ племени мендійцевъ. Во всякомъ случаѣ намъ надо перемѣнить стоянку. Чортъ подери, Поллокъ, хоть бы вы промаху не дали...

Онъ сталъ думать, и въ его мысляхъ не было ничего пріятнаго. Потомъ онъ всталъ и взялъ ружье.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ держался дома,—бросилъ онъ ерезъ плечо, выходя изъ палатки. — Я пойду, попробую обрать справки.

Поллокъ остался въ палаткѣ.—Я, должно быть, созданъ для цивилизованной жизни,—думалъ онъ хмуро, набивая вою трубку.—Чѣмъ скорѣе попаду я въ Лондонъ или въ Парижъ, тѣмъ будетъ лучше.

Глаза его остановились на крѣпко забитомъ ящикѣ, куда Ватергаузъ сложилъ отравленныя стрѣлы, собранныя въ мендійскомъ краю.

— Жалко, что я не угодилъ въ него, какъ слѣдуетъ, — сказалъ Поллокъ злобно.

Ватергаузъ вернулся не скоро. Онъ отвѣчалъ неохотно, хотя Поллокъ задавалъ вопросъ за вопросомъ:—Тотъ человѣкъ былъ очень виднымъ членомъ тайнаго братства Порро. Въ деревнѣ не было злобы, но было возбужденіе: «Это великій колдунъ. Онъ, должно быть, ушелъ въ лѣсъ».

— Конечно, онъ что-нибудь затѣваетъ,—сказалъ Ватергаузъ и снова замолкъ.

— Что же онъ можетъ затѣять?—спросилъ Поллокъ.

Ватергаузъ не отвѣтилъ.

— Васъ надо увезти отсюда,—заговорилъ онъ снова. — Они что-то устраиваютъ, оттого такъ тихо.

— Что же они могутъ устроить?—повторилъ Поллокъ.

— Не знаю,—буркнулъ Ватергаузъ. — Плясать въ кругу изъ череповъ. Варить въ мѣдномъ котлѣ вонючія травы...

Поллокъ опять сталъ приставать съ разспросами. Ватергаузъ разсердился.

— Какого чорта,—сказалъ онъ.—Онъ пробовалъ убить васъ попросту. Теперь, должно быть, испытаетъ способъ позатѣйливѣе. Сами узнаете скоро. Я не хочу васъ обезкураживать. Все это, пожалуй, глупости.

— Но что именно онъ станетъ дѣлать?

— Я не умѣю сказать. Они изобрѣтательный народъ. Знаютъ цѣлую кучу неожиданныхъ пріемовъ. Вы лучше разспросите этого чорта мѣднокожаго, Шекспира.

Блеснулъ огонь, во мракѣ за шалашами грянулъ выстрѣлъ, и пуля изъ обожженой глины прожужжала у самаго уха Поллока. На первый случай это былъ ясный отвѣтъ.

Негры и мулаты, весело сидѣвшіе кругомъ костра, особо отъ господъ, вскочили гурьбой. Кто-то выстрѣлилъ въ темноту въ видѣ отвѣта.

— Лучше войдите въ шалашъ,—спокойно сказалъ Ватергаузъ, не двигаясь съ мѣста.

Поллокъ тоже всталъ у костра и вынулъ револьверъ.

Онъ готовъ былъ драться съ кѣмъ угодно. Но тайному врагу темнота лучше панцыря. Умнѣе всего былъ совѣтъ Ватергауза. Поллокъ вошелъ въ палатку и улегся на ночь.

Онъ спалъ плохо, и ему снились странные сны, одинъ другого несвязнѣе. Но въ каждомъ снѣ являлось лицо того человѣка, опрокинутое внизъ, какъ было оно, когда онъ выходилъ изъ хижины и поглядѣлъ изъ-подъ руки на Поллока.

Можно было удивляться, почему въ его умѣ такъ крѣпко запечатлѣлось это мгновенное зрѣлище. Помимо сновидѣній его безпокоила боль и колотье въ членахъ.

Въ свѣтлой дымкѣ ранняго утра, когда они нагружали челны, зазубренная стрѣла вдругъ прилетѣла и воткнулась въ землю у ногъ Поллока. Люди бросились впередъ и стали искать въ чащѣ, но никого не нашли.

Послѣ этихъ двухъ случаевъ члены экспедиціи стали замѣтно избѣгать сосѣдства съ Поллокомъ. И въ первый разъ въ жизни онъ сталъ настойчиво искать общества негровъ. Ватергаузъ занялъ одинъ челнокъ; и несмотря на все желаніе сѣсть вмѣстѣ съ нимъ, Поллоку пришлось помѣститься отдѣльно. Онъ оставался одинъ въ передней части челна и ему стоило труда заставить гребцовъ, которые его не любили,—держаться на срединѣ рѣки, на добрую сотню ярдовъ отъ каждаго берега. Онъ окликнулъ Шекспира, мулата изъ города Фритауна, и попросилъ его перейти на этотъ конецъ челнока и разсказать ему о людяхъ Порро. Шекспиръ попробовалъ было уклониться, но потомъ перешелъ къ Поллоку и сталъ разсказывать съ большимъ интересомъ и увлеченіемъ.

Время шло. Челнокъ быстро скользилъ по лентѣ лагуны, мимо плавучихъ деревьевъ, водяныхъ смоковницъ, стволовъ папируса и пальмъ. Съ лѣвой стороны мелькало лѣсистое болото, и оттуда иногда долеталъ ревъ прибоя на берегу океана.

Шекспиръ разсказывалъ своимъ картавымъ англійскимъ говоромъ о томъ, какъ люди Порро наводятъ порчу, какъ жертвы сохнутъ на-смерть отъ ихъ злобы, какъ они насылаютъ злыхъ духовъ и дурные сны, какъ они замучили и убили дѣтей Иджибу, какъ они схватили бѣлаго торговца изъ города Сулимы, который нанесъ обиду одному изъ ихъ братства, и увели его съ собой, и какъ выглядѣло его тѣло, когда его нашли немного спустя. И послѣ каждаго разсказа Поллокъ мысленно посылалъ проклятье лѣнивымъ миссіонерамъ, которые не сумѣли разрушить все это суевѣріе, и вялому Британскому правительству, которое правитъ этимъ темнымъ языческимъ міромъ на берегу Сіерра-Леоне.

Къ вечеру они добрались до озера Кази, пристали къ острову, спугнули десятокъ крокодиловъ, дремавшихъ на пескѣ, и расположились на ночлегъ.

На другой день они пріѣхали въ Сулиму. Пахнуло морскимъ вѣтромъ. Но Поллоку пришлось пять дней дожидаться отъѣзда въ Фритаунъ. Все-таки, принимая во вниманіе близость Фритауна, Ватергаузъ рѣшилъ, что здѣсь довольно безопасно, и потому покинулъ Поллока и вернулся вмѣстѣ со всей экспедиціей въ Гбемму. Поллокъ подружился съ Перейрой, единственнымъ бѣлымъ торговцемъ изъ обитателей Сулимы, такъ подружился, что всюду ходилъ вмѣстѣ съ нимъ. Перейра былъ португальскій еврей чахлаго вида. Онъ раньше живалъ въ Англіи, и дружба англичанина ему льстила до крайности.

Два дня прошли безъ всякихъ приключеній. Большую часть времени Поллокъ и Перейра играли въ Наполеонъ. Это была единственная общая игра,—и Поллокъ проигрывалъ. На второй вечеръ колдунъ извѣстилъ Поллока о своемъ прибытіи въ Сулиму,—лезвіемъ точенаго желѣза, которое воткнулось ему въ плечо. Оно попало въ него съ большого разстоянія и на самомъ излетѣ, но умыселъ былъ ясенъ безъ всякихъ объясненій. Поллокъ просидѣлъ всю ночь на койкѣ

съ револьверомъ въ рукахъ и на слѣдующее утро довѣрилъ свою тайну англо-португальцу.

Перейера сдѣлалъ серьезное лицо. Онъ хорошо зналъ мѣстные обычаи.

— Знаете, это личные счеты, это месть. И потомъ, разъ вы хотите уѣхать, онъ долженъ торопиться. Мѣшаться никто не станетъ, ни негры, ни мулаты, развѣ вы сдѣлаете такъ, чтобъ интересъ нашелся. Если бы вамъ удалось его розыскать, вы могли бы, конечно, застрѣлить его. Но тоже и онъ могъ бы застрѣлить васъ.

— И еще эта чертовская магія,—сказалъ Перейра.— Конечно, я не вѣрю,—но все-таки непріятно думать, что гдѣ бы вы ни были, есть такой негръ, который въ лунную ночь станетъ плясать у костра затѣмъ, чтобы наслать на васъ дурные сны.

— А что, у васъ бываютъ дурные сны?

— Какъ же, сказалъ Поллокъ.—Я постоянно вижу голову этого мерзавца, опрокинутую внизъ. Она строитъ мнѣ рожи и скалитъ зубы, какъ тотъ разъ въ хижинѣ, потомъ придвигается ближе и снова отходитъ назадъ и опять возвращается. Кажется, ничего особенно страшнаго, а между тѣмъ во снѣ я цѣпенѣю отъ ужаса. Странная штука—сны. Все время я знаю, что это сонъ, а проснуться не могу.

— Это, должно быть, воображеніе,—сказалъ Перейра.— Мои негры говорятъ, что люди Порро могутъ змѣй насылать. Вы не видали змѣй?..

— Одну видалъ. Убилъ ее нынче утромъ на полу возлѣ койки. Чуть не наступилъ на нее, когда всталъ съ постели.

— Ахъ,—воскликнулъ Перейра, но потомъ прибавилъ ободряюще:—о, конечно, это простое совпаденіе. Все-таки я бы держалъ ухо востро... Еще бываетъ боль въ костяхъ...

— Я думалъ, что это отъ маляріи,—сказалъ Поллокъ.

— Навѣрное такъ,—подтвердилъ Перейра.—А когда вы почувствовали боль?

Тутъ Поллокъ припомнилъ, что въ первый разъ онъ почувствовалъ боль въ ночь послѣ встрѣчи въ хижинѣ.

— Мнѣ кажется, онъ не хочетъ васъ убить,—сказалъ Перейра.—Не *теперь* по крайней мѣрѣ. Я слыхалъ, что они наровятъ запугать и измучить человѣка своими порчами и покушеніями, ревматической болью и дурными снами, такъ, чтобы ему жизнь стала въ тягость. Конечно, все это только пустой разговоръ. Вамъ не о чемъ безпокоиться... Но я все же хотѣлъ бы знать, что именно онъ устроитъ на этотъ разъ?..

— Я самъ прежде что-нибудь устрою,—сказалъ Поллокъ угрюмо разсматривая грязныя карты, которыя Перейра раскинулъ по столу.

— Будетъ съ меня этихъ выстрѣловъ и всякой дряни и чертовщины... Право, это колдовство, кажется, убиваетъ даже удачу въ игрѣ.

Онъ поглядѣлъ на Перейру подозрительнымъ взглядомъ.

— Навѣрно убиваетъ,—съ жаромъ подхватилъ Перейра, тасуя карты.—Это удивительный народъ.

Послѣ обѣда Поллокъ убилъ еще двухъ змѣй въ своей постели. И неизвѣстно откуда, въ комнату набрались цѣлые отряды красныхъ муравьевъ и кишѣли кругомъ. Онъ не сталъ больше медлить и въ тотъ же день закончилъ переговоры съ однимъ мендійскимъ удальцомъ, начатые еще наканунѣ. Мендіецъ показалъ Поллоку короткій кинжалъ и демонстрировалъ ударъ въ шею съ такимъ зловѣщимъ лицомъ, что Поллока бросило въ дрожь. За это Поллокъ обѣщалъ ему двуствольное ружье съ чеканными замками.

Вечеромъ Поллокъ и Перейра, какъ обыкновенно, играли въ карты, какъ вдругъ мендіецъ показался въ дверяхъ. Онъ несъ въ рукахъ что-то круглое, завернутое въ обрывокъ грубого сукна, красный отъ крови.

— Не сюда!—поспѣшно воскликнулъ Поллокъ.—Не сюда.

Но мендіецъ не сталъ слушать. Онъ думалъ только о

томъ, какъ бы поскорѣе получить свою плату. Онъ быстро развернулъ сукно и бросилъ на столъ голову убитаго. Голова слетѣла на полъ, оставивъ красный слѣдъ на картахъ, потомъ откатилась въ уголъ и тамъ остановилась. Она стояла внизъ лбомъ, но страшные глаза, какъ прежде, глядѣли на Поллока.

Перейра вскочилъ съ мѣста и, не помня себя отъ ужаса, залопоталъ по-португальски. Мендіецъ нагнулся къ Поллоку съ кровавымъ обрывкомъ въ рукѣ.—Дай ружье,—напомнилъ онъ. Но Поллокъ не могъ оторвать глазъ отъ мертвой головы.

Она снилась ему именно такая и глядѣла точно такъ же. Въ его мозгу что-то какъ будто оборвалось.

Перейра пришелъ въ себя и заговорилъ по-англійски:

— Сами,—сказалъ онъ,—лучше бы вы его убили сами.

— Зачѣмъ самъ?—возразилъ Поллокъ.

— Теперь онъ уже не сниметъ съ васъ этого...

— Чего *этого?*

— И карты всѣ замазались...

— Чего не сниметъ,—*этого*,—повторилъ Поллокъ.

— За вами новая колода,—сказалъ Перейра.—Помните это, когда пріѣдете въ Фритаунъ. Тамъ есть карты въ продажѣ.

— Чего не сниметъ?...

— О, пустяки. Я совсѣмъ забылъ. Негры говорятъ о колдунахъ,—вѣдь онъ былъ колдунъ,—такъ чепуха... Надо его заставить снять это прочь или убить его собственной рукой... Я думаю: глупости.

Поллокъ проворчалъ ругательство. Онъ не могъ отвести взгляда отъ головы въ углу.

— Я не могу выносить этихъ глазъ,—крикнулъ онъ, наконецъ, и подскочилъ ближе, и ударилъ мертвую голову ногою. Она откатилась на нѣсколько аршинъ и опять оста-

новилась, точь-въ-точь какъ прежде, внизъ лбомъ,—и все глядѣла на него.

— Какая безобразная,—сказалъ португалецъ.—На рѣдкость. Эти рубцы на щекахъ они насѣкаютъ особымъ ножичкомъ.

Поллокъ снова хотѣлъ пнуть голову, но мендіецъ тронулъ его за плечо и сказалъ: «Давай ружье!» Онъ тоже смотрѣлъ на голову съ замѣтнымъ страхомъ.

— Два ружья,—только унеси отсюда эту дьявольскую мерзость,—сказалъ Поллокъ.

Но мендіецъ качалъ головой и стоялъ на своемъ:—«Одно ружье, какъ было обѣщано». Поллокъ пробовалъ просить, потомъ сталъ кричать, но ничего не помогло. У Перейры было продажное ружье (за тройную цѣну). Это ружье перешло къ мендійцу. И тотчасъ же глаза Поллока обратились, противъ воли, къ той страшной штукѣ, лежавшей на полу.

— Видишь,—какъ становится—внизъ лбомъ,—сказалъ Перейра съ неувѣреннымъ смѣхомъ.—Должно быть, мозги свинцовые. Какъ Ванька-встанька.

— Вы бы ее убрали отсюда. Все равно, играть не будемъ, карты не годятся.

— Въ Фритаунѣ есть человѣкъ, торгуетъ картами.. И комната замазалась, какъ чортъ знаетъ что... Лучше бы вы его сами убили.

Поллокъ сдѣлалъ усиліе, шагнулъ впередъ и подобралъ голову. Онъ отнесъ ее въ свою комнату, зацѣпилъ бичевкой и подвѣсилъ на ламповый крюкъ въ срединѣ потолка; потомъ пошелъ копать для нея яму. Онъ былъ увѣренъ, что зацѣпилъ ее за волосы, но когда онъ вернулся назадъ, оказалось, что она виситъ лбомъ внизъ, прихваченная за шею.

Солнце садилось. Онъ закопалъ ее въ землю съ сѣверной стороны своего жилища, съ такимъ расчетомъ, чтобы ночью, на обратномъ пути отъ Перейры, не проходить мимо

ямы. Передъ сномъ ему опять пришлось убить двухъ змѣй. Въ срединѣ ночи онъ проснулся отъ внезапнаго шума: что-то ступало по полу и стучало когтями объ доски. Онъ сѣлъ на постели и быстро досталъ револьверъ изъ-подъ подушки. Изъ темноты послышалось ворчанье и Поллокъ выстрѣлилъ на звукъ. Тотчасъ-же раздался визгъ и что-то темное смутно мелькнуло въ дверяхъ.

— Собака,—сказалъ Поллокъ и снова улегся.

На самомъ разсвѣтѣ онъ снова проснулся въ какой-то странной тревогѣ. Онъ ощущалъ въ костяхъ ту же тупую боль. И также кишѣли на потолкѣ отряды красныхъ муравьевъ. Онъ лежалъ на спинѣ и слѣдилъ за ихъ суетой. И вдругъ, когда стало свѣтлѣе, онъ случайно бросилъ взглядъ черезъ край койки и увидѣлъ на полу что-то темное. Онъ такъ вздрогнулъ, что койка опрокинулась, и онъ выпалъ вонъ. Онъ оказался на полу лицомъ къ лицу съ мертвой головой, едва на аршинъ разстоянія. Собака вырыла ее изъ земли и расплющила носъ. Муравьи и мухи хлопотали на ея поверхности. И по странной случайности, она стояла внизъ лбомъ, съ тѣмъ же дьявольскимъ выраженіемъ въ опрокинутыхъ глазахъ.

Поллокъ какъ будто застылъ и долго глядѣлъ на ужасную голову. Потомъ онъ всталъ, обошелъ кругомъ, какъ можно дальше—и вышелъ изъ хижины. Яркій свѣтъ восходившаго солнца, шорохъ зеленыхъ листьевъ подъ легкимъ вѣтеркомъ и, наконецъ, разрытая яма съ ясными собачьими слѣдами,—нѣсколько привели его въ себя.

Онъ отправился къ Перейрѣ и сталъ разсказывать о томъ, что было, какъ будто для смѣха, но губы его дрожали.

— Не надо было вамъ пугать собаку,—сказалъ Перейра съ такой же искусственной веселостью.

До парохода оставалось еще два дня. Все это время Поллокъ хлопоталъ о томъ, чтобы отдѣлаться отъ неожиданнаго пріобрѣтенія. Онъ одолѣлъ отвращеніе и отнесъ голову къ

рѣкѣ на самое устье. Здѣсь онъ забросилъ ее въ морскую воду. Но какимъ-то чудомъ она не попалась ни одному крокодилу, и вмѣсто того, чтобы уплыть, вернулась съ приливомъ обратно въ рѣку и прибилась къ берегу. И въ тотъ же вечеръ ее подобралъ одинъ расторопный арабъ и понесъ продавать европейцамъ, Поллоку и Перейрѣ, какъ любопытную рѣдкость. Туземецъ вертѣлся кругомъ, пока не стемнѣло и запрашивалъ все меньше, потомъ, заразившись видимымъ страхомъ этихъ всезнающихъ бѣлыхъ людей, ушелъ прочь. Но по дорогѣ онъ забросилъ свою находку въ хижину Поллока, и она оказалась тамъ поутру на томъ же мѣстѣ, что прежде.

На этотъ разъ Поллокъ пришелъ въ ярость.

— Я сожгу ее въ огнѣ,—рѣшилъ онъ и не откладывая, вышелъ, сталъ собирать валежникъ и складывать костеръ.

Въ разгарѣ его работы раздался свистокъ. Это былъ пароходъ, маленькій, колесный, проходившій мимо, по дорогѣ изъ Монровіи къ Батурсту.

— Слава Богу, — вздохнулъ Поллокъ, какъ будто въ отвѣтъ свистку. Дрожащими руками онъ зажегъ груду собранныхъ сучьевъ, бросилъ голову сверху, и пошелъ складывать вещи и прощаться съ Перейрой.

Въ тотъ же вечеръ онъ уже стоялъ на палубѣ и съ чувствомъ невыразимаго облегченія смотрѣлъ, какъ болотный берегъ Сулимскаго устья уходитъ вдаль. Темный перерывъ въ бѣлой полосѣ прибоя становился все уже. И у него было такое чувство, какъ будто эта полоса сейчасъ сомкнется и отдѣлитъ его навѣки отъ недавней заботы. Чувство тревоги и страха куда-то уплывало. На Сулимскомъ берегу вѣра въ черную магію и злобу людей Порро наполняла атмосферу, и его идея объ ихъ власти была широкая, зловѣщая, всеобъемлющая. Теперь владѣнія Порро казались, какъ пятнышко на картѣ, или какъ темная узкая полоска между моремъ и голубыми холмами мендійскаго края.

- Прощай, Порро,—сказалъ Поллокъ,—прощай навсегда.

Капитанъ парохода подошелъ и остановился рядомъ съ Поллокомъ.

— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ вѣжливо и сплюнулъ черезъ бортъ прямо въ воду, въ знакъ дружескаго расположенія.

— Мнѣ попалась на этомъ берегу рѣдкостная вещь,—сказалъ капитанъ,—я и не видѣлъ такой по всей дорогѣ до самой Индіи.

— Что же именно?—спросилъ Поллокъ.

— Сушеная голова,—сказалъ капитанъ.

— Что?—крикнулъ Поллокъ.

— Голова, копченая. Съ насѣчкой на щекахъ, какъ бываетъ у этихъ знахарей Порро. Что такое? Что съ вами? Ничего? Я бы не подумалъ, что у васъ нервы такіе слабые. И лицо позеленѣло. Отъ качки, что ли? Лучше теперь? Экъ, васъ передернуло какъ... Ну-съ, такъ эта голова какая-то чудная. Я положилъ ее въ спиртъ, у меня въ каютѣ банка есть, тамъ нѣсколько змѣй и еще кой-что. И вы представьте себѣ: эта голова повернулась въ банкѣ внизъ лбомъ. Что?..

Поллокъ вскрикнулъ и схватился за волосы. Потомъ перебѣжалъ къ колесу, какъ будто собираясь броситься въ воду, но вдругъ опомнился и вернулся къ капитану.

— Эй,—сказалъ капитанъ,—Джекъ Филипсъ, придержи его. Не подходите вы. Стойте тамъ. Что съ вами такое... Взбѣсились, что ли?

Поллокъ поднесъ руку къ головѣ. Надо было дать какое-нибудь объясненіе.—У меня здѣсь такая боль,—сказалъ онъ,—что поневолѣ взбѣсишься. Сразу приходитъ. Извините меня, пожалуйста.

Онъ былъ блѣденъ и весь въ поту. Онъ понималъ, что ему нельзя допустить, чтобы его сочли сумасшедшимъ. Онъ заставилъ себя возобновить разговоръ съ капитаномъ, внимательно выслушалъ его совѣты, даже подержалъ за щекой

съ ложку неразведеннаго спирта, какъ будто отъ зубной боли. Покончивъ съ этимъ, онъ сталъ разспрашивать капитана объ его приватной торговлѣ тропическими рѣдкостями.

И все это время онъ не могъ отвязаться отъ назойливой идеи, будто все судно прозрачнѣе стекла и будто мертвое лицо, опрокинутое внизъ, глядитъ на него изъ-подъ ногъ сквозь доски палубы.

Весь этотъ переѣздъ былъ для Поллока еще хуже, чѣмъ остановка въ Сулимѣ. Цѣлый день онъ сдерживалъ себя, хотя мысли его были полны присутствіемъ этой зловѣщей головы. Ночью возвращались кошмары, и онъ просыпался, цѣпенѣя отъ ужаса, и хриплый вопль какъ будто умиралъ въ глубинѣ его горла.

Онъ разстался съ головой у самаго Батурста, и пересѣлъ на судно, которое шло въ Тенерифъ. Но сны его остались и также тупая боль въ костяхъ.

У Тенерифа онъ пересѣлъ на корабль изъ Капской Земли, но голова не отстала отъ него. Онъ игралъ въ карты и въ шахматы, даже пробовалъ читать. Пить онъ боялся. Но каждый разъ, когда ему попадался круглый черный предметъ или круглая тѣнь, онъ вспоминалъ голову—и видѣлъ ее. Онъ ясно понималъ, что все это только игра воображенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ иныя минуты ему мерещилось, будто и этотъ корабль, и пассажиры, и матросы, и широкое море все это только виситъ, какъ полупрозрачная дымка, и сквозь нее проступаетъ другой міръ—реальный и ужасный. Страшное лицо колдуна выдвигалось изъ-подъ завѣсы, и казалось, что оно одно существуетъ и больше нѣтъ ничего на свѣтѣ. Тогда онъ вставалъ, бралъ вещи въ руку, клалъ что-нибудь въ ротъ, грызъ карандашъ, жегъ себѣ кожу спичкой, или втыкалъ иголку въ ладонь.

Въ этой безвыходной борьбѣ съ собственнымъ воображеніемъ, Поллокъ доѣхалъ до Англіи. Онъ вышелъ въ Соутгамптонѣ и на вокзалѣ Ватерло взялъ кебъ и поѣхалъ прямо

къ своему банкиру. Его ввели въ кабинетъ къ управляющему, и они стали подводить денежные счета. Голова тоже была тутъ, она украшала каминную доску изъ чернаго мрамора, и съ нея капало на рѣшетку. Онъ слышалъ шорохъ капель и видѣлъ красныя брызги на желѣзѣ рѣшетки.

— Папоротникъ,—сказалъ управляющій,—слѣдуя за его взглядомъ,—красивый круглый папоротникъ. Но только отъ него рѣшетка ржавѣетъ.

— Очень красивый,—сказалъ Поллокъ.—Кстати я хотѣлъ спросить васъ:—не можете ли вы рекомендовать мнѣ доктора по душевнымъ болѣзнямъ? У меня, знаете, бываютъ эти,—какъ ихъ называютъ,—галлюцинаціи.

Голова засмѣялась зло, свирѣпо. Поллокъ удивленно подумалъ: почему управляющій не видитъ. Но управляющій только глядѣлъ ему въ лицо.

Взявъ адресъ доктора, Поллокъ вышелъ на Корнгилль. Извозчиковъ не было видно. Онъ пошелъ по панели и у Дворца попытался перейти черезъ улицу. На этомъ мѣстѣ переходъ черезъ улицу не очень легокъ даже для коренного лондонца. Извозчики, телѣги, кареты, почтовыя повозки, омнибусы толпятся и движутся здѣсь, какъ въ непрерывномъ потокѣ. Тѣмъ труднѣе тому, кто только что явился изъ болотныхъ пустынь Сіерра-Леоне. Но если вдобавокъ изъ-подъ ногъ внезапно выскочитъ, какъ мячъ, опрокинутая голова и поскачетъ впередъ, оставляя по дорогѣ кровавые слѣды, можно ли тогда избѣжать несчастія? Поллокъ конвульсивно подпрыгнулъ, чтобы не наткнуться на голову, потомъ въ бѣшенствѣ изо всѣхъ силъ пнулъ ее ногою. Въ эту минуту что-то сильно толкнуло его въ спину и жгучая боль пронизала его руку.

На него наѣхалъ омнибусъ, дышло сбило его съ ногъ, и одна изъ лошадей копытомъ размозжила ему пальцы на лѣвой рукѣ, между прочимъ, тѣ самые пальцы, которые онъ отстрѣлилъ колдуну Порро. Когда его вытащили изъ-подъ

лошадиныхъ копытъ, въ его разбитой рукѣ нашли адресъ доктора.

Послѣ того въ первые два дня Поллокъ ощущалъ только запахъ хлороформа, сладкій и ѣдкій, и напряженность операцій, которыя какъ-то протекали совсѣмъ безъ боли. Онъ лежалъ покойно. Ему подносили питье и ѣду. Потомъ онъ впалъ въ жаръ и сталъ чувствовать жажду. И его прежній кошмаръ вернулся. Только тогда онъ припомнилъ, что въ эти два дня онъ былъ свободенъ отъ всякихъ видѣній.

— Если бы они вмѣсто руки размозжили мнѣ голову,— сказалъ Поллокъ,—я былъ бы теперь совсѣмъ свободенъ.

Онъ молча смотрѣлъ на темную подушку, которая для его глазъ превратилась въ голову.

При первомъ удобномъ случаѣ Поллокъ разсказалъ врачу о своей болѣзни.

Онъ ясно сознавалъ, что скоро сойдетъ съ ума, если не получитъ дѣйствительной помощи. Онъ разсказалъ доктору, будто онъ присутствовалъ на одной изъ Дагомейскихъ казней и съ тѣхъ поръ сталъ видѣть передъ собой отрубленную голову.

Разсказать всю правду онъ, разумѣется, не рѣшился.

Докторъ принялъ серьезный видъ.

— Это разстройство нервной системы,—сказалъ онъ,— я вамъ пропишу укрѣпляющую микстуру.

Голова скорчила ужасную гримасу, будто въ отвѣтъ.

— Вамъ нужно движеніе,—сказалъ докторъ.—И возбуждающій воздухъ. Поѣзжайте на Альпы, въ Шотландію, или въ Норвегію.

— На край свѣта, если угодно,—сказалъ Поллокъ.

Однако, какъ только поджили его пальцы, онъ сдѣлалъ геройское усиліе, чтобы выполнить совѣтъ доктора. Онъ попробовалъ играть въ мячъ, но для него эта игра состояла въ погонѣ за опрокинутой головой. И, какъ игрокъ, онъ никуда не годился. Онъ пиналъ мячъ слѣпо и съ видимымъ

ужасомъ, а когда пришла его очередь встать на межѣ и мячъ полетѣлъ въ его сторону, онъ внезапно вскрикнулъ и бросился прочь. Еще до отъѣзда на тропики имя его было связано съ непріятными толками, и въ семейныхъ домахъ его нигдѣ не принимали. Теперь онъ держалъ себя такъ подозрительно и странно, что даже близкіе друзья стали избѣгать его. Голова была тутъ. Теперь она не только являлась зрѣнію, она говорила съ нимъ, угрожала, насмѣхалась.

Оставаясь одинъ, онъ бранился съ ней, проклиналъ ее, умолялъ ее. Разъ или два, несмотря на все самообладаніе, онъ разговаривалъ съ ней въ присутствіи другихъ. Онъ видѣлъ, какъ растетъ подозрительность въ глазахъ всѣхъ окружающихъ, хозяйки, домовой служанки и его собственнаго слуги. Больше всего его мучилъ страхъ, что къ зрѣнію и слуху присоединится также и осязаніе, и ужасное видѣніе даже на ощупь будетъ уже не горшкомъ или подушкой, а настоящей головой.

Въ одинъ декабрьскій день его двоюродный братъ Арнольдъ пришелъ къ нему и, видя его ввалившіяся щеки и безпокойные глаза, сталъ звать его на свѣжій воздухъ. А Поллоку казалось, что у Арнольда въ рукѣ вмѣсто шляпы голова Горгоны и эта голова глядитъ на него опрокинутымъ лицомъ и хочетъ свести его съ ума.

Онъ рѣшилъ не поддаваться, взялъ велосипедъ и поѣхалъ на прогулку по дорогѣ изъ Вандсворта въ Кингстонъ. Голова покатилась рядомъ, оставляя за собой темный слѣдъ. Онъ стиснулъ зубы и поѣхалъ скорѣе. Но, какъ только онъ сталъ спускаться къ Ричмондскому Парку, голова обогнала его и прыгнула подъ колесо. Уже не размышляя, онъ круто повернулъ въ сторону и его бросило на камни. Его подняли съ переломомъ лѣвой кисти и отвезли домой.

Въ первый день Рождества, рано утромъ, настал конецъ. Всю ночь у него былъ жаръ и повязка жгла больную руку, какъ раскаленное желѣзо, и обычный кошмаръ былъ ярче и

страшнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Въ тусклой мглѣ передъ разсвѣтомъ онъ проснулся и сѣлъ на постели и увидѣлъ голову. Она забралась на подставку, гдѣ съ вечера стоялъ круглый мѣдный кувшинъ.

— Я знаю, что это кувшинъ,—сказалъ онъ, но въ сердцѣ его было сомнѣніе. Еще черезъ минуту онъ уже не могъ противиться. Онъ всталъ съ постели, дрожа отъ холода, подошелъ къ кувшину и поднялъ руку. Конечно, онъ сейчасъ разсѣетъ этотъ предательскій обманъ воображенія и ощупаетъ рукой гладкій и скользкій металлъ. Онъ колебался нѣсколько мгновеній, долгихъ, какъ годы, потомъ опустилъ руку. Пальцы его нащупали рубцы татуированныхъ щекъ. Онъ конвульсивно отдернулъ ихъ. Все было кончено. Осязаніе тоже ему измѣнило.

Дрожа и натыкаясь на мебель, спотыкаясь о свою разбросанную обувь, какъ будто въ туманѣ, онъ подошелъ къ туалетному столику, досталъ бритву изъ ящика и вернулся на кровать. Напротивъ кровати было зеркало. Онъ увидѣлъ тамъ свое лицо, сѣрое, худое, подавленное отчаяніемъ.

Передъ его умомъ быстро прошла жалкая цѣпь событій его недолгой жизни. Нерадостное дѣтство, унылые школьные годы, нечистая юность, пороки, грязь, безумство. Теперь все выступало ясно и безжалостно въ холодномъ свѣтѣ утра. Онъ припомнилъ хижину, нападеніе колдуна, отъѣздъ въ Сулиму; потомъ мендійца съ его кровавымъ сверткомъ, свои отчаянныя попытки отдѣлаться отъ головы, и послѣ того борьбу съ призракомъ. Призракъ... Конечно, это былъ только призракъ. Въ немъ вспыхнула минутная надежда. Онъ перевелъ глаза отъ зеркала къ подставкѣ. И взглядъ его перехватила опрокинутая голова и отвѣтила гримасой. Неловкими пальцами перевязанной руки онъ сталъ отыскивать артерію на шеѣ. Было очень холодно. Бритва была на ощупь, какъ будто ледяная...

ОСТРОВЪ ЭПІОРНИСА.

(ПЕРЕВОДЪ В. Г. ТАНА).

Человѣкъ со шрамомъ на щекѣ нагнулся черезъ столъ и посмотрѣлъ на мой свертокъ.

— Орхидеи?—спросилъ онъ.

— Немножко,—сказалъ я.

— Новыя? Я не думаю. Я былъ на этихъ островахъ двадцать пять, нѣтъ—двадцать семь лѣтъ тому назадъ... И ежели вы нашли какую-нибудь новинку, значитъ она уже потомъ выросла. Послѣ меня осталось немного.

— Я не коллекторъ растеній,—сказалъ я.

— Въ то время я былъ молодъ, — продолжалъ онъ,— Боже мой, какъ же я слонялся по бѣлу свѣту. Два года въ Остъ-Индіи и семь лѣтъ въ Бразиліи. А послѣ того я поѣхалъ въ Мадагаскаръ.

— Для кого вы собирали? — спросилъ я, предчувствуя разсказъ.—Я знаю нѣсколько именъ.

— Для Даусоновъ... Скажите, вамъ доводилось слышать такое имя, какъ Бутчеръ.

— Бутчеръ... Бутчеръ... Имя смутно всплыло въ моей памяти. Потомъ я припомнилъ процессъ: *Бутчеръ противъ Даусона.*

— О,—сказалъ я,—вы тотъ человѣкъ, который искалъ съ нихъ жалованье за четыре года; васъ выбросило на пустынный островъ.

— Вашъ покорный слуга, — сказалъ человѣкъ со шрамомъ, кланяясь.—Чудной процессъ, не правда ли? Я былъ на островѣ и ничего не дѣлалъ, а жалованье шло. И они не могли послать мнѣ увольненіе. Помню, мнѣ было пріятно думать объ этихъ деньгахъ. Я выписывалъ расчеты черезъ весь атоллъ мозаикой изъ камешковъ.

— Какъ же это случилось?—спросилъ я.

— Видите... Вы слыхали объ Эпіорнисѣ?

— Еще бы. Только въ прошломъ мѣсяцѣ Андрьюсъ говорилъ мнѣ, что они нашли новый видъ... Передъ самымъ отъѣздомъ. Кость бедряную нашли, въ три фута длиною... Вотъ, должно быть, было чудовище.

— Да еще какое! — сказалъ человѣкъ со шрамомъ.— Словно Птица Рохъ изъ «Тысячи и одной ночи»... Когда же они нашли эти кости?

— Три или четыре года тому назадъ. Кажется, въ 91-мъ году. Зачѣмъ вамъ?..

— Зачѣмъ?.. Затѣмъ, что я тоже нашелъ такія же кости двадцать лѣтъ тому назадъ. И если бы Даусонъ не сталъ артачиться изъ-за этого жалованья, мы бы надѣлали шуму на весь свѣтъ. Какъ будто я виноватъ, что теченіе унесло эту проклятую лодку?

Онъ помолчалъ.

— Я думаю: и мѣсто то же самое. Приморское болото, за 90 верстъ къ сѣверу отъ Антананариво. Вы слыхали о немъ?.. Надо ѣхать въ лодкахъ вдоль морского берега.

— Не знаю. Помнится, Андрьюсъ что-то говорилъ о болотѣ.

— Навѣрное то же самое. На восточномъ берегу. И что-то есть въ водѣ, задерживаетъ разложеніе. Пахнетъ, какъ креозотъ. А что, они нашли тоже и яйца? Мнѣ попадались такія яйца длиной до полутора футовъ.

— Сколько хлопотъ я имѣлъ съ этимъ дѣломъ! Мы отпра-

вились за яйцами, я съ двумя неграми, въ легкой лодкѣ,— просто туземный челнокъ.

— Съ нами была палатка и на четыре дня провизіи. Даже теперь, какъ только вспомню, какъ будто слышу тотъ смолистый запахъ.

— Намъ удалось найти и кости и яйца. Работа эта странная. Надо прощупывать въ болотѣ длинными желѣзными шестами. При этомъ почти всегда яйцо разбивается.

Я бы хотѣлъ знать, когда именно жили эти Эпіорнисы. Миссіонеры говорятъ, будто у туземцевъ есть разсказы о живыхъ Эпіорнисахъ, но мнѣ никогда не приходилось объ этомъ слышать*). Все-таки тѣ яйца, которыя мы нашли, были совсѣмъ свѣжія, какъ будто сейчасъ снесенныя. И представьте себѣ, когда мы несли ихъ къ лодкѣ, одинъ изъ негровъ уронилъ яйцо на камень и оно разбилось. Задалъ же я ему! Но что касается до свѣжести, то яйцо даже не пахло нисколько, хотя пролежало въ болотѣ, пожалуй, лѣтъ четыреста. Негръ сказалъ, что его сколопендра укусила... Но я лучше буду продолжать разсказъ.

— Цѣлый день мы рылись въ болотѣ и вытащили эти яйца совсѣмъ цѣлыми, и выпачкались, какъ черти, въ грязи. Немудрено, что я разсердился. Сколько я знаю, достать цѣлыя яйца удалось только въ тотъ разъ. Я видѣлъ потомъ яйца въ Лондонскомъ музеѣ. Всѣ были разбитыя и склеенныя, какъ мозаика, и мѣстами кусочковъ не хватало. Мои были совсѣмъ цѣлыя, и я собирался выпустить яйцо и сохранить скорлупу. Какъ же было не разсердиться, когда этотъ разиня уничтожилъ цѣлую четверть всего нашего труда изъ-за какой-то сколопендры. Я таки наклалъ ему за это.

Человѣкъ со шрамомъ досталъ трубку. Я подвинулъ къ нему мой кисетъ. Онъ закурилъ почти машинально.

---

*) Ни одинъ европеецъ не видѣлъ живыхъ Эпіорнисовъ, за сомнительнымъ исключеніемъ Мак-Андрью, который посѣтилъ Мадагаскаръ въ 1745 г.

— А какъ другія яйца? Вы привезли ихъ въ Англію? Я не могу вспомнить...

— Тутъ-то и начинается исторія. Три яйца осталось. Свѣжія яйца. Мы уложили ихъ въ лодку. Потомъ я ушелъ въ палатку варить кофе, а негры мои остались на берегу. Одинъ сталъ возиться съ укусомъ, а другой помогалъ ему. Мнѣ и въ голову не пришло, что эти мерзавцы пойдутъ на такую затѣю. Но, я думаю, эта сколопендра, да еще взбучка, которую я ему задалъ, взбѣсили одного,—онъ и всегда былъ такой непокорный,—а другой присталъ за компанію.

— Помню, я сидѣлъ и курилъ трубку. И вода въ котелкѣ закипала на спиртовой лампѣ. Я засмотрѣлся на закатъ за болотомъ. Это было очень красиво, все полосы, красныя и черныя. По ту сторону болота мѣсто было повыше, и холмы выступали въ сѣромъ и тонкомъ туманѣ. И за холмами было небо, багровое, какъ устье печи. А за моей спиной, въ пятидесяти шагахъ, эти окаянные нехристи, безъ всякаго вниманія къ вечернему покою, собирались угнать лодку и покинуть меня одного въ палаткѣ на дикомъ берегу, съ боченкомъ воды и пищей на три дня.

Я услыхалъ за спиной, какъ визгъ звѣриный, и тогда обернулся. Вижу, они ужъ отплыли шаговъ на тридцать отъ берега. Думаю, что тутъ дѣлать? Ружье въ палаткѣ лежало, и вдобавокъ пуль не было, только мелкая дробь. Они, конечно, это знали. Въ карманѣ у меня былъ револьверишко плохой. Я выхватилъ его и побѣжалъ къ берегу.

— Вернитесь!—крикнулъ я и поднялъ револьверъ. Они залопотали по своему, и одинъ засмѣялся, тотъ, что яйцо разбилъ. Я прицѣлился въ другого, неукушеннаго,—у него было весло, — и далъ промахъ. Оба засмѣялись. Но я не отсталъ. Думаю: только не надо голову терять,—и выстрѣлилъ еще разъ. Эта пуля пролетѣла такъ близко, что онъ даже подскочилъ. Ему стало не до смѣха. Въ третій разъ я попалъ ему въ голову и онъ полетѣлъ черезъ бортъ вмѣстѣ

съ весломъ. Для револьвера это былъ очень удачный выстрѣлъ, пожалуй, шаговъ на семьдесятъ. Онъ сразу пошелъ ко дну. Не знаю, убитый, или только безъ сознанія отъ раны. Я сталъ кричать другому, чтобъ онъ вернулся, но онъ вмѣсто отвѣта, свалился лицомъ впередъ, и такъ и остался въ носу челнока. Я выпустилъ въ него остальныя пули, но безъ всякаго толку.

— Могу сказать, положеніе было глупое. Я былъ одинъ на этомъ плоскомъ берегу. За мною было болото, а предо мною море. Послѣ заката стало холодно, а этотъ чортовъ челнокъ все уплывалъ въ открытое море. Я вамъ скажу, и поругалъ же я и этихъ Даусоновъ, и всѣ торговыя фирмы, и всѣ музеи,—на всякіе лады. И негра того я звалъ и кричалъ, пока совсѣмъ охрипъ.

— Одно только и осталось, плыть въ догонку,—а ежели встрѣтятся акулы, то тѣмъ хуже. Я раскрылъ свой складной ножъ и взялъ его въ зубы, скинулъ одежду и поплылъ. И какъ только я очутился на водѣ, тотчасъ же челнокъ потерялся. Но я плылъ въ одномъ направленіи и держалъ на перерѣзъ. Я такъ полагалъ, что моему негру теперь не до руля и челнокъ поплыветъ самъ собою, и все въ ту же сторону.

И вотъ черезъ нѣсколько времени онъ опять показался на самомъ горизонтѣ, въ юго-западномъ углу. Закатъ совсѣмъ угасъ и ночь потемнѣла. Звѣзды показались. Я плылъ безъ остановки, хотя и руки и ноги устали до крайности. И въ концѣ концовъ я догналъ челнокъ, когда совсѣмъ вызвѣздило.

— Какъ только стало темнѣть, въ водѣ показались такія свѣтящіяся искры,—знаете, водосвѣченіе. У меня даже голова стала кружиться. И временемъ трудно было разбирать, гдѣ звѣзды, а гдѣ эти искры водяныя, и какъ именно я плыву, вверхъ головой или вверхъ ногами. Челнокъ былъ, какъ

черная мгла, а струйки воды передъ его носомъ сверкали какъ жидкій огонь.

— Я сперва опасался лѣзть черезъ бортъ. Думаю, лучше подождать, что онъ предприметъ съ своей стороны. Но онъ лежалъ въ самомъ носу, по прежнему ничкомъ и корма совсѣмъ поднялась изъ воды вверхъ. И челнокъ плылъ впередъ и дѣлалъ обороты, то носомъ, то кормой, какъ будто пьяный. Я схватился за корму и потянулъ ее книзу, но онъ не шевелился. Тогда я полѣзъ черезъ бортъ, съ ножомъ въ рукѣ, готовый къ защитѣ. Послѣ того я сѣлъ на кормѣ и сталъ ждать, что будетъ дальше. И мы плыли впередъ сквозь свѣтящееся море и звѣзды были надъ нами и было тихо.

— Одинъ разъ я позвалъ его по имени; но онъ не отозвался. Я такъ усталъ, что не хотѣлъ рискнуть и перейти на его сторону. И такъ мы оба оставались на своихъ мѣстахъ и я, кажется, дремалъ. Только когда разсвѣло, я увидѣлъ, что онъ совсѣмъ мертвый и весь почернѣлъ и раздулся. Мои три яйца и кости Эпіорниса помѣщались на срединѣ и также боченокъ съ водою, а сухари и кофе лежали у его ногъ, завернутые въ номеръ газеты Аргусъ изъ Капской Земли. И рядомъ съ нимъ была жестянка метиловаго спирта.

— Весла никакого не было, и грести было нечѣмъ, развѣ крышкой отъ жестянки. Поневолѣ пришлось отдаться на волю теченія и плыть впередъ, пока не попадется судно.

— Я выбросилъ трупъ за бортъ. Потомъ выпилъ воды, поѣлъ сухарей и сталъ смотрѣть кругомъ.

— Съ такого челнока, конечно, далеко не увидишь. Мадагаскаръ давно исчезъ, и другой земли не появлялось. Одинъ разъ, на юго-востокѣ, показался парусъ—должно быть, на шкунѣ, но такъ и прошелъ мимо. Потомъ солнце пошло къ полудню и стало жечь. Боже ты мой, я думалъ, весь мозгъ въ головѣ выгоритъ. Я пробовалъ мочить голову изъ моря,

потомъ вспомнилъ про газету. Тутъ я легъ на дно челнока и накрылся газетнымъ листомъ.

— Чудная штука эти газеты. До этого времени мнѣ никогда не случалось прочесть газетный листъ съ конца до конца, но этотъ старый номеръ Капскаго Аргуса я, кажется, перечиталъ разъ двадцать. Такая жара была, что вся смола растаяла и поднялась пузырями на доскахъ челнока.

— Десять дней меня несло,—продолжалъ человѣкъ со шрамомъ.—Разсказывать недолго, не правда ли? А на самомъ дѣлѣ они тянулись безъ конца. Жара была такая, что я могъ высматривать суда только рано утромъ и поздно вечеромъ.

— Послѣ того паруса, въ три первые дня я никого не видалъ; потомъ, если кого и видалъ, то они меня не замѣчали. На шестую ночь еще одно судно прошло мимо меня, быть можетъ, за полъ-мили. Всѣ люки были открыты и фонари горѣли и судно было, какъ большая свѣтящаяся муха. И музыка играла на палубѣ. Я всталъ на ноги, и кричалъ, и надрывался, но они не слыхали.

— На второй день я рѣшилъ попробовать одно яйцо. Надбилъ мѣстечко на верхнемъ концѣ и отковырялъ скорлупу. Къ радости моей оказалось, что яйцо ѣсть можно. Оно немного отзывалось, не то чтобы тухлымъ, а какъ бы это сказать,—вродѣ утинаго яйца. Съ одной стороны желтка было круглое пятно, шесть дюймовъ въ ширину, съ кровяными подтеками и бѣлой сѣточкой. Оно мнѣ показалось страннымъ, но я не сталъ долго разсматривать. Да и не такія были обстоятельства, чтобъ черезчуръ разбирать. Яйца мнѣ хватило на три дня вмѣстѣ съ сухарями и водой изъ боченка. Я жевалъ тоже кофейныя зерна,—крѣпительная вещь...

— На восьмой день я разбилъ еще яйцо и даже испугался.—Человѣкъ со шрамомъ помолчалъ.—Да,—сказалъ онъ,—съ цыпленкомъ...

— Вы, пожалуй, не повѣрите. Но мнѣ пришлось повѣ-

рить моимъ собственнымъ глазамъ. Это яйцо пролежало въ черномъ болотѣ, по меньшей мѣрѣ, три сотни лѣтъ. И вотъ, несмотря ни на что, въ немъ былъ зародышъ, съ большой головой и изогнутой спиной. И сердце билось и желтокъ совсѣмъ опалъ, только пленки протянулись во всѣ стороны по самой скорлупѣ.

— Въ небольшомъ челнокѣ посреди океана у меня, можно сказать, насиживались яйца самой крупной изъ ископаемыхъ птицъ. Если бы только я могъ дать знать Даусону! Это стоило бы жалованья за всѣ четыре года. Какъ думаете, а?

— Какъ бы то ни было, мнѣ пришлось съѣсть мою неожиданную рѣдкость до самаго послѣдняго кусочка. Не могу сказать, чтобы это было особенно вкусно.

— Третье яйцо я не сталъ трогать. Я только поднималъ его на свѣтъ, но скорлупа была такъ толста, что ничего не было видно. Мнѣ, правда, казалось, что я слышу біеніе пульса. Но, быть можетъ, это только шумѣло у меня въ ушахъ, какъ бываетъ отъ раковины, когда приложишь ее къ уху.

— Потомъ показался островъ. Какъ-то неожиданно, какъ будто выросъ на солнцѣ, можно сказать, передъ самымъ моимъ носомъ. До берега уже оставалось не больше полумили, какъ вдругъ теченіе повернуло, и мнѣ пришлось грести изо всѣхъ силъ руками и осколками яичной скорлупы, чтобы не проѣхать мимо.

— Въ концѣ концовъ, я добрался до берега. Это былъ обыкновенный коралловый атоллъ, четыре мили въ окружности. Кой-гдѣ росли деревья и въ одномъ мѣстѣ былъ ключъ прѣсной воды. Въ центрѣ была лагуна, полная рыбы. Прежде всего я вынесъ на берегъ яйцо и отыскалъ для него подходящее мѣсто, выше линіи прилива и на самомъ солнцепекѣ.

— Вотъ тебѣ,—думаю,—всякое удобство. Выводись, если хочешь...

— Потомъ я вытащилъ челнокъ и пошелъ осматривать

островъ. Правду сказать, скучное было мѣсто. Какъ только я нашелъ прѣсную воду, больше какъ будто не стало интереса. Помню, еще мальчишкой, я часто мечталъ о Робинзонѣ Крузо, и какъ было бы хорошо поселиться на островѣ, но теперь оказалось, что этакій островъ скучнѣе, чѣмъ проповѣдь въ церкви.

— Я обошелъ кругомъ, розыскивая съѣстное. И могу сказать, что къ вечеру перваго дня мѣсто мое мнѣ надоѣло до смерти. Впрочемъ, въ тотъ же вечеръ погода измѣнилась. Гроза прошла мимо по направленію къ сѣверу и захватила островъ. И ночью завылъ вѣтеръ и полился ливень. Счастье мое было, что я успѣлъ добраться до твердой земли. Быть бы мнѣ на днѣ морскомъ вмѣстѣ съ челнокомъ.

— Я спалъ подъ лодкой, а яйцо лежало въ пескѣ, далеко выше. И вдругъ, какъ будто градъ запрыгалъ по доскамъ снаружи, и тѣло мое оказалось въ водѣ. Мнѣ снился городъ Антананариво, и я даже сѣлъ на подстилкѣ, и окликнулъ Интоши, и хотѣлъ спросить у нея, въ чемъ собственно дѣло; потомъ сталъ искать руками стулъ, гдѣ обыкновенно лежали спички. Тутъ я припомнилъ, гдѣ нахожусь.

— Свѣтящіяся волны набѣгали на берегъ съ такимъ грознымъ видомъ, какъ будто собирались проглотить меня живьемъ, а кромѣ нихъ кругомъ все было черное, какъ смола. Вѣтеръ надрывался отъ визга. И тучи какъ будто хотѣли упасть на голову, и дождь лилъ такой, какъ будто небо тонуло и кто-то вычерпывалъ воду ведромъ. Огромный валъ покатился на меня, какъ огненный драконъ, и я далъ тягу. Потомъ я вспомнилъ про челнокъ и бросился назадъ за отхлынувшей волной, но челнока уже не было. Тогда я подумалъ объ яйцѣ и ощупью добрался до того мѣста, гдѣ оно лежало. Волны туда не хватали и оно было въ безопасности. Я сѣлъ возлѣ и прижался къ нему, какъ будто къ товарищу Боже мой, что это была за ночь!

— Къ утру гроза прошла. И когда разсвѣло, на небѣ не

было ни облачка. Но по всему берегу были разбросаны щепки и доски,—обломки моего челнока. Дѣлать было нечего. Я подобралъ доски, потомъ отыскалъ два дерева, которыя росли рядомъ, и къ нимъ пристроилъ шалашъ изъ этихъ досокъ въ защиту отъ дождя. И въ этотъ самый день мой птенчикъ вылупился.

— Да, сударь, вылупился въ то самое время, когда я спалъ тутъ же, и это яйцо было мнѣ вмѣсто подушки.

— Я услышалъ легкій стукъ и голова моя качнулась. Я приподнялся и сѣлъ, и въ эту минуту одинъ конецъ яйца расколюлся и оттуда выглянула маленькая темная головка.

— Здравствуй,—сказалъ я—добро пожаловать.—Онъ сдѣлалъ усиліе и выбрался наружу.

— Это былъ бойкій птенчикъ, ростомъ съ курицу, очень похожій съ виду на любого птенца, но только крупнѣе.

— Опереніе у него было грязнобураго цвѣта; вначалѣ мѣстами присохло, какъ тоненькій сѣрый войлокъ, но потомъ все сошло. И, собственно говоря, это были не перья, а родъ волосистаго пуха.

— Я не могу выразить, какъ пріятно мнѣ было видѣть этого птенца. По моему, даже Робинзонъ Крузо не описалъ по настоящему, какъ трудно жить совсѣмъ одному. Но это былъ товарищъ и очень интересный. Онъ посмотрѣлъ на меня и мигнулъ глазомъ. Вѣки у него сдвигались отъ носа къ уху такъ же, какъ у курицы. Потомъ онъ чирикнулъ и клюнулъ песокъ, съ такимъ развязнымъ видомъ, какъ будто родиться на триста лѣтъ позже времени было сущій пустякъ.

— Здорово, Пятница!—сказалъ я. Ибо я заранѣе рѣшилъ, что если онъ выведется живой, то я назову его: Пятница.

— Я сперва сомнѣвался насчетъ его корма и бросилъ ему для пробы кусокъ рыбы. Онъ проглотилъ и тотчасъ же снова открылъ ротъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «дай еще!» Я былъ радъ этому, потому что, если бы онъ оказался раз-

борчивъ на ѣду, волей-неволей мнѣ пришлось бы самому съѣсть его.

— Трудно разсказать, какая занятная птица былъ этотъ ископаемый птенчикъ. Съ самаго начала онъ сталъ ходить за мной повсюду, совсѣмъ, какъ собака. Когда я ловилъ рыбу въ лагунѣ, онъ стоялъ возлѣ, и я давалъ ему половину отъ каждой рыбы. И умный былъ. На берегу попадались такія зеленыя штучки, какъ будто огурчики. Онъ проглотилъ одну и чуть не отравился. Послѣ того онъ не хотѣлъ даже смотрѣть на нихъ.

— Росъ онъ здорово. Можно сказать, почти замѣтно для глазъ. Я и раньше того не особенно гонялся за человѣческимъ обществомъ, и этотъ спокойный товарищъ подходилъ къ моему нраву точка въ точку.

— Два года мы прожили счастливо. Я зналъ, что жалованье мое у Даусоновъ нарастаетъ и нарастаетъ и не думалъ о дѣлахъ. Время отъ времени вдали появлялся парусъ, но такъ и проходилъ мимо насъ. Отъ нечего дѣлать я выкладывалъ узоры поперекъ всего острова изъ разноцвѣтныхъ раковинъ и морскихъ ежей. Прежде всего вывелъ огромную надпись: *островъ Эпіорниса*, изъ цвѣтныхъ камешковъ, какъ дѣлаютъ въ Англіи, у желѣзнодорожныхъ станцій. Также выводилъ чертежи и математическія формулы. Потомъ ложился на землю и смотрѣлъ на птенца, какъ онъ ходитъ кругомъ и все растетъ, и думалъ, что, если вернусь домой, то стану возить его и показывать за деньги.

— Когда онъ вылинялъ въ первый разъ, у него появился синій гребень и бородка и сзади выросли длинныя, зеленыя перья, и весь онъ сталъ очень красивый. Я ломалъ себѣ голову и все прикидывалъ, не придется ли въ свое время отдать его Даусону.

— Въ бурю и въ дождливое время мы сидѣли рядкомъ въ шалашѣ, который я смастерилъ изъ лодочныхъ досокъ, я разсказывалъ ему всякія небылицы про моихъ родныхъ и

знакомыхъ въ Англіи. И послѣ бури мы отправлялись кругомъ всего острова искать, не выкинуло ли чего-нибудь на берегъ. Однимъ словомъ, намъ жилось хорошо. Если бы еще у меня былъ табакъ,—просто сказать, была бы райская жизнь.

— Когда второй годъ подходилъ къ концу, нашъ маленькій рай сталъ портиться. Мой Пятница уже имѣлъ 14 футовъ въ вышину и носъ у него былъ крѣпкій, какъ заступъ и два большіе глаза съ желтыми ободками. Глаза у него сидѣли не такъ, какъ у курицы, съ боковъ, а близко одинъ къ другому, совсѣмъ какъ у человѣка. Перья у него были первый сортъ. Не такія, какъ у страуса, бѣлыя съ чернымъ, какъ будто трауръ, а ближе подходили къ казуару. Именно въ то время онъ обнаружилъ дурныя повадки, даже началъ надувать свой гребень на встрѣчу мнѣ.

— Одинъ разъ рыбная ловля была довольно неудачна, и онъ сталъ похаживать кругомъ съ такимъ страннымъ видомъ.

— Я думалъ, что онъ опять наѣлся морскихъ огурцовъ, или какой-нибудь другой дряни, но потомъ оказалось, что онъ просто злится. Я тоже былъ голоденъ. И когда, наконецъ, я вытащилъ рыбу, я не хотѣлъ дать ему ничего. Въ то утро мы оба были одинъ другого не лучше. Онъ протянулъ носъ и схватилъ рыбу, а я ударилъ его по головѣ, чтобъ выбить рыбу обратно. И тогда онъ показалъ мнѣ...

— Этотъ шрамъ на лицѣ—это его работа. А потомъ онъ сталъ лягаться, какъ оселъ. Я вскочилъ на ноги и видя, что онъ не хочетъ отстать, пустился бѣжать во всю прыть, уткнувъ голову въ руки. Но онъ на своихъ длинныхъ ногахъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь, и все угощалъ меня сзади своими твердыми лапами и долбилъ въ затылокъ желѣзнымъ клювомъ. Я бросился въ лагуну и забрелъ до шеи. Онъ остался на берегу и заболкоталъ, какъ индюкъ, но только погромче. Воды онъ не любилъ и сталъ расхаживать по берегу, раздувшись, какъ павлинъ.

— Досада меня взяла. Эта окаянная птица ходитъ по берегу, а я въ водѣ стою. Лицо у меня въ крови. И все тѣло избито. Я переплылъ лагуну и рѣшилъ оставить его въ покоѣ, пока онъ не остынетъ. Я взобрался на самую высокую пальму и сталъ думать. Никогда я не чувствовалъ такой обиды, ни раньше, ни позже. Неблагодарная тварь. Я былъ для него лучше родного брата. Выкормилъ его и выростилъ. Этакая неуклюжая, долговязая, допотопная птица. А я человѣкъ, царь природы и все такое.

— Я сперва все ждалъ, что онъ образумится и ему станетъ стыдно за свои дурные поступки. Я думалъ, что, если изловить пару хорошихъ рыбъ и подойти къ нему этакъ безъ лишнихъ словъ и угостить его, то, быть можетъ, и онъ тоже пойдетъ на мировую. Но потомъ я узналъ на дѣлѣ, сколько злости и ехидства можетъ скрываться въ такой ископаемой птицѣ.

— Мнѣ стыдно даже разсказывать, какія смѣшныя уловки я пробовалъ продѣлывать, чтобъ только совладать съ этой чертовской птицей. До сихъ поръ щеки горятъ, какъ только вспомню, какими сердитыми пинками меня угощалъ этотъ ископаемый дьяволъ. Я испробовалъ физическую силу, и сталъ швырять въ него на безопасномъ разстояніи кусками коралла. А онъ только глоталъ ихъ и больше ничего. Я раскрылъ свой ножъ и метнулъ ему въ бокъ и чуть не лишился ножа на вѣчное время. Еще хорошо, что онъ не сталъ глотать его.

— Пробовалъ я усмирить его голодомъ и пересталъ ловить рыбу. Но онъ сталъ собирать на берегу червей во время отлива и кое-какъ обходился. Половину времени я проводилъ въ лагунѣ по шею въ водѣ, а другую половину на пальмовыхъ вершинахъ. Одна пальма была ниже другихъ. И если ему удавалось застигнуть меня на этой пальмѣ, онъ устраивалъ моимъ икрамъ славный праздникъ.

— Самъ не знаю, какъ я вытерпѣлъ все это. Вамъ,

должно быть, не приходилось засыпать на пальмовыхъ вершинахъ. У меня отъ такого сна бывали самые дикіе кошмары. И вдобавокъ, какой стыдъ. На моемъ собственномъ островѣ эта выморочная тварь расхаживаетъ взадъ и впередъ съ гордымъ видомъ, а я не смѣю поставить ногу на землю.

— Я даже ревѣлъ не разъ съ досады и утомленія. Я говорилъ ему прямо, что я больше не хочу показывать пятки такому нескладному анахронизму. Я уговаривалъ его найти себѣ путешественника изъ своей собственной эпохи. Но онъ только щелкалъ носомъ въ отвѣтъ. Скверная несуразная птица. Крѣпкій носъ на живыхъ ходуляхъ.

— Мнѣ неохота говорить, какъ много времени продолжалась эта возня. Я бы убилъ его раньше, да способа не находилось. Но подъ конецъ я все же придумалъ на него управу.

— Такъ убиваютъ страусовъ въ южной Америкѣ. Я свилъ вмѣстѣ всѣ свои рыболовныя лесы и еще водоросли и древесныя волокна, и вышла крѣпкая веревка ярдовъ двѣнадцать въ длину или немного побольше.

— На каждый конецъ я навязалъ по куску коралла. Вся эта работа заняла довольно времени, особенно изъ-за того, что каждый разъ приходилось бросать ее и лѣзть то въ воду, то на дерево.

— Потомъ, когда веревка съ камнями была готова, я закрутилъ ее надъ головой и пустилъ въ него. Въ первый разъ я сдѣлалъ промахъ. Но вслѣдъ за тѣмъ моя веревка попала ему на ноги и обвилась кругомъ. Онъ опрокинулся. Въ то время я стоялъ по поясъ въ лагунѣ и какъ только онъ упалъ, я выскочилъ на берегъ и сталъ пилить ему горло своимъ ножомъ.

— Мнѣ непріятно даже теперь вспомнить объ этомъ. Но въ ту минуту, несмотря на всю свою злобу, я почувствовалъ себя какъ будто убійца. Онъ лежалъ предо мной на

бѣломъ пескѣ, весь въ крови и его длинныя ноги и гибкая шея подергивались въ агоніи... тьфу!..

— Тоска на меня напала послѣ этой расправы. Господи, вамъ трудно себѣ представить, какъ я жалѣлъ эту убитую птицу. Я сидѣлъ надъ ея трупомъ и чуть не плакалъ, и этотъ унылый и безмолвный островъ наводилъ на меня дрожь. Я вспоминалъ, какой это былъ птенчикъ, игривый и ласковый, и какія веселыя шалости онъ продѣлывалъ все время, пока не сбился съ толку. И еще я думалъ, что было бы довольно только ранить его и что, быть можетъ, послѣ того онъ сталъ бы смирнѣе.

— Если бы было чѣмъ выкопать яму въ коралловыхъ скалахъ, я бы похоронилъ его. Я такъ чувствовалъ, какъ будто это былъ человѣкъ, а не птица. Во всякомъ случаѣ у меня не хватило духу ѣсть его. Я опустилъ его въ лагуну и проворныя рыбы скоро объѣли всѣ кости до чиста. Я не сберегъ даже перьевъ.

Въ концѣ концовъ нашелся чудакъ, который слонялся по морю на яхтѣ и вздумалъ посмотрѣть, существуетъ ли еще мой атоллъ. Могу сказать, что онъ явился во-время. Мнѣ такъ надоѣло торчать одному на этомъ несчастномъ островѣ, что я совсѣмъ было рѣшился развязаться съ нимъ навѣкъ и только не зналъ, что выбрать, забрести ли мнѣ въ море до самой глубины или наѣсться этихъ морскихъ огурцовъ?

— Я продалъ кости одному человѣку, по имени Винсло,— у него была лавка рѣдкостей по сосѣдству съ Британскимъ Музеемъ. Винсло перепродалъ ихъ старому Гаверсу. Гаверсъ, кажется, даже не разобралъ, какія это кости. И только послѣ его смерти онѣ привлекли вниманіе своей величиной. Имъ даже имя дали: Эпіорнисъ...—а какъ дальше, не могу вспомнить.

— *Эпіорнисъ Огромный,* — сказалъ я.—Мнѣ разсказывалъ пріятель: когда была найдена бедряная кость въ три фута длины, ученые рѣшили, что это самая большая, и на-

звали эту породу *Эпіорнисъ Величайшій.* Потомъ нашлась новая бедряная кость въ четыре съ половиной фута. И эту породу они назвали *Эпіорнисъ Гигантскій.* Потомъ, когда умеръ старый Гаверсъ, явился этотъ вашъ *Эпіорнисъ Огромный* и, наконецъ, еще одинъ *Эпіорнисъ Огромнѣйшій.*

— Винсло говорилъ мнѣ объ этомъ,—сказалъ человѣкъ со шрамомъ.—Онъ даже прибавилъ, что, ежели они найдутъ новую породу еще крупнѣе, чѣмъ всѣ прежнія, то у кого-нибудь изъ ученыхъ лопнетъ жила отъ волненія.

— Но какъ вамъ угодно, а такіе случаи бываютъ не съ каждымъ человѣкомъ. Не правда ли, а?..

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ СЪ ГЛАЗАМИ ДЭВИДСОНА.

(Переводъ К. Чуковскаго).

I.

Временное отклоненіе умственныхъ способностей у Сиднея Дэвидсона, замѣчательное само по себѣ, пріобрѣтаетъ еще больше значенія, если принять во вниманіе комментаріи доктора Уэда.

По мнѣнію Уэда, здѣсь находятъ себѣ опору самыя причудливыя мечты о будущемъ общеніи людей, о томъ, какъ въ теченіе какихъ-нибудь пяти минутъ можно будетъ переселиться на другой конецъ земного шара и какъ можно будетъ подглядывать у каждаго изъ насъ самыя потаенныя дѣла, не вызывая никакихъ подозрѣній.

Мнѣ довелось быть ближайшимъ свидѣтелемъ всего этого происшествія, и, естественно, моя прямая обязанность изложить его на бумагѣ.

Когда я говорю, что былъ ближайшимъ свидѣтелемъ, я разумѣю, что былъ раньше всѣхъ на мѣстѣ этого событія. Оно случилось въ Гарлоу, въ Техническомъ Колледжѣ, какъ разъ надъ аркой у главныхъ воротъ. Дэвидсонъ былъ одинъ въ большомъ залѣ нашей лабораторіи, а я въ маломъ, тамъ, гдѣ вѣсы, — и дѣлалъ кой-какія замѣтки. Гроза совершенно

нарушила ходъ моихъ занятій. Непосредственно послѣ одного изъ самыхъ оглушительныхъ раскатовъ грома я услыхалъ, что въ сосѣдней комнатѣ разбилось какое-то стекло. Я бросилъ писать и оглянулся, прислушиваясь. Въ первое мгновеніе я не слыхалъ ничего. Градъ выбивалъ дьявольскую дробь на волнистомъ цинкѣ нашей крыши. Потомъ раздался новый стукъ, звонъ разбиваемаго стекла, — на этотъ разъ уже несомнѣнный. Что-то тяжелое было брошено съ высоты. Я мигомъ вскочилъ, и открылъ дверь въ большой залъ лабораторіи.

Къ моему удивленію, до меня донесся какой-то странный смѣхъ, и посреди комнаты я увидѣлъ Дэвидсона, въ нетвердой позѣ, съ замѣшательствомъ на лицѣ. Сначала мнѣ показалось, что онъ пьянъ. Меня онъ не замѣчалъ. Онъ хватался за какой-то невидимый предметъ, очевидно отстоявшій на аршинъ отъ его лица: протягивалъ руку, медленно, какъ бы колеблясь, — и ловилъ пустое пространство. — Какъ это случилось? — спрашивалъ онъ. Онъ проводилъ рукою по лицу, и пальцы его были растопырены. — Что за чортъ!

Онъ неуклюже приподнималъ ноги, какъ будто онѣ были приклеены къ полу.

— Дэвидсонъ! — крикнулъ я. — Что это съ вами, Дэвидсонъ! Онъ обернулся на звукъ моего голоса и сталъ разыскивать меня глазами. Онъ глядѣлъ черезъ меня, и на меня, и направо отъ меня, и налѣво отъ меня, но, видимо, никакъ не могъ найти меня.

— Волны, — сказалъ онъ, — и какая красивая шкуна! Я готовъ поклясться, что слышалъ голосъ Беллоза. Эй! Эй! — внезапно закричалъ онъ громкимъ голосомъ.

Я сначала подумалъ, что онъ дурачится. Но тутъ я увидѣлъ на полу, у его ногъ, осколки лучшаго нашего электрометра.

— Что съ вами, голубчикъ? — сказалъ я. — Вы разбили электрометръ.

— Опять голосъ Беллоза! — сказалъ онъ. — Если у меня исчезли руки, то, по крайности, остались друзья. Что-то насчетъ электрометровъ. Беллозъ! Гдѣ вы? — Съ неожиданной быстротой онъ рѣшительно направился ко мнѣ. — Все вокругъ разрѣзается, какъ масло, — сказалъ онъ. Тутъ онъ наткнулся прямо на скамью и тотчасъ же отпрыгнулъ. — А вотъ это не совсѣмъ, какъ масло, — замѣтилъ онъ и остановился, покачиваясь.

Я испугался. — Дэвидсонъ! — воскликнулъ я, — ради Бога, что съ вами случилось?

Онъ оглядѣлся по всѣмъ направленіямъ. — Я готовъ держать пари, что это былъ Беллозъ. Полно прятаться, Беллозъ, выходите-ка сюда.

Мнѣ пришло въ голову, что онъ, можетъ быть, ослѣпъ. Я обошелъ вокругъ стола, и прикоснулся рукою къ его рукѣ. Никогда не видалъ я, чтобы кто-нибудь такъ вздрогнулъ. Онъ отскочилъ въ сторону и всталъ въ позу самозащиты. Лицо его исказилось отъ ужаса. — Господи! — воскликнулъ онъ. — Что это?

— Это я, — Беллозъ. Прошу васъ, Дэвидсонъ, перестаньте!

Онъ подпрыгнулъ, когда я отвѣтилъ ему, и поглядѣлъ, — какъ бы это выразить? — прямо сквозь меня. Онъ заговорилъ — не со мною, а съ самимъ собой. — Здѣсь, въ ясный день, на голомъ берегу. Спрятаться вѣдь негдѣ... Надо бѣжать! — Онъ внезапно повернулся и прямо налетѣлъ на огромный электромагнитъ — и съ такой силой, что, какъ потомъ обнаружилось, расшибъ себѣ плечо и челюстную кость. При этомъ онъ отступилъ шагъ назадъ и почти со слезами воскликнулъ:

— Что это творится со мною?

И замеръ въ такой позѣ, побѣлѣвъ отъ ужаса и страшно дрожа. Правою рукой онъ обхватилъ лѣвую за то мѣсто, которое онъ ушибъ.

Тогда я уже былъ порядкомъ взволнованъ, и въ страхѣ сказалъ:

— Дэвидсонъ, чего вы испугались?

Онъ встрепенулся при звукѣ моего голоса, но уже не такъ, какъ въ первый разъ. Я повторилъ свои слова, какъ только могъ, отчетливо и твердо.

— Беллозъ, — спросилъ онъ, — это вы?

— Развѣ вы не видите, что это я?

Онъ засмѣялся.

— Мнѣ и самого себя не видно. Куда это, къ чорту, насъ занесло?

— Мы здѣсь, — отвѣтилъ я. — Въ лабораторіи.

— Въ лабораторіи? — машинально повторилъ онъ и провелъ рукою по лбу. — Это прежде я былъ въ лабораторіи... передъ бурей... но, чортъ меня побери, гдѣ же я теперь? Что это тамъ за пароходъ?

— Никакого нѣтъ парохода, — сказалъ я. — И, пожалуйста, милый, опомнитесь.

— Никакого нѣтъ парохода, — повторилъ онъ за мною и, казалось, тотчасъ же позабылъ мои слова. — Я думаю, что мы оба мертвые. И, комичнѣе всего, я чувствую себя такъ, будто все же при мнѣ осталось тѣло. Должно быть, къ этому не сразу привыкнешь: нужно постепенно. Молнія, видно, упала и все разбила. Ловкая это штука, не правда ли, Беллозъ?

— Не толкуйте пустяковъ. Вы цѣлы и невредимы, — даже слишкомъ. И ведете себя отвратительно: вотъ разбили электрометръ. Не хотѣлъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ, когда вернется Бойсъ.

Онъ перевелъ глаза отъ меня на діаграммы кріогидратовъ.

— Должно быть, я оглохъ, — молвилъ онъ. — Я вижу дымъ, — значитъ, палили изъ пушки, а между тѣмъ совсѣмъ не слыхалъ выстрѣла.

Я снова положилъ руку ему на плечо, и на этотъ разъ онъ уже былъ спокойнѣе и не такъ встрепенулся, какъ прежде.—Наши тѣла стали вродѣ какъ бы невидимки,—сказалъ онъ.—Но посмотрите, тамъ шлюпка... Огибаетъ мысъ.. Въ концѣ концовъ это очень похоже на прежнюю жизнь—только климатъ другой!

Я рванулъ его за руку.—Дэвидсонъ!—крикнулъ я,—Дэвидсонъ, проснитесь!

II.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ Бойсъ. Чуть онъ заговорилъ, Дэвидсонъ воскликнулъ:

— Голубчикъ! И вы—мертвецомъ? Вотъ чудеса!

Я поспѣшилъ объяснить, что Дэвидсонъ въ какомъ-то гипнотическомъ трансѣ. Бойса это сразу увлекло. Мы стали принимать всѣ мѣры, чтобы вывести его изъ необычайнаго состоянія. Онъ отвѣчалъ намъ на наши вопросы и взамѣнъ задавалъ свои, но его вниманіе отвлекалось все тѣми же галлюцинаціями, насчетъ какого-то побережья и какого-то корабля. Онъ все толковалъ о какой-то шлюпкѣ, о парусахъ, раздуваемыхъ вѣтромъ.

Жуткое чувство возбуждали его рѣчи въ темной и сумрачной лабораторіи.

Онъ былъ слѣпъ и безпомощенъ. Пришлось взять его подъ руки и отвести по лѣстницѣ въ комнату къ Бойсу, и покуда Бойсъ бесѣдовалъ съ нимъ и терпѣливо выслушивалъ его бредни о кораблѣ,—я пошелъ по коридору и пригласилъ старика Уэда пойти навѣстить его.

Голосъ нашего декана отрезвилъ его, но не вполнѣ. Дэвидсонъ спросилъ, куда дѣвались его руки, и почему онъ способенъ передвигаться по поясъ въ землѣ. Уэдъ долго размышлялъ надъ нимъ,—вы знаете, какъ онъ хмуритъ

брови,—а потомъ тихонько взялъ его за руку, и провелъ ею по кушеткѣ.

— Вотъ это кушетка,—сказалъ Уэдъ.—Кушетка профессора Бойса... Набивка—конскій волосъ.

Дэвидсонъ погладилъ кушетку и, подумавъ, сказалъ, что руками онъ ее чувствуетъ хорошо, но увидѣть никакъ не можетъ.

— Что же вы видите?—спросилъ Уэдъ. Дэвидсонъ отвѣтилъ, что ничего особеннаго: только песокъ и разбитыя ракушки. Уэдъ далъ ему на ощупь еще нѣсколько разныхъ предметовъ, говорилъ ему, какъ они зовутся, и внимательно наблюдалъ за нимъ.

— Этотъ пароходъ—на горизонтѣ,—проговорилъ ни съ того, ни съ сего Дэвидсонъ.

— Оставьте пароходъ!—сказалъ Уэдъ.—Послушайте, вы, Дэвидсонъ. Вамъ извѣстно, что такое галлюцинація?

— Да.

— Такъ знайте: все, что вы видите,—галлюцинація.

— Епископъ Беркли *),—сказалъ Дэвидсонъ.

— Не путайте меня съ другими,—сказалъ Уэдъ.—Вы цѣлы и невредимы, вы въ комнатѣ профессора Бойса. Но у васъ что-то произошло съ глазами. Испортилось зрѣніе. Осязаніе и слухъ у васъ хороши, а зрѣніе испортилось. Вы понимаете, что я говорю?

— А мнѣ кажется, что я вижу даже слишкомъ много.— Дэвидсонъ потеръ кулаками глаза и сказалъ:—что жъ еще?

— Больше ничего. И пусть это васъ не безпокоитъ. Мы съ Беллозомъ посадимъ васъ въ кэбъ и отвеземъ домой.

— Погодите.—Дэвидсонъ задумался.—Дайте я присяду опять, а вы будьте добры, повторите все, что вы только что говорили.

---

*) Англійскій философъ восемнадцатаго вѣка, подвергавшій сомнѣнію существованіе внѣшняго міра.

Уэдъ добросовѣстно исполнилъ его просьбу. Дэвидсонъ закрылъ глаза и охватилъ голову руками.

— Да,—сказалъ онъ,—вы совершенно правы. Вотъ я закрылъ глаза, и вы совершенно правы. Тамъ на креслѣ сидите вы, Беллозъ. И я снова въ Англіи. И въ комнатѣ темно.

Потомъ онъ открылъ глаза.

— А теперь,—сказалъ онъ,—солнце только что восходитъ, и вотъ корабельныя снасти, и волнуется море, и какія-то птицы. Я ничего не видалъ такъ отчетливо. Я на берегу, по самое горло въ пескѣ.

Онъ наклонилъ голову и закрылъ лицо руками. Потомъ снова открылъ глаза.—Бурное море, и солнце! И все же я сижу на софѣ въ комнатѣ Бойса... Господи, что это со мною!

III.

Такъ это началось и длилось три недѣли. Это было хуже всякой слѣпоты. Дэвидсонъ былъ совершенно безпомощенъ. Его кормили, одѣвали, водили за руку. Когда онъ пробовалъ двигаться самъ, онъ либо падалъ, либо натыкался на стѣны, на двери. Черезъ день онъ немного освоился со своимъ положеніемъ, не такъ волновался, что слышитъ наши голоса, не видя насъ, и охотно допускалъ, что онъ дома, и что Уэдъ говоритъ правду.

Дэвидсонъ былъ женихъ моей сестры. Она настояла, чтобы ее впускали къ нему, и просиживала съ нимъ по многу часовъ, часто бесѣдуя о его странныхъ видѣніяхъ. На него дѣйствовало успокоительно, если онъ бралъ ее за руку. Онъ разсказалъ ей, что когда мы изъ колледжа везли его домой, ему представлялось, будто мы проѣзжаемъ прямо сквозь какой-то песчаный холмъ, чрезъ скалы, деревья и самыя крѣпкія преграды, а когда его ввели наверхъ, къ себѣ въ

комнату, у него закружилась голова, и онъ обезумѣлъ отъ страха, что онъ упадетъ, ибо подъемъ по лѣстницѣ показался ему восхожденіемъ на тридцать или сорокъ футовъ надъ поверхностью воображаемаго острова. Онъ безпрестанно твердилъ, что разобьется вдребезги. Въ концѣ концовъ пришлось перевести его внизъ въ контору его отца и тамъ положить на диванъ.

Онъ разсказывалъ, что видимый имъ островъ—довольно глухое и мрачное мѣсто, и что тамъ очень мало растительности,—только голыя скалы да торфяной бурьянъ. Островъ кишитъ пингвинами, и ихъ такъ много, что вся земля кажется отъ нихъ бѣлой, и это очень непріятно для глазъ. Море часто бушуетъ, и разъ была даже буря, и онъ лежалъ на диванѣ и вскрикивалъ при всякой вспышкѣ беззвучной молніи. Изрѣдка на берегъ взбирался тюлень, но это случалось только въ первые два—три дня. Онъ говорилъ, что его очень смѣшитъ, какъ пингвины проходятъ сквозь него, какъ сквозь пустое мѣсто, а онъ лежитъ посрединѣ и не пугаетъ ихъ.

Я вспоминаю одинъ любопытный эпизодъ. Это, когда ему очень захотѣлось покурить. Мы раскурили и дали ему въ руки трубку, причемъ онъ чуть не выкололъ себѣ глаза. Онъ не ощутилъ никакого вкуса. Я замѣтилъ, что точно то же бываетъ и со мною: куреніе не доставляетъ мнѣ удовольствія, если я не гляжу на трубку и на ея дымокъ.

Но самыя интересныя видѣнія явились ему, когда Уэдъ распорядился вывести его на свѣжій воздухъ.

Дэвидсоны взяли напрокатъ передвижное кресло и приставили къ нему своего приживальщика Виджери, глухого и упрямаго человѣка. У этого Виджери были довольно своеобразныя представленія о прогулкахъ на свѣжемъ воздухѣ.

Какъ-то возвращаясь изъ Ветеринарнаго Госпиталя, моя сестра повстрѣчала ихъ въ Кемденѣ, невдалекѣ отъ кабака. Виджери несся по улицѣ изо всей мочи, а Дэвидсонъ, ви-

димо измучившись въ конецъ, пытался всѣми своими слабыми силами привлечь его вниманіе къ себѣ.

Онъ положительно расплакался, когда моя сестра заговорила съ нимъ.

— О, дайте мнѣ выбраться изъ этой проклятой темноты,—сказалъ онъ, ища ея руки.—Мнѣ надо отсюда уйти, а не то я сейчасъ же умру.

Онъ былъ не въ силахъ объяснить, что произошло, но сестра рѣшила немедленно отвезти его домой, и чуть только они спустились съ холма по пути къ Гампстеду, страхъ мгновенно покинулъ его. Онъ сказалъ, что очень отрадно снова видѣть звѣзды,—хотя было около полудня и день былъ очень ясный.

— Было похоже на то,—разсказывалъ онъ мнѣ впослѣдствіи,—будто меня съ непреодолимой силой вдругъ понесло въ море. Поначалу это не слишкомъ испугало меня... Дѣло, конечно, было ночью,—очень хорошая ночь.

— Почему же «конечно?»—спросилъ я, пораженный.

— Конечно,—сказалъ онъ опять.—Когда здѣсь день, тамъ, конечно, ночь... Итакъ, меня несло прямо въ море. Море было спокойное, въ лунномъ сіяніи... Только широкая зыбь ходила по водѣ, и она показалась еще шире, когда я попалъ въ нее. Сверху она блестѣла, какъ кожа. Очень медленно,—потому что меня несло наискосокъ,—вода залила мнѣ глаза. Луна подпрыгнула въ небесахъ, и стала зеленой и смутной, и какая-то рыба, слегка поблескивая, заскользила, суетясь, вокругъ меня, и невдалекѣ я увидѣлъ какіе-то предметы, сдѣланные какъ бы изъ хрусталя, и пронесся черезъ цѣлую чащу водорослей, которыя свѣтились маслянистымъ свѣтомъ. И такъ я спускался на дно, и луна становилась темнѣе и зеленоватѣе, а водоросли дѣлались красными, какъ кровь. Все это было очень неясно и похоже на волшебство, и все какъ бы дрожало и колебалось. И въ то же время я ясно слышалъ, какъ поскрипываетъ кресло, на которомъ

меня везутъ, и проходитъ мимо народъ, и гдѣ-то въ сторонѣ газетчикъ выкрикиваетъ экстренный выпускъ «Pall-Mall» *).

Я погружался все глубже и глубже. Все стало черно, какъ чернила, и ни одного луча не проникало въ темноту, и то, что свѣтилось фосфорическимъ блескомъ, становилось ярче и ярче. Змѣистыя вѣтви подводныхъ растеній засвѣтились на глубинѣ, какъ пламя спиртовыхъ лампочекъ; но, спустя еще немного, пропали и эти растенія. Рыбы налетали на меня стаями, и глядѣли на меня, раззѣвая рты, и плавали мимо меня, и въ меня, и чрезъ меня. Я никакъ не предполагалъ, что существуютъ такія странныя рыбы. Съ обѣихъ сторонъ проходили у нихъ по бокамъ огненныя полоски, какъ будто проведенныя фосфоромъ. И еще какая-то гадина пятилась въ водѣ задомъ напередъ, извивая длинныя щупальцы.

Потомъ я увидѣлъ, какъ во тьмѣ медленно ползла на меня масса неяснаго свѣта, которая вблизи оказалась цѣлымъ сонмомъ рыбъ, шныряющихъ вокругъ чего-то, что неслось по теченію. Я подвигался туда и въ самомъ центрѣ стаи увидѣлъ обломокъ разбитой мачты, простершейся надо мною, и темный корабельный остовъ, покачивающійся въ волнахъ, и какія-то свѣтящіяся тѣла, податливыя и гибкія подъ напоромъ прожорливой стаи. Тогда-то я и сталъ пытаться привлечь къ себѣ вниманіе Виджери. Ужасъ напалъ на меня. Ухъ! Мнѣ пришлось бы наѣхать прямо на эти обглоданные предметы. Если бы ваша сестра во-время не подошла ко мнѣ... Они были проѣдены насквозь и...

Все равно это было ужасно.

IV.

Три недѣли находился Дэвидсонъ въ этомъ странномъ положеніи, и взоръ его былъ обращенъ къ тому, что мы

*) Уличная лондонская газета, очень распространенная.

считали сперва созданіемъ его фантазіи. Онъ былъ слѣпъ ко всему окружающему. Но вотъ въ одинъ изъ вторниковъ я прихожу къ нему и встрѣчаю на лѣстницѣ его отца.

— Онъ уже видитъ свой палецъ!—въ восторгѣ сообщилъ мнѣ старикъ, и слезы показались у него на глазахъ.— Есть надежда на полное выздоровленіе: онъ видитъ свой палецъ!

Я бросился къ Дэвидсону. Онъ держалъ предъ глазами маленькую книжку и слабо смѣялся.

— Вотъ чудеса,—сказалъ онъ. Я на скалахъ, какъ и прежде, и пингвины копошатся и возятся здѣсь, какъ и прежде, а по временамъ даже появляется то здѣсь, то тамъ китъ, и только темнота мѣшаетъ мнѣ разглядѣть его получше. Но положите что-нибудь сюда (онъ указалъ на свой палецъ), и я увижу,—увижу плохо, неясно, какими-то клочками, но все-таки увижу, не предметъ, а блѣдную тѣнь предмета. Это я замѣтилъ сегодня утромъ, когда меня одѣвали. Какъ будто образовалась дыра въ этомъ фантастическомъ мірѣ. Вотъ, положите вашу руку рядомъ съ моею. Нѣтъ, не тамъ... Да, да, я вижу ее. Вашъ большой палецъ и кусочекъ манжеты. Ваша рука, какъ привидѣніе, встала на темнѣющемъ небѣ. Тутъ же подлѣ нея—какое-то созвѣздіе въ формѣ креста.

Съ этой поры началось выздоровленіе Дэвидсона. Какъ будто линялъ постепенно міръ его видѣній, становился прозрачнѣе и прозрачнѣе, въ немъ появлялись щели и какіе-то просвѣты, и сквозь нихъ Дэвидсонъ началъ смутно различать окружающую дѣйствительность. Просвѣты ширились, ихъ становилось больше, они сливались воедино, и скоро въ Дэвидсоновыхъ глазахъ осталось только нѣсколько пятенъ, заслоняющихъ отъ него видимый міръ. Онъ получилъ возможность вставать, одѣваться и двигаться безъ посторонней помощи, и снова сталъ ѣсть, читать, курить и дѣйствовать во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и всякій нормальный

человѣкъ. Сперва онъ чувствовалъ неудобство отъ двойственныхъ видѣній, наброшенныхъ, какъ картинки волшебнаго фонаря, одно на другое, но вскорѣ онъ научился отличать иллюзорныя видѣнія отъ настоящихъ и вполнѣ освоился съ ними.

И это радовало его поначалу, и, казалось, онъ заботился лишь о полномъ своемъ выздоровленіи, и прибѣгалъ для этого къ различнымъ мѣрамъ и къ тоническимъ средствамъ. Но когда его странный, причудливый островъ сталъ таять у него предъ глазами, онъ очень заинтересовался имъ. Особенно ему хотѣлось снова погрузиться на морское дно, и почти все свое свободное время онъ блуждалъ по низко расположеннымъ кварталамъ Лондона, въ надеждѣ натолкнуться на тотъ обломокъ судна, который онъ встрѣтилъ тогда.

Настоящій дневной свѣтъ дѣйствовалъ на него такъ сильно, что уничтожалъ все, являвшееся ему въ видѣніяхъ, но ночью въ темной комнатѣ онъ снова могъ видѣть испачканныя бѣлымъ скалы и жирныхъ пингвиновъ, ковыляющихъ вокругъ. Однако и это становилось все прозрачнѣе и, наконецъ, вскорѣ послѣ его женитьбы на моей сестрѣ, совершенно исчезло.

V.

Но самое любопытное впереди. Черезъ два года послѣ этой исторіи я какъ-то обѣдалъ у Дэвидсоновъ, и послѣ обѣда у нихъ появился одинъ господинъ, по имени Аткинсъ. Онъ лейтенантъ королевскаго флота, любезный человѣкъ и большой говорунъ. Они съ моимъ зятемъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а черезъ какой-нибудь часъ онъ и со мною всталъ точно въ такія же отношенія. Оказалось, что онъ былъ женихъ Дэвидсоновой кузины и, когда пришлось къ разговору, вынулъ изъ кармана небольшую фотографическую кар-

точку своей невѣсты.—А, кстати,—сказалъ онъ,—вотъ снимокъ нашего стараго «Фульмара».

Дэвидсонъ бѣгло взглянулъ на карточку. Вдругъ все лицо его запылало.—Боже мой!—воскликнулъ онъ.—Я бы могъ поклясться...

— Въ чемъ?—спросилъ Аткинсъ.

— Что видѣлъ это судно и раньше.

— Не понимаю, какъ. Уже шесть лѣтъ оно въ южныхъ моряхъ, а до тѣхъ поръ...

— Однако...—началъ Дэвидсонъ. И, помолчавъ, продолжалъ: — Да, это то самое судно, которое... мнѣ... являлось. Оно стояло у острова; тамъ была уйма пингвиновъ, и оно стрѣляло изъ пушки...

— Господи!—воскликнулъ Аткинсъ.—Какъ все это могло вамъ являться?

И тутъ, слово за словомъ, выяснилось, что въ тотъ самый день, когда Дэвидсона постигло несчастье, англійское военное судно «Фульмаръ» случайно оказалось невдалекѣ отъ маленькой скалы къ югу отъ острова Антиподовъ. Туда была спущена съ судна шлюпка, чтобы ночью набрать пингвиновыхъ яицъ. Она почему-то замѣшкалась, ее застала буря, и ей пришлось прождать всю ночь до утра, и только на разсвѣтѣ вернуться къ судну. Аткинсъ одинъ изъ тѣхъ, что были въ этой лодкѣ, и онъ подтвердилъ, до мельчайшихъ подробностей, всѣ обстоятельства, которыя сообщалъ Дэвидсонъ. Ни у кого изъ насъ не осталось ни капли сомнѣнія, что Дэвидсонъ и вправду видѣлъ это мѣсто. Какимъ-то непонятнымъ образомъ, покуда онъ двигался туда и сюда по Лондону, его зрѣніе, въ точномъ соотвѣтствіи, передвигалось по поверхности отдаленнаго острова. *Какъ* это происходило,—остается тайной.

На этомъ и кончается чудесная исторія съ глазами Дэвидсона. Это, можетъ быть, самый достовѣрный случай передачи видѣній на разстояніе. Объяснить этотъ случай нѣтъ

никакой возможности; намъ извѣстны только комментаріи профессора Уэда. Но эти комментаріи опираются на ученіе о четвертомъ измѣреніи и представляютъ собою цѣлую диссертацію о видахъ пространства. Толковать о томъ, что бываютъ «щели въ пространствѣ», кажется мнѣ безсмысленнымъ; быть можетъ, оттого, что я нисколько не математикъ.

Когда я говорилъ Уэду, что какъ никакъ, а мѣсто видѣній Дэвидсона отстоитъ отъ насъ на восемь тысячъ миль, онъ отвѣчалъ, что на бумажной полоскѣ двѣ точки могутъ отстоять другъ отъ друга на аршинъ и все же могутъ быть слиты въ одну, если мы согнемъ полоску вдвое. Пусть читатель и согласится съ его аргументами, но для меня они неубѣдительны. Его идея, повидимому, такова, что Дэвидсонъ, очутившись между двумя полюсами электромагнита, получилъ необычайное сотрясеніе сѣтчатой оболочки, благодаря внезапной перемѣнѣ поля силъ, произошедшей вслѣдствіе грозы.

Изо всего этого онъ выводитъ, что тѣломъ можно жить въ одномъ концѣ земного шара, а зрѣніемъ въ другомъ. Онъ даже дѣлалъ кое-какіе опыты въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній, но, пока что, ему удалось только ослѣпить нѣсколькихъ собакъ. Я полагаю, что это окончательный результатъ его работъ, хотя и не видѣлся съ нимъ уже нѣсколько недѣль. За послѣднее время у меня было столько работы въ институтѣ св. Панкратія, что я никакъ не могъ выбрать времени заглянуть къ нему. Но вся его теорія въ цѣломъ кажется мнѣ фантастической. Факты, относящіеся къ Дэвидсону, должны быть обоснованы совершенно иначе, и я съ своей стороны могу поручиться за точность каждой подробности всего вышеизложеннаго.

„НОВѢЙШІЙ УСКОРИТЕЛЬ“.

(ПЕРЕВОДЪ К. ЧУКОВСКАГО).

Если и былъ такой человѣкъ, что искалъ булавку, а нашелъ червонецъ, такъ это несомнѣнно мой добрый пріятель, профессоръ Гиббернъ.

Я и прежде слыхалъ, что многія великія вещи изобрѣтались совершенно нечаянно, но съ профессоромъ Гибберномъ произошло прямо что-то невѣроятное. Можно смѣло сказать, что его открытіе перевернетъ вверхъ ногами всю нашу жизнь. А онъ, между тѣмъ, хотѣлъ только найти какія-нибудь возбуждающія капли, которыя дали бы возможность обезсиленнымъ людямъ поспѣвать за торопливымъ вѣкомъ.

Мнѣ уже случалось неоднократно принять это новое снадобье, и, по моему, будетъ лучше всего, если я подробно опишу его дѣйствіе на мой организмъ. Изъ дальнѣйшаго видно, какой богатой находкой окажется это средство для всѣхъ искателей новыхъ ощущеній.

Какъ многимъ небезызвѣстно, мы съ професоромъ Гибберномъ—сосѣди по Фольстону. Если память мнѣ не измѣняетъ, снимки съ его портретовъ были помѣщены въ журналѣ «The Strand Magazine» въ концѣ 1899 года. Тамъ онъ изображенъ въ различные періоды своей жизни. Я не могу провѣрить это сейчасъ, такъ какъ журналъ за этотъ годъ

взятъ у меня кѣмъ-то на прочтеніе и до сихъ поръ не возвращенъ, но читатель, можетъ быть, помнитъ высокій лобъ и необыкновенно длинныя черныя брови, которыя придаютъ его лицу что-то мефистофельское.

Онъ живетъ въ очень миломъ особнячкѣ, на Верхне-Сендгэтской Дорогѣ. Такіе особнячки, построенные въ смѣшанномъ стилѣ, придаютъ довольно причудливый характеръ западному концу этой улицы. Крыша у этого дома голландская, а портикъ мавританскій; и за тѣмъ окномъ, которое выступаетъ впередъ, работаетъ самъ профессоръ. Тамъ же мы часто куримъ и занимаемся болтовней. Онъ большой шутникъ, и къ тому же ему пріятно поговорить со мной о своихъ занятіяхъ. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые въ бесѣдѣ видятъ потребность: она помогаетъ имъ работать.

И, такимъ образомъ, у меня была возможность шагъ за шагомъ прослѣдить созиданіе «Новѣйшаго Ускорителя». Хотя конечно, значительная часть экспериментальныхъ работъ производилась Гибберномъ не въ Фолькстонѣ, а въ шикарной новой лабораторіи на Гауэръ-Стритѣ, рядомъ съ госпиталемъ. Эту лабораторію онъ первый и обновилъ.

Какъ извѣстно всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ извѣстно людямъ интеллигентнымъ, спеціальность Гибберна,— ею онъ пріобрѣлъ такую громкую и заслуженную репутацію среди физіологовъ, — дѣйствіе лѣкарствъ на нервную систему. Снотворныя, успокаивающія, анэстезирующія средства — здѣсь, говорятъ, онъ не знаетъ себѣ равныхъ. Въ химіи также онъ пользуется большимъ авторитетомъ и, по моимъ соображеніямъ, въ той путаницѣ, которая царитъ теперь въ наукѣ по вопросамъ о клѣткѣ нервнаго узла и осевомъ волокнѣ, онъ освѣтилъ не мало темныхъ мѣстъ, и многія его свѣдѣнія въ этой области останутся сокрыты для всѣхъ, покуда ему не заблагоразсудится обнародовать ихъ.

Въ послѣдніе годы онъ съ особеннымъ тщаніемъ зани-

мался вопросомъ о возбуждающихъ средствахъ и еще до открытія своего «Ускорителя» сдѣлалъ въ этой области много успѣховъ. Благодаря ему, медицина пріобрѣла, по крайней мѣрѣ, три укрѣпляющихъ средства, совершенно безвредныхъ и имѣющихъ громадную цѣнность во врачебной практикѣ. Въ случаяхъ истощенія, препаратъ, извѣстный подъ именемъ «Сиропъ В д-ра Гибберна», спасъ больше народу, чѣмъ любая спасательная лодка по всему морскому побережью.

— Но всѣ эти пустячки меня уже не тѣшатъ!—сказалъ онъ мнѣ какъ-то однажды, около года назадъ. — Всѣ они имѣютъ лишь частичное и мѣстное вліяніе. Одни возбуждаютъ сердце, оставляя мозгъ въ первоначальной апатіи; другіе дѣйствуютъ на мозгъ, какъ шампанское, никакъ не вліяя на нервное солнцесплетеніе, — но чего я добиваюсь, и чего я, чортъ возьми, добьюсь—это такое средство, которое возбудитъ въ васъ все, которое сразу подыметъ васъ всего съ головы до пятъ, и повыситъ всѣ ваши силы въ два... даже въ три раза противъ обычной нормы. Да! Вотъ чего добиваюсь я теперь.

— Это будетъ чрезмѣрная трата силъ,—замѣтилъ я.

— Ну да,—и еще трата ѣды и всего такого... Вы подумайте только, въ чемъ тутъ дѣло. Представьте себѣ пузырекъ, вотъ какъ этотъ, онъ взялъ со стола зеленую склянку,— и въ этомъ безцѣнномъ пузырькѣ заключена возможность думать вдвое скорѣе, вдвое скорѣе двигаться, вдвое скорѣе работать.

— Но развѣ такъ возможно?

— По моему, да. А если нѣтъ, у меня пропалъ понапрасну цѣлый годъ. Здѣсь у меня различные препараты гипофосфатовъ и, кажется, они должны указывать, что нѣчто подобное... осуществимо... Пусть подѣйствуетъ только въ полтора раза,—и то хорошо!

— И то хорошо!—согласился я.

— Если, скажемъ, вы политикъ, государственный человѣкъ, и у васъ бездна дѣла, а время не терпитъ.

— Я бы тогда напоилъ этой штукой своего секретаря...

— И выиграли бы времени вдвое. Или возьмите себя: положимъ, вамъ надо закончить вашу книгу...

— Я всегда проклинаю тотъ день, когда началъ ее,— отозвался я.

— Или вы—докторъ. Заняты до смерти, а вамъ надо сѣсть и обдумать діагнозъ... Или адвокатъ... Или зубрите къ экзамену...

— Прямой расчетъ такимъ господамъ дать десять цѣлковыхъ за каплю,—сказалъ я.

— Или, скажемъ, дуэль, — продолжалъ Гиббернъ,—и вамъ надо возможно скорѣе спустить курокъ,—отъ этого зависитъ все.

— Или вотъ тоже,—подхватилъ я,—фехтованіе...

— Словомъ, вы видите,—сказалъ Гиббернъ,—это средство помогло бы во всемъ, а вреда отъ него никакого. Развѣ что на безконечно малую степень оно приблизило бы васъ къ старости. Но зато вѣдь вы и проживаете вдвое, по сравненію съ другими...

— Ну, на дуэли,—сказалъ я раздумывая,—врядъ ли это было бы честно...

— Это какъ порѣшатъ секунданты, — сказалъ Гиббернъ.

— И вы полагаете,—вернулся я къ прежнему,—что такое снадобье возможно?

— Такъ же возможно...—сказалъ Гиббернъ и поглядѣлъ на улицу, гдѣ что-то зашумѣло и пронеслось,—такъ же возможно, какъ автомобиль. Собственно говоря...

Онъ умолкъ со значительнымъ видомъ и негромко постучалъ по столу зеленымъ пузырькомъ.

— Мнѣ сдается даже, что я такой составъ знаю... Кое-чего я уже въ этомъ отношеніи достигъ.

По той нервной усмѣшкѣ, съ какою онъ произнесъ эти слова, я понялъ, до чего все это дорого для него. О своихъ опытахъ онъ заговаривалъ только тогда, когда они бывали близки къ концу,—не иначе.

— Можетъ быть, можетъ быть...—Здѣсь не было бы ничего неожиданнаго,—это вызоветъ энергіи даже больше, чѣмъ вдвое...

— Это будетъ очень важная штука!—сказалъ я на всякій случай.

— Это будетъ, я думаю, очень важная штука.

Но все же, мнѣ кажется, онъ тогда не совсѣмъ еще понималъ, какая это, въ самомъ дѣлѣ, важная штука.

Я помню, мы не разъ возвращались къ этой темѣ. «Новѣйшій Ускоритель»—такъ назвалъ онъ свое снадобье, и съ каждымъ разомъ въ его словахъ слышалось все больше увѣренности.

То онъ вдругъ заговаривалъ о неожиданныхъ физіологическихъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ вызвать этотъ составъ, и при этомъ слегка омрачался; то, съ нескрываемымъ корыстолюбіемъ, принимался обсуждать со мною денежную сторону дѣла.—Это великое изобрѣтеніе,—говорилъ Гиббернъ,—великое и страшное. Я знаю, какъ много я даю міру, и, по моему, я вправѣ ждать отъ него заслуженной благодарности. Достоинство науки своимъ чередомъ, но, по моему, мнѣ слѣдуетъ получить монополію на мое снадобье хотя бы лѣтъ на десять. Мнѣ вовсе не нравится, что въ концѣ концовъ въ жизни всѣ сливки достаются какимъ-то колбасникамъ.

Конечно, съ теченіемъ времени мой интересъ къ новому изобрѣтенію не ослабѣвалъ. Я всегда имѣлъ въ душѣ нѣкоторую склонность къ метафизикѣ. Меня всегда увлекали различные парадоксы насчетъ времени и пространства, и теперь мнѣ казалось, что Гиббернъ изобрѣлъ не что иное, какъ именно абсолютное ускореніе жизни. Предположимъ,

что человѣкъ станетъ принимать его капли регулярно: жизнь его сдѣлается очень бурной и ускорится страшно; въ одиннадцать лѣтъ онъ уже достигнетъ совершеннолѣтія, въ 25 лѣтъ онъ будетъ пожилой, а къ тридцати годамъ у него начнется старческая дряблость.

Магія аптекарскихъ капель всегда была для меня изумительна: вы можете сдѣлать человѣка безумнымъ, или сдѣлать его спокойнымъ; невѣроятно сильнымъ и бодрымъ или вялымъ, безпомощнымъ и слабымъ; усилить эту страсть и ослабить ту — и все при посредствѣ капель; и вотъ появлялось новое чудо, еще одно, въ этомъ арсеналѣ пузырьковъ готовыхъ къ услугамъ врачей.

Но всѣ подобныя мысли мало интересовали Гибберна: онъ слишкомъ былъ поглощенъ технической стороной своего изобрѣтенія.

7-го или 8-го августа онъ сообщилъ мнѣ, что осталась одна только дистилляція, которая и рѣшитъ исходъ всего дѣла, а 10-го я отъ него узналъ, что все уже сдѣлано и что «Новѣйшій Ускоритель» — есть осязаемая реальность. Я встрѣтилъ его, идучи въ Фолькстонъ, — насколько я помню, я шелъ тогда стричься, а онъ направлялся ко мнѣ, чтобы подѣлиться со мной своей радостью. Я помню, какъ блестѣли у него глаза, а лицо раскраснѣлось, и уже тогда я замѣтилъ странную стремительность его походки.

— Готово! — закричалъ онъ, и схватилъ меня за руку и заговорилъ быстро, быстро: — совсѣмъ, совсѣмъ готово. Идемъ ко мнѣ, и посмотримъ.

— Правда?

— Правда! — воскликнулъ онъ. — Просто не вѣрится Идемъ ко мнѣ и посмотримъ.

— И дѣйствуетъ... вдвое?

— О, больше, гораздо больше... Мнѣ даже самому страшно. Идемъ и вы увидите! Отвѣдайте его, попробуйте его! Самый чудесный въ мірѣ составъ.

Онъ схватилъ меня за руку и зашагалъ съ такой быстротой, что мнѣ пришлось нестись вслѣдъ за нимъ чуть не вскачь. Мы поднялись на холмъ. Мимо проѣзжалъ какой-то шарабанъ и, сколько тамъ было народу, всѣ обернулись и единодушно принялись пялить на насъ глаза, какъ умѣютъ пялить глаза только въ шарабанахъ.

Стоялъ ясный и жаркій день, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ такъ много въ Фолькстонѣ,—когда каждая краска ярка невѣроятно и каждый контуръ такъ рѣзокъ. Конечно, былъ легкій вѣтеръ, но какъ могъ онъ, при такомъ движеніи, освѣжить меня?

Наконецъ я взмолился о пощадѣ.

— Развѣ я иду слишкомъ скоро?—удивился Гиббернъ, и, замедливъ шаги, все же продолжалъ нестись, какъ угорѣлый.

— Вы ужъ, небось, порядкомъ выпили своего снадобья?—выговорилъ я, отдуваясь.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ. — Развѣ что одну только капельку той воды, что осталась въ чашкѣ... когда я отмылъ отъ нея всѣ слѣды моего вещества. Вчера вечеромъ я, правда, принялъ немного, но вѣдь, согласитесь, это уже древняя исторія.

— И оно дѣйствуетъ... вдвое?—спросилъ я, весь въ поту подбѣгая къ его дому.

— Въ тысячу разъ, во много тысячъ разъ!—выкрикнулъ Гиббернъ, распахивая настежь свои рѣзныя, дубовыя ворота.

— Фу! — сказалъ я и послѣдовалъ за нимъ на крыльцо.

— Я даже и представить себѣ не могу во сколько разъ,—продолжалъ онъ, доставая ключъ.

— И вы...

— Это бросаетъ новый свѣтъ на физіологію нервной системы и переворачиваетъ вверхъ ногами теорію зрительныхъ ощущеній!.. Одному небу извѣстно, во сколько тысячъ

разъ... Мы все это изслѣдуемъ послѣ; но раньше всего надо попробовать капли.

— Попробовать капли? — сказалъ я, поднимаясь по лѣстницѣ.

— Ну, да! — сказалъ Гиббернъ, уже изъ кабинета. — Вотъ онѣ здѣсь въ этомъ маленькомъ зеленомъ пузырькѣ! Если только вамъ не страшно.

Я человѣкъ по природѣ осторожный, и смѣлость моя больше въ теоріи. Мнѣ дѣйствительно было страшно. Но, съ другой стороны, заговорило тщеславіе.

— Собственно говоря...—сказалъ я въ замѣшательствѣ.— Вы утверждаете, что уже пробовали ихъ.

— Да, пробовалъ,—сказалъ онъ,—и не правда ли, не похоже, чтобъ онѣ повредили мнѣ?

Я опустился въ кресло.

— Ну, хорошо, я приму. На самый худой конецъ,—мнѣ больше не придется ходить стричься, а это, по моему, гнуснѣйшая обязанность цивилизованнаго человѣка. Какъ вы принимали эти капли?

— На водѣ, — сказалъ Гиббернъ, взявшись рукой за графинъ.

Онъ остановился у письменнаго стола и внимательно посмотрѣлъ на меня. Его манеры сразу пріобрѣли такой характеръ, какъ у врача-спеціалиста съ Гарлеевской улицы.

— Это очень странныя капли,—сказалъ онъ.

Я махнулъ рукою.

— Я долженъ предупредить васъ: передъ тѣмъ, какъ вы примете капли, закройте глаза, — и откройте ихъ только черезъ минуту, или около того—съ большой осторожностью. Наше зрѣніе есть вопросъ длины воздушныхъ волнъ, а отнюдь не ихъ обилія; но если глаза у васъ будутъ открыты, то ваша сѣтчатка ощутитъ извѣстный толчокъ, сопровождающійся головокруженіемъ и очень непріятнымъ чувствомъ. Закройте же глаза.

— Ладно,—сказалъ я.—Могу и закрыть.

— Во-вторыхъ, сохраняйте полное спокойствіе. Не вздумайте, напримѣръ, дергаться. Вы можете получить здоровый ушибъ. Помните, что вашъ организмъ начнетъ работать во много тысячъ разъ быстрѣе обыкновеннаго. Сердце, легкія, мускулы, мозгъ,—рѣшительно все,—и вы проявите массу энергіи, сами того не подозрѣвая. Вамъ и въ голову это не придетъ; ощущенія у васъ останутся прежнія. Но только все вокругъ какъ будто сразу замедлитъ ходъ во много тысячъ разъ, и пойдетъ тише, чѣмъ прежде. И отсюда—чортъ знаетъ,—какія странныя послѣдствія.

— Господи!—сказалъ я.—И, значитъ, по вашему...

— Вотъ вы сейчасъ увидите,—сказалъ онъ—и взялъ мензурку. Потомъ бросилъ взглядъ на столъ передъ собой.

— Стаканы,—сказалъ онъ,—вода. Все готово! Не слѣдуетъ принимать слишкомъ много для перваго раза.

Драгоцѣнная жидкость переливается изъ зеленаго пузырька въ мензурку.—Помните все, что я вамъ говорилъ,—повторяетъ Гиббернъ, наливая эту жидкость въ стаканъ, точно такимъ же жестомъ, какъ итальянскій лакей наливаетъ виски.—Какъ можно крѣпче закройте глаза и соблюдайте полное спокойствіе въ теченіе двухъ минутъ.

Онъ прибавилъ воды по три чайныя ложечки въ каждый стаканъ.

— Кстати,—сказалъ онъ.—Не вздумайте ставить вашъ стаканъ на столъ. Продолжайте держать его въ рукѣ, а руку положите на колѣно. Вотъ!—именно такъ. А теперь...

Онъ поднялъ стаканъ.

— За Новый Ускоритель!—сказалъ я.

— За Новый Ускоритель!—отозвался онъ, и мы чокнулись, опорожнили стаканы, и я тотчасъ же закрылъ глаза.

Вамъ извѣстна эта пустота небытія, въ которую погружаешься подъ вліяніемъ «веселящаго газа»! Не знаю, сколько времени я былъ именно въ такомъ состояніи. Потомъ до

меня донесся голосъ Гибберна; онъ приказывалъ мнѣ проснуться. Я встряхнулся и открылъ глаза.

Онъ гдѣ стоялъ, тамъ и остался, и стаканъ попрежнему былъ у него въ рукѣ. Одна только разница, что теперь это былъ пустой стаканъ.

— Ну?—сказалъ я.

— Ничего не чувствуете особеннаго?

— Ничего. Легкое возбужденіе, пожалуй. И больше ничего.

— А звуки?

— Никакихъ звуковъ,—сказалъ я.—Полнѣйшая тишина. Только что-то стучитъ, какъ дождь, какъ будто всѣ вещи оказались подъ дождемъ. Что это такое?

— Это звуки распались на свои элементы, — сказалъ онъ,—кажется, такъ, но поручиться я не могу.

Онъ поднялъ глаза на окно.

— Видали вы до сихъ поръ, чтобы этакимъ манеромъ занавѣска прикрѣплялась къ окну?

Я посмотрѣлъ на занавѣску и увидѣлъ, что она какъ бы застыла, и что уголокъ у нея, какъ загнулся отъ вѣтра, такъ и остался.

— Не видалъ никогда,—сказалъ я.—Что за странность!

— А это?—сказалъ онъ и растопырилъ пальцы, въ которыхъ помѣщался стаканъ. Естественно, я не могъ не мигнуть глазами, ожидая, что стаканъ разобьется. Но онъ даже не шевельнулся; онъ повисъ въ воздухѣ—неподвижно.

— Вы, конечно, знаете — сказалъ Гиббернъ, — падающій предметъ дѣлаетъ въ этихъ широтахъ въ первую секунду 16 футовъ. И этотъ стаканъ тоже дѣлаетъ 16 футовъ въ секунду. Но, понимаете ли, онъ еще не успѣлъ сдѣлать и сотой доли секунды. Это можетъ дать вамъ понятіе о силѣ моего ускорителя.

Стаканъ медленно опускался. Онъ провелъ рукою вокругъ стакана, надъ нимъ и подъ нимъ. Потомъ онъ взялъ его за

донышко и тихонько поставилъ на столъ.—Ну что?—обратился онъ ко мнѣ и засмѣялся.

— Какъ будто ничего,—сказалъ я и началъ медленно приподниматься на креслѣ.

Я чувствовалъ себя очень хорошо, и въ головѣ у меня не было никакого потемнѣнія. Но все во мнѣ какъ-то страшно заторопилось. Мое сердце, напримѣръ, дѣлало тысячу ударовъ въ секунду, и это не причиняло рѣшительно никакого неудобства. Я глянулъ въ окно. Какой-то велосипедистъ застывшій на одномъ мѣстѣ, съ застывшимъ облакомъ пыли позади, стремглавъ догонялъ какую-то бричку, которая тоже не двигалась ни на вершокъ. Я просто ротъ раскрылъ отъ удивленія предъ этимъ невѣроятнымъ зрѣлищемъ.

— Гибберńъ! — закричалъ я, — сколько времени дѣйствуютъ эти чертовскія капли?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія! — отвѣтилъ онъ. — Когда я принялъ ихъ прошлый разъ, я пошелъ спать и проспалъ ихъ. Говорю вамъ, мнѣ стало страшно. Тогда это длилось нѣсколько минутъ, такъ я соображаю,—хотя мнѣ казалось: нѣсколько часовъ. По моему, это скоро должно проходить.

Я съ гордостью замѣтилъ, что мнѣ ничуть не страшно,— можетъ быть, потому, что насъ все-таки было двое.—Почему бы намъ не пойти гулять?—предложилъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Пусть поглядятъ на насъ!

— Что вы! Что вы! Насъ и не увидятъ! Мы понесемся быстрѣе, чѣмъ въ сказкѣ. Идемъ! Но какъ? Въ окно или въ дверь?

И мы выбрали окно.

Я много читалъ о различныхъ чудесахъ, я о многомъ мечталъ, и многое пережилъ самъ, но изъ всего этого самымъ необычайнымъ и дикимъ событіемъ всей моей жизни была, несомнѣнно, эта краткая прогулка вмѣстѣ съ Гиб-

берномъ по полямъ и лугамъ Фолькстона, послѣ принятія капель.

Мы пронеслись чрезъ рѣзныя дубовыя ворота, вылетѣли на дорогу и тотчасъ же наше вниманіе было привлечено какимъ-то омнибусомъ, совершенно окаменѣвшимъ. Верхушки колесъ, лошадиныя ноги, конецъ хлыста и нижняя челюсть возницы (онъ только-что началъ зѣвать),—все это находилось хоть въ какомъ-нибудь движеніи, но остальное въ этомъ неуклюжемъ экипажѣ совершенно застыло.

И все—совершенно безшумно. Сидящіе тамъ люди были, какъ статуи большого монумента,—кучеръ, кондукторъ и одиннадцать человѣкъ пассажировъ. Стало даже какъ-то непріятно, когда мы обошли это сооруженіе вокругъ. Такіе же люди, какъ и мы, застыли, остановились въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, не докончивъ того или иного жеста.

Какая-то дѣвушка и молодой человѣкъ дѣлаютъ другъ другу глазки и въ такомъ положеніи остались, какъ будто навѣки. Женщина въ развѣвающемся плащѣ ухватилась рукой за перила и навѣки вперяетъ немигающій взоръ въ окна Гиббернова дома. Какой-то мужчина закручиваетъ свой усъ, какъ будто онъ у него изъ воска, а другой протянулъ окостенѣлую руку вслѣдъ за улетающей шляпой.

Мы глядѣли на нихъ и смѣялись надъ ними, и корчили имъ рожи, и, внезапно почувствовавъ къ нимъ презрѣніе, отвернулись отъ нихъ и передъ самымъ носомъ велосипедиста прошли по направленію къ лугамъ.

— Господи!—воскликнулъ вдругъ Гиббернъ,—глядите-ка туда!

Передъ нами была пчела; она медленно перебирала крылышками въ воздухѣ и двигалась со скоростью весьма лѣнивой улитки.

Итакъ, мы пришли на лужайку. Тамъ началось уже сплошное безуміе. Оркестръ игралъ, очевидно, громко, но намъ

казалось, что онъ совсѣмъ затихъ, и у него было что-то вродѣ одышки, и онъ испускалъ послѣдніе вздохи, и вздохи эти переходили, порою, какъ бы въ заглушенное тиканіе какихъ-то чудовищныхъ часовъ.

Люди застыли и стояли навытяжку,—странныя, нѣмыя куклы, надѣленныя разумомъ, неустойчиво остановившіяся на одной ногѣ, въ тотъ моментъ, какъ шагали по травкѣ. Проходя, я увидѣлъ небольшого пуделя; онъ повисъ въ воздухѣ, на половинѣ прыжка, и я слѣдилъ, какъ медленно онъ опускался на землю.

— Нѣтъ, вы посмотрите сюда!—воскликнулъ Гиббернъ, и мы оба остановились возлѣ какого-то франта, въ бѣломъ полосатомъ костюмѣ, въ бѣлыхъ ботинкахъ и въ панамѣ: онъ слегка повернулъ голову и подмигивалъ двумъ разодѣтымъ дамамъ. Подмигиваніе, если изслѣдовать его съ такимъ тщаніемъ, какое было доступно намъ, — вещь весьма непривлекательная. Оно утрачиваетъ всю свою лихость и бойкость и тогда обнаруживается, что подмигивающій глазъ закрывается не вполнѣ плотно и что изъ-подъ опущеннаго вѣка проглядываетъ нижняя часть глазного яблока и узенькая полоска бѣлка.

— Отнынѣ,—сказалъ я,—если Богъ не отобьетъ у меня памяти, никому не буду подмигивать...

— А также и улыбаться, — подхватилъ Гиббернъ, разглядывая зубы улыбающейся дамы.

— Однако, ужасно жарко! — сказалъ я. — Пойдемъ-ка тише.

— Ну, вотъ!—отозвался Гиббернъ.

Мы понеслись мимо садовыхъ скамеекъ у дорожки. Многіе изъ сидѣвшихъ тамъ казались почти естественными, но больно было смотрѣть на военныхъ музыкантовъ, застывшихъ во время игры. Какой-то краснощекій, маленькій господинъ застылъ какъ разъ въ то мгновеніе, когда онъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія сложить на вѣтру газету. По многимъ

признакамъ, всѣ эти застывшіе люди сидѣли на вѣтру, но для насъ этого вѣтра не существовало. Мы выбрались оттуда и отошли отъ толпы въ сторонку и стали издали наблюдать ее.

Разглядывать все это множество людей, вдругъ остолбенѣвшихъ и сдѣлавшихся какъ бы изъ воска, было до жуткости удивительно. Конечно, это глупо,—но я весь былъ преисполненъ тогда какимъ-то необъяснимымъ чувствомъ радости и собственнаго превосходства. Подумайте только! Все, что было сказано, подумано, сдѣлано мною, съ той поры, какъ это вещество проникло въ мой организмъ,—было однимъ лишь мгновеніемъ ока для всѣхъ этихъ людей и для всей вселенной.

— Новѣйшій Ускоритель... — началъ было я, но Гиббернъ перебилъ меня:

— Эта проклятая старуха!—сказалъ онъ.

— Какая старуха?

— Моя сосѣдка,—сказалъ Гиббернъ.—Вотъ ея любимая болонка; она вѣчно тявкаетъ. Нѣтъ, искушеніе слишкомъ сильно!..

Временами у Гибберна появляется что-то мальчишеское. Онъ дѣйствуетъ подъ первымъ впечатлѣніемъ. Не успѣлъ я слова сказать, онъ уже бросился впередъ, выхватилъ эту собаченку изъ видимаго міра и со всѣхъ ногъ понесся съ нею на Фолькстонскую скалу. Это было такъ необычайно. Животное даже не пискнуло, не стало вырываться, не выказало ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Оно, словно, окаменѣло въ позѣ глубокаго сна, и Гиббернъ держалъ его за шею, какъ будто оно было деревянное.

— Гиббернъ!—закричалъ я.—Что вы дѣлаете?

Но тотчасъ же я перебилъ самого себя:

— Если вы не остановитесь,—крикнулъ я,—ваше платье загорится. Ваши парусиновыя брюки уже начинаютъ тлѣть.

Онъ хлопнулъ себя по бедру и въ нерѣшительности остановился.

— Гиббернъ! — воскликнулъ я, настигая его, — перестаньте. Температура слишкомъ высока. Мы бѣгаемъ слишкомъ быстро. Отъ двухъ до трехъ миль въ секунду. Подумайте: треніе воздуха.

— Что?—переспросилъ онъ, взглянувъ на собачку.

— Треніе воздуха!—заоралъ я.—Треніе воздуха. Слишкомъ быстро движемся. Какъ метеоритъ. Слишкомъ жарко. Гиббернъ, Гиббернъ! Я весь въ поту и все тѣло зудитъ. Вы видите, люди зашевелились. По моему, дѣйствіе капель кончается. Оставьте же собаку!

— А?—сказалъ онъ.

— Дѣйствіе капель проходитъ,—повторилъ я.— Мы разгорячены и дѣйствіе капель проходитъ. Я весь промокъ, весь въ поту.

Онъ поглядѣлъ на меня, потомъ на оркестръ, у котораго одышка какъ будто участилась.

Потомъ сильнымъ взмахомъ руки онъ швырнулъ собаченку прочь, и та медленно закружилась въ воздухѣ и, все еще неживая, повисла надъ сомкнувшимися зонтиками мирно бесѣдующихъ людей. Гиббернъ ухватилъ меня за локоть.

— Чортъ!—воскликнулъ онъ.—Кажется, вы правы. Страшная усталость и... о, да: вонъ у того человѣка зашевелился носовой платокъ. Вполнѣ очевидно. Намъ надо отсюда убираться—и поскорѣе.

Но, можетъ быть, къ нашему счастью, мы не могли убраться оттуда съ достаточной быстротой. Намъ пришлось бы бѣжать, а если бы мы побѣжали, то насъ охватило бы пламенемъ. Для меня нѣтъ никакихъ сомнѣній, что насъ охватило бы пламенемъ. Мы и не подумали объ этомъ,—но чуть мы только пустились бѣжать, какъ дѣйствіе капель прекратилось. Это произошло въ безконечно малую часть секунды... Дѣйствіе Новѣйшаго Ускорителя кончилось: какъ

будто опустили занавѣсъ. Я услышалъ тревожный голосъ Гибберна:—Садитесь!—и хлопнулся на траву у края дороги, и вскрикнулъ отъ обжога. И по сію пору на томъ мѣстѣ, гдѣ я присѣлъ,—осталась полоска выжженной травы.

И тутъ мнѣ показалось, что все сбросило съ себя оцѣпенѣніе: разрозненные вздохи оркестра слились и снова послышалась музыка, каждый гуляющій коснулся, наконецъ, ногою земли и пошелъ своимъ путемъ, флаги захлопали, улыбки завершились рѣчами, мигающій кончилъ подмигивать, и съ довольнымъ видомъ продолжалъ прогулку, а всѣ сидѣвшіе подъ деревьями, зашевелились и заговорили.

Вселенная ожила снова и перестала отставать отъ насъ или, вѣрнѣе, мы перестали обгонять вселенную. Мы чувствовали себя такъ, какъ будто изъ быстраго поѣзда сразу вышли на станцію. Сперва всѣ предметы закружились предъ нами и меня даже немного стошнило, какъ отъ морской болѣзни. Этимъ все кончилось. Маленькая собаченка, которая, казалось, на минуту повисла въ воздухѣ, наконецъ, упала—съ большой быстротой—прямо въ зонтикъ какой-то дамѣ.

Это и послужило къ нашему спасенію.

Только какой-то дородный старикъ, съ больными ногами, увидалъ насъ и завозился въ своемъ креслѣ и долго потомъ поглядывалъ въ нашу сторону съ величайшей подозрительностью и, наконецъ, замѣтилъ что-то по нашему адресу сопровождавшей его сидѣлкѣ. Больше, кажется, ни одна душа не видала, какъ внезапно мы здѣсь появились. Скоро мы перестали дымиться, хотя трава подо мною все еще жгла.

Всеобщее вниманіе было отвлечено въ другую сторону. И даже общественный оркестръ такъ засмотрѣлся, что впервые, за все свое существованіе, сбился съ такта и сталъ фальшивить. Всѣхъ изумило, что какой-то откормленный песъ, мирно дремавшій у восточной стѣны павильона, вдругъ былъ переброшенъ неизвѣстной силой на западъ и полетѣлъ прямо

на зонтикъ какой-то дамѣ; у этого пса отъ необычайной быстроты полета шерсть оказалась слегка опаленной.

Всѣ вскочили, одни налетѣли на другихъ, опрокинули вверхъ ногами скамейки, прибѣжалъ городовой.

Не знаю, чѣмъ кончилось: мы слишкомъ были озабочены, какъ бы самимъ выпутаться изъ этого дѣла и вдобавокъ всячески старались убраться поскорѣе отъ больного старика: чего добраго, еще пристанетъ съ разспросами.

И чуть мы немного остыли, и шумъ въ головѣ прошелъ,— мы встали и, обойдя толпу, вернулись на прежнюю дорогу, чтобы выйти къ дому Гибберна.

За скамьями и креслами на этой лужайкѣ наблюдаютъ какіе-то служителя. На фуражкѣ у каждаго значится: «надзиратель». И я издали совершенно ясно слышалъ, при всей суматохѣ, какъ господинъ, сидѣвшій рядомъ съ той дамой, у которой пострадалъ отъ собачки зонтикъ, распекалъ такого «надзирателя», и, осыпая его назаслуженными ругательствами, громко вопрошалъ:

— Если собаку швырнули не вы, то кто же тогда, спрашивается?

Движеніе и звукъ вернулись къ намъ такъ внезапно, что я даже упустилъ сдѣлать свои наблюденія, со всею точностью и обстоятельностью, какія такъ желательны въ этихъ случаяхъ. Кромѣ того, надо было позаботиться и о себѣ: наше платье все еще жгло насъ порядкомъ, а бѣлыя брюки Гибберна спереди были совсѣмъ опалены и стали бураго цвѣта.

Такъ что на обратномъ пути мнѣ было не до научныхъ наблюденій. Пчелы, конечно, я уже не нашелъ. Я думалъ найти того велосипедиста, но, когда мы вышли на Сендгэтскую Дорогу, онъ уже скрылся изъ виду, а можетъ быть, и омнибусъ заслонилъ его отъ насъ. Самый же омнибусъ трясся тутъ передъ нами, невдалекѣ отъ ближайшей церкви, и теперь всѣ пассажиры ожили и двигались, какъ всегда.

Только одно удалось намъ замѣтить: подоконникъ, куда мы становились ногами, прыгая изъ окна, былъ слегка прожженъ въ тѣхъ мѣстахъ; а на тропинкѣ отъ нашихъ ногъ остались необычайно глубокіе слѣды.

Такъ Новѣйшій Ускоритель былъ впервые испробованъ мною. Въ сущности говоря, мы пробѣжали все это пространство, и столько наговорили и столько сдѣлали въ теченіе одной секунды. Мы прожили полчаса, за то время, что оркестръ взялъ двѣ ноты. Но у насъ было такое впечатлѣніе, будто весь міръ пріостановился на время, чтобы намъ было удобнѣе сдѣлать ему смотръ. Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла и, главнымъ образомъ, ту стремительность, съ которой мы вели себя за предѣлами дома, нужно признать, что все могло окончиться для насъ значительно хуже, и Гибберну предстоитъ еще многое исправить въ своемъ Ускорителѣ; только тогда этотъ препаратъ станетъ пригоднымъ для всеобщаго употребленія; но въ дѣйствіи его уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

Послѣ перваго смѣлаго опыта Гиббернъ устремилъ все вниманіе на то, чтобы урегулировать силу этихъ капель, и мнѣ приходилось не разъ принимать различныя дозы подъ его наблюденіемъ. Онъ давалъ мнѣ ихъ, мѣняя пропорціи, безъ малѣйшихъ дурныхъ результатовъ. Но долженъ сознаться, что, принявъ его капель, я уже не рѣшался выходить на улицу.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что и весь этотъ разсказъ написанъ мною подъ дѣйствіемъ снадобья профессора Гибберна; онъ написанъ весь въ одинъ присѣстъ, безъ перерыва: я отрывался только для нѣсколькихъ глотковъ шоколада. Началъ я его писать въ 6 часовъ 25 минутъ, а теперь, по моимъ часамъ, на одну минуту больше половины седьмого. Никакими словами нельзя достаточно выразить, какъ удобно это средство, чтобы исполнить длинную и трудную работу, даже если у тебя совсѣмъ нѣтъ досуга.

Гибсернъ занятъ теперь изысканіемъ количественной зависимости между той или иной дозой его «Ускорителя» и тѣмъ или инымъ организмомъ. Въ противовѣсъ этому составу онъ надѣется изобрѣсти соотвѣтствующій «Замедлитель», чтобы, по желанію, ослаблять его чрезмѣрное дѣйствіе.

Этотъ «Замедлитель» будетъ обладать свойствами, прямо противоположными свойствамъ «Ускорителя»; если паціентъ приметъ его отдѣльно отъ того препарата, то у него явится возможность растянуть нѣсколько секундъ своего времени и обнять ими цѣлый рядъ часовъ и, такимъ образомъ, окоченѣть въ бездѣйствіи и въ апатіи, застыть на подобіе ледника, посреди самой бурной и разжигающей обстановки.

Оба препарата вмѣстѣ должны произвести революцію въ культурной жизни человѣчества. Здѣсь начало того освобожденія отъ Оковъ Времени, о которыхъ писалъ Карлейль. Если «Ускоритель» поможетъ намъ сосредоточиваться со страшной силой на какомъ-нибудь моментѣ нашей жизни, требующемъ наивысшаго подъема энергіи, то «Замедлитель» обезпечитъ намъ полное спокойствіе въ самыхъ мучительныхъ, тягучихъ и скучныхъ обстоятельствахъ.

Можетъ быть, я слишкомъ преувеличиваю значеніе «Замедлителя», который, пока что, еще не изобрѣтенъ, но въ отношеніи «*Ускорителя*» не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Онъ поступитъ въ продажу въ одинъ изъ ближайшихъ мѣсяцевъ, какъ только удастся придать ему такую форму, чтобы публикѣ удобнѣе было съ нимъ обращаться.

Его можно будетъ достать въ любой аптекѣ и въ любомъ аптекарскомъ магазинѣ, онъ будетъ продаваться въ маленькихъ зеленыхъ бутылочкахъ, по довольно высокой цѣнѣ, но цѣна эта не покажется чрезмѣрной, если принять во вниманіе его высокія качества. «Нервный Ускоритель д-ра Гибберна»— такъ онъ будетъ называться, и Гибсернъ питаетъ надежду, что у него будетъ возможность выпустить его на рынокъ

сразу въ трехъ различныхъ видахъ: въ 200 градусовъ, въ 900 и въ 2.000, что и будетъ обозначено соотвѣтственными ярлычками: оранжевымъ, розовымъ и бѣлымъ.

Когда этотъ «Ускоритель» станетъ доступенъ большой публикѣ, то, конечно, могутъ возникнуть разныя нежелательныя послѣдствія. Можетъ быть, онъ облегчитъ даже преступленія и при его содѣйствіи преступнику легко будетъ укрыться въ какую-нибудь дыру времени. Какъ и всякое сильнодѣйствующее средство, «Ускоритель» можетъ быть употребленъ во зло. Но мы съ Гибберномъ обсудили этотъ вопросъ всесторонне и пришли къ выводу, что это дѣло судебной медицины и къ намъ никакого касательства не имѣетъ.

Наше дѣло—изготовлять и продавать «Ускоритель», а что изъ этого выйдетъ, мы посмотримъ.

ЧТО ПРОИЗОШЛО СЪ ПОКОЙНЫМЪ МИСТЕРОМЪ ЭЛВЗЕМОМЪ.

(Переводъ К. Чуковскаго).

Я излагаю здѣсь эту исторію, отнюдь не надѣясь, что ей повѣритъ хоть одинъ человѣкъ. Моя цѣль, если возможно, предупредить дальнѣйшія жертвы. Можетъ быть, мое несчастіе п служитъ на пользу другимъ. Что же касается меня, то я знаю: дѣло мое безнадежно, и я уже принялъ мѣры, чтобы съ честью встрѣтить свою судьбу.

Меня зовутъ: Эдуардъ Джорджъ Иденъ. Я родился у Трептэма, въ Стаффордширѣ, гдѣ мой отецъ служилъ въ садовникахъ. Трехъ лѣтъ отъ роду я лишился матери, и мнѣ было пять, когда умеръ мой отецъ. Тогда дядя, Джорджъ Иденъ, усыновилъ меня. Онъ былъ холостякъ, самоучка, и былъ хорошо извѣстенъ въ Бирмингамѣ, какъ смѣлый и предпріимчивый журналистъ. Ему я обязанъ своимъ воспитаніемъ. Онъ сумѣлъ возбудить и укрѣпить во мнѣ самолюбивыя мечты о жизненныхъ побѣдахъ и, умирая,—это случилось четыре года назадъ,—оставилъ мнѣ все свое состояніе, что, послѣ всѣхъ расходовъ, составило около пятисотъ фунтовъ стерлинговъ. Тогда мнѣ было восемнадцать лѣтъ.

Въ своемъ завѣщаніи онъ совѣтовалъ мнѣ употребить эти деньги на дальнѣйшее образованіе. Я уже избралъ себѣ профессію—медицину, и благодаря его посмертной щедрости

и моей удачѣ на пріемныхъ экзаменахъ, сдѣлался студентомъ медицины въ Лондонскомъ Университетскомъ Колледжѣ. Въ ту пору, когда начинается мой разсказъ, я квартировалъ въ № 11а по Университетской улицѣ, въ маленькой комнаткѣ, на самомъ верху, очень бѣдно обставленной и выходящей во дворъ. Въ комнатѣ этой я занимался, тамъ же и спалъ, такъ какъ приходилось урѣзывать расходы до послѣдняго шиллинга.

Я несъ въ починку сапоги, къ сапожнику на Тотнэмъ-Кортъ-Родъ, когда произошла моя первая встрѣча съ тѣмъ маленькимъ желтолицымъ старичкомъ, съ которымъ такъ неразрывно связалась теперь моя жизнь. Онъ стоялъ у края панели, подлѣ самыхъ дверей, съ неувѣренностью глядя на номеръ нашего дома. И когда я показался въ дверяхъ, его глаза—мутные, безцвѣтные, съ красноватыми вѣками,—встрѣтились съ моей физіономіей и тотчасъ же всѣми морщинами своего лица онъ выразилъ привѣтъ и удовольствіе.

— Вы какъ разъ во-время!—воскликнулъ онъ.—Я совсѣмъ позабылъ номеръ вашего дома. Какъ ваше здоровье, милый мистеръ Иденъ?

Меня удивила немного такая фамильярность, потому что до той поры я ни разу съ нимъ не встрѣчался. Также и раздраженъ я былъ отчасти, что меня застали съ сапогами подъ мышкой. Онъ, видимо, замѣтилъ это и сказалъ:

— Вы навѣрно думаете: что за чортъ? не правда ли? Доброжелатель, позвольте васъ увѣрить. Другъ! Видалъ васъ и раньше, хоть вы меня и не примѣчали. Могу ли я съ вами гдѣ-нибудь побесѣдовать?

Я всталъ втупикъ. Въ убогую мою комнату наверху незачѣмъ совать носъ каждому встрѣчному.

— Не лучше ли будетъ,—сказалъ я,—если мы пройдемся по улицѣ. Къ сожалѣнію, я очень занятъ.

Мой жестъ выразилъ эту мысль раньше всякихъ словъ

— Превосходно!—сказалъ онъ и оглянулся.—Въ какую же

сторону намъ итти? Послушайте,—прибавилъ онъ внезапно,—вѣдь мнѣ нужно съ вами кой о чемъ потолковать. Пойдемъ и позавтракаемъ вмѣстѣ, мистеръ Иденъ. Я уже старикъ, очень старый, изъясняться мнѣ затруднительно, голосъ у меня хилый, а на улицѣ шумно...

Онъ положилъ мнѣ на плечо костлявую, слегка дрожащую руку.

Я былъ очень молодъ, и старикъ имѣлъ право угостить меня завтракомъ. Но все же мнѣ не совсѣмъ польстило это внезапное приглашеніе. Не лучше ли, я...—началъ я.—Нѣтъ, не лучше ли, я?—сказалъ онъ, хватая меня за руку,—и моимъ сѣдымъ волосамъ, не правда ли, подобаетъ хоть немного уваженія?—Итакъ, я согласился, и отправился вмѣстѣ съ нимъ.

Онъ повелъ меня въ ресторанъ Блавицкаго; я долженъ былъ замедлить шаги, чтобы приспособиться къ его старческой походкѣ, и за завтракомъ, какого я, конечно, никогда до тѣхъ поръ не ѣлъ, онъ умѣло увильнулъ ото всѣхъ моихъ разспросовъ, и мнѣ осталось получше разсмотрѣть его физіономію.

Она была чисто-выбрита, вся изсохшая, въ морщинахъ. Сморщенныя губы, отвисая, обнаруживали вставную челюсть. Бѣлые волосы были жидки и длинны. Онъ казался мнѣ невысокимъ, хотя въ ту пору большинство людей казались мнѣ невысокими. Его плечи были согнуты и покаты. И разсматривая его, я не могъ не замѣтить, что и онъ исподтишка наблюдаетъ меня, и его глаза, даже съ какою-то жадностью, бѣгаютъ по мнѣ, отъ широкихъ плечъ къ загорѣлымъ рукамъ и снова къ моему веснущатому лицу.—А теперь,—сказалъ онъ, когда мы закурили,—позвольте приступить къ дѣлу.

— Я долженъ повторить вамъ, что я очень и очень старъ.—Съ минуту онъ помолчалъ.—И у меня есть деньги, и эти деньги я долженъ оставить, а оставить ихъ некому.—Мнѣ вспомнилось множество воровскихъ продѣлокъ на этой

почвѣ, и я рѣшилъ ни за что не проговариваться о своихъ фунтахъ стерлинговъ. Онъ же продолжалъ распространяться о своемъ одиночествѣ, упомянулъ о тѣхъ тревогахъ, которыя онъ испыталъ, не зная, будто бы, куда помѣстить свои деньги.—Я пробовалъ одно, я пробовалъ другое: школьныя стипендіи, библіотеки, благотворительныя общества, богадѣльни, и пришелъ къ тому заключенію,—онъ впился глазами въ мое лицо,—что лучше всего разыскать какого-нибудь юношу, съ благородными порывами, честолюбиваго, и бѣднаго, здороваго тѣломъ и душою, и сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, отдать ему все, что у меня имѣется.—Онъ повторилъ:—отдать ему все, что у меня имѣется. И, такимъ образомъ, разъ навсегда избавить его отъ всѣхъ волненій и тревогъ и дать ему возможность сразу примѣнить свои силы къ тому, что ему болѣе всего по душѣ, и доставить ему и свободу и власть.

Я старался казаться безучастнымъ. Съ явнымъ лицемѣріемъ я сказалъ:

— И вамъ нужна моя помощь, моя медицинская помощь, чтобы найти подходящее лицо?

Онъ улыбнулся и такъ поглядѣлъ на меня изъ-за своей папиросы, что мнѣ стало смѣшно; съ такимъ спокойствіемъ онъ принялъ мою притворную скромность.

— Какая карьера у этого человѣка!—воскликнулъ онъ.—Мнѣ даже завидно подумать, что я скопилъ и устроилъ все, чтобы этимъ воспользовался другой... Но, конечно, не все же права,—у него будутъ и обязанности. Онъ, напримѣръ, обязуется носить мое имя. Вѣдь нельзя же не взять вознагражденія за свою щедрость. И, кромѣ того, я долженъ быть досконально освѣдомленъ во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни и только потомъ я усыновлю его. Необходимо, чтобы онъ былъ крѣпкаго здоровья. Я долженъ быть посвященъ въ его наслѣдственность, въ то, какъ скончались его

дѣды и отцы и строжайшимъ образомъ изслѣдовать его личное поведеніе...

Это нѣсколько умѣрило мое тайное ликованіе.—И если я правильно васъ понимаю,—сказалъ я,—я...

— Да,—подхватилъ онъ, почти изступленно.—Вы, вы, именно вы.

Я не отвѣтилъ ни слова. Мое воображеніе закружилось въ какомъ-то дикомъ вихрѣ, и даже мой внутренній скептицизмъ не могъ его умѣрить. Ни капли благодарности не чувствовалъ я, и никакъ не могъ придумать, что мнѣ высказать въ этомъ смыслѣ.

— Но почему же именно я?—промолвилъ я, наконецъ.

Онъ, оказывается, уже слыхалъ обо мнѣ отъ профессора Газлара, какъ о здоровомъ и нормальномъ молодомъ человѣкѣ, а онъ желалъ оставить свое состояніе именно такому лицу.

Такова была моя первая встрѣча съ этимъ низенькимъ старичкомъ. Онъ держалъ себя очень скрытно: не сообщалъ своего имени, и когда я хотѣлъ задать ему нѣсколько вопросовъ, поспѣшилъ разстаться со мной у дверей ресторана. Я замѣтилъ, что, расплачиваясь съ лакеемъ за нашъ завтракъ, онъ вытащилъ изъ кармана пригоршню золотыхъ монетъ.

Любопытна была его забота о тѣлесномъ здоровьѣ наслѣдника. Согласно состоявшемуся между нами условію, я въ тотъ же день обратился въ Общество страхованія жизни и тамъ мнѣ выдали страховой полисъ на большую сумму и всю послѣдующую недѣлю меня до истощенія тормошили изслѣдованіями тамошнихъ медиковъ. Но и это не удовлетворило его, и онъ настоялъ на томъ, чтобы меня переосвидѣтельствовалъ самъ докторъ Гендерсонъ.

Только въ пятницу на Ѳоминой недѣлѣ пришелъ онъ къ окончательному рѣшенію. Онъ вызвалъ меня поздно вечеромъ—около девяти часовъ,—оторвавъ отъ химическихъ

формулъ, надъ которыми я корпѣлъ, подготовляясь къ предварительнымъ экзаменамъ. Онъ стоялъ въ корридорѣ подъ еле-мерцавшимъ газовымъ рожкомъ, и его лицо было освѣщено причудливымъ свѣтомъ. Онъ, казалось, согнулся еще больше прежняго, и щеки его какъ будто еще болѣе впали.

Отъ волненія голосъ его дрожалъ.—Все, какъ слѣдуетъ, мистеръ Иденъ,—сказалъ онъ.—Все, какъ слѣдуетъ, рѣшительно все. И въ этотъ знаменательный вечеръ, неправда ли, нужно вспрыснуть ваше... повышеніе... Здѣсь его прервалъ кашель. Вамъ недолго осталось ждать,—сказалъ онъ, утирая губы платкомъ и впиваясь въ мою руку своими длинными и костлявыми пальцами.—Нѣтъ, вамъ очень недолго ждать.

Мы вышли на улицу и кликнули кэбъ. Я живо помню каждую мелочь этой поѣздки, быстрое легкое движеніе, живую смѣну газовыхъ, керосиновыхъ и электрическихъ огней, уличныя толпы, то мѣсто на Риджентъ-Стритѣ, къ которому мы подъѣхали, и тотъ великолѣпный обѣдъ, который мы заказали тамъ. Сперва меня смущало поглядыванье хорошо одѣтаго лакея на мой убогій костюмъ, но скоро шампанское разгорячило мою кровь, и моя довѣрчивость вернулась ко мнѣ. Сначала старикъ говорилъ о себѣ. Въ кэбѣ онъ, наконецъ, открылъ свое имя; онъ оказался Эгбертомъ Элвземомъ, великимъ философомъ, котораго имя мнѣ было извѣстно, когда я былъ еще школьникомъ. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы такой человѣкъ, такой высокій умъ, уже съ дѣтства властвовавшій надъ моимъ умомъ, чтобы это великое абстрактное представленіе реализовалось въ видѣ такой дряхлой, совсѣмъ обыкновенной фигурки. Я увѣренъ, что всякій юноша, неожиданно очутившійся въ кругу знаменитостей, непремѣнно почувствуетъ нѣчто вродѣ моего разочарованія.

Потомъ онъ заговорилъ о будущемъ, которое изсякающій потокъ его жизни оставитъ для меня въ полной непри-

косновенности: дома, издательскія права, денежные вклады; я никогда не предполагалъ, чтобы философы были такъ богаты. Съ завистью слѣдилъ онъ, какъ я уничтожалъ яства и напитки.—Какъ много въ васъ жизненныхъ силъ,—сказалъ онъ; а потомъ со вздохомъ—вздохомъ облегченія, какъ мнѣ показалось, прибавилъ:—Но теперь это уже не надолго.

— Да,—молвилъ я, а голова у меня такъ и плыла куда-то отъ шампанскаго,—можетъ быть, у меня и есть будущее—даже, благодаря вамъ, очень пріятное будущее. И теперь у меня будетъ высокая честь носить ваше имя. Но у васъ есть прошлое. Такое прошлое—оно стоитъ всего моего будущаго.

Онъ покачалъ головой и ухмыльнулся, какъ мнѣ показалось, съ полупечальнымъ признаніемъ моей восторженной лести.—Это будущее, неужели вы и вправду захотѣли бы обмѣняться со мной?—Тутъ вошелъ лакей съ бутылками.—Конечно, вы бы не отказались отъ моего имени, отъ моего положенія, но неужели вы—по доброй волѣ—взяли бы себѣ и мои лѣта.

— Вмѣстѣ съ вашими дѣлами,—отвѣтилъ я любезно.

Онъ ухмыльнулся опять.—Два кюммеля!.. — сказалъ онъ лакею и обратилъ свое вниманіе на маленькій свертокъ, который извлекъ изъ кармана.—Этотъ часъ,—сказалъ онъ,—этотъ послѣобѣденный часъ есть часъ разныхъ маленькихъ удовольствій. Вотъ мое еще неопубликованное открытіе.—Онъ развернулъ свертокъ дрожащими желтыми пальцами и тамъ оказалась щепотка розоватаго порошка.—Это... но нѣтъ, вы сами сейчасъ увидите, что это такое. Но Кюммель—если всыпать туда вотъ этого, становится Himmel, а не Кюммель.

Его большіе сѣрые глаза впились въ мои съ непередаваемымъ выраженіемъ.

Меня немного шокировало, что великій учитель удѣляетъ столько вниманія напиткамъ. Но я сдѣлалъ видъ, будто меня очень интересуетъ эта его слабая струнка, и я былъ вмѣру пьянъ для такого лицемѣрія.

Онъ раздѣлилъ порошки поровну между двумя стакан-

чиками и, вдругъ приподнявшись, съ неожиданной величавостью протянулъ ко мнѣ руку. Я сдѣлалъ то же самое и стаканы звякнули.—За быстрое превращеніе!—сказалъ онъ, поднося къ губамъ стаканъ.

— Не такъ!—перебилъ я,—совсѣмъ не такъ! За долгую жизнь! Пью за долгую жизнь.

Онъ помолчалъ немного.—За долгую жизнь!—подхватилъ онъ, и внезапно засмѣялся, и пристально глядя другъ другу въ глаза, мы потягивали изъ стакановъ. Его глаза впивались въ мои, и по мѣрѣ того, какъ я пилъ, я чувствовалъ что-то въ высшей степени странное. Мой мозгъ завертѣлся въ яростномъ вихрѣ; казалось, я физически чувствую его вращеніе въ моемъ черепѣ: кипящіе и шипящіе звуки переполнили мнѣ слухъ. Я не замѣчалъ вкуса; я не ощущалъ аромата, — я только чувствовалъ напряженность его глазъ, которые вжигались въ мои. Это питье, эта душевная смута, шумъ и кипѣніе у меня въ головѣ, все это, казалось, длится безъ конца. Странныя смутныя тѣни полузабытыхъ вещей мелькали и исчезали за гранью сознанія.

Но вотъ онъ прервалъ эти чары и со вздохомъ отставилъ стаканъ.

— Ну?—спросилъ онъ.

— Великолѣпно,—отвѣтилъ я, хоть и не ощущалъ никакого вкуса.

Голова у меня шумѣла. Я не могъ держаться на ногахъ. Мой мозгъ былъ хаосомъ. Но постепенно все прояснялось и становилось отчетливѣе, какъ будто я глядѣлъ на предметы въ вогнутое зеркало. Онъ же внезапно сталъ страшно торопиться и занервничалъ чрезвычайно. Вынулъ часы и съ гримасой взглянулъ на нихъ.—Безъ одиннадцати семь. А я долженъ... въ семь двадцать пять... поспѣть на станцію Ватерлоо. Мнѣ надо бѣжать.—Онъ потребовалъ счетъ и засуетился съ пальто. Еще минута, и я желалъ ему доброй ночи черезъ фартукъ кэба, и меня все еще не покидало это странное

чувство чрезвычайной отчетливости, какъ будто я не только глядѣлъ, но—какъ бы это сказать?—даже ощущалъ все окружающее въ перевернутый бинокль.

— Это питье!—сказалъ онъ, приложивъ палецъ ко лбу.— Мнѣ не слѣдовало давать его вамъ. Завтра у васъ порядкомъ будетъ ныть голова. Но погодите. Вотъ!—онъ далъ мнѣ маленькую плоскую коробочку, вродѣ содовыхъ порошковъ,— какъ итти ко сну, примите это въ водѣ. Но замѣтьте: передъ самымъ сномъ, не раньше. Это облегчитъ головную боль. А теперь еще разъ: прощайте, наслѣдникъ.

Въ головѣ у меня шумѣло, когда я пошелъ къ дому по Риджентъ-Стриту, мимо ночныхъ гулякъ, и по темнымъ закоулкамъ, что за Портлэндъ-Родомъ. Я очень живо помню впечатлѣнія этого страннаго пути. Теперь трудно описать особенность моего тогдашняго умственнаго состоянія; и слова «умственная раздвоенность»—только слабо намѣчаютъ его. Вотъ я иду по Риджентъ-Стриту, и въ то же время меня не покидаетъ причудливое чувство, будто я подъѣзжаю къ вокзалу Ватерлоо; я прохожу мимо Политехникума съ такимъ ощущеніемъ, будто сажусь въ вагонъ. Подношу къ глазамъ пальцы, смотрю сквозь нихъ—снова Риджентъ-Стритъ. Какъ бы выразить это? Бываютъ хорошіе актеры: онъ спокойно глядитъ на васъ, а потомъ сдѣлаетъ гримасу и вотъ!—другой, совсѣмъ иной человѣкъ. Такую же гримасу сдѣлала мнѣ улица Риджентъ-Стритъ,— неправда ли дико то, что я говорю сейчасъ. Потомъ она снова стала той же улицей—и тогда меня охватили какія-то фантастическія, невозможныя воспоминанія.

«Тридцать лѣтъ тому назадъ,—подумалось мнѣ,—здѣсь я повздорилъ съ покойнымъ братомъ».

Потомъ я громко расхохотался къ удивленію и удовольствію кучки ночныхъ бродягъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ меня не было на свѣтѣ, и никогда въ жизни не было у меня братьевъ. Какимъ-то расплавленнымъ безуміемъ былъ тотъ

напитокъ, ибо вотъ опять меня ущемила жалость о моемъ утраченномъ братѣ. На Портлэндъ-Родѣ мои фантазіи приняли другое направленіе. Я сталъ вспоминать исчезнувшія лавки и сравнивать нынѣшній видъ улицы съ прошедшимъ. Послѣ выпивки тревожныя, дикія мысли вполнѣ понятны, но что смущало меня—это ясныя и отчетливыя воспоминанія, которыя совершенно фантастическимъ образомъ вдругъ охватывали меня, и другія воспоминанія, явственно уплывавшія у меня изъ головы. Я остановился, напримѣръ, передъ Стивенсомъ, продавцомъ препаратовъ по естествознанію, и мучительно раздумывалъ, какое онъ имѣетъ ко мнѣ отношеніе? Запоздалый омнибусъ протащился мимо и прошумѣлъ совершенно, какъ поѣздъ. Чтобы припомнить, я какъ будто погрузился въ какой-то далекій темный колодезь и, наконецъ, воскликнулъ:—о, конечно! Стивенсъ обѣщалъ мнѣ къ завтраму трехъ хорошихъ лягушекъ. Странно, что я забылъ!

Я миновалъ Юстонъ-Родъ и вышелъ на Тотнэмъ-Кортъ-Родъ, въ совершенномъ замѣшательствѣ и даже немного испуганный, и едва ли даже замѣчалъ, что иду необычной дорогой, ибо обыкновенно я пересѣкалъ наискось всю эту сѣть переплетающихся улицъ. Я повернулъ въ Университетскую улицу, и тутъ обнаружилъ, что позабылъ номеръ своего дома. Только сильнымъ напряженіемъ памяти вызвалъ я въ умѣ № 11а и даже тогда мнѣ почудилось, что кто-то давно позабытый сообщилъ мнѣ его.

— Нѣтъ,—молвилъ я,—это никуда не годится.—Надо сейчасъ же принять другіе порошки.

Въ прихожей я долго отыскивалъ спички и свѣчку совсѣмъ не тамъ, гдѣ всегда, и долго соображалъ, какъ мнѣ пройти въ мою комнату. Пьянъ,—подумалъ я,—несомнѣнно пьянъ,—и безо всякой надобности сталъ спотыкаться на лѣстницѣ, чтобы успокоить себя на этотъ счетъ.

Съ перваго взгляда моя комната показалась мнѣ не моей, но усиліемъ воли я преодолѣлъ самого себя, и чувство фан-

тастической новизны смѣнилось привычнымъ и знакомымъ. Вотъ мое старое зеркало, съ моими замѣтками о бѣлковинѣ, заложенными за раму; вотъ мое старое платье, которое я ношу по буднямъ, второпяхъ брошенное на-полъ. Но все же это не совсѣмъ реально. Я чувствовалъ, какъ какое-то дурацкое убѣжденіе пытается вселиться въ меня, будто я сейчасъ въ поѣздѣ, и вотъ поѣздъ остановился, и я гляжу изъ окна на какую-то неизвѣстную станцію. Я крѣпко ухватился за спинку кровати, чтобы прогнать эти чары. Я сказалъ: «это ясновидѣніе; надо будетъ написать въ Общество Психическихъ Изысканій».

Я сѣлъ на кровать, чтобы снять ботинки. И было похоже на то, будто картина всѣхъ нынѣшнихъ моихъ переживаній была нарисована поверхъ другой картины и та, другая картина, пытается проглянуть изъ-подъ спуда. «Чортъ возьми»,— сказалъ я,—«это я схожу съ ума, или я и въ самомъ дѣлѣ сразу въ двухъ мѣстахъ?» Полураздѣвшись я развелъ порошки въ стаканѣ. Они зашипѣли, заискрились и стали янтарнаго цвѣта. Я принялъ ихъ, и тотчасъ же мнѣ стало лучше. Я ощутилъ у щеки подушку и мгновенно заснулъ.

Проснулся я сразу; мнѣ приснились какіе-то чудовищные звѣри; оказалось, я спалъ на спинѣ. Всякій, должно быть, знаетъ этотъ страшный тревожащій сонъ, отъ котораго устаешь и въ концѣ концовъ просыпаешься, но съ непонятной истомой. У меня во рту былъ странный вкусъ, во всемъ тѣлѣ я ощущалъ неловкость и усталость, особенно на поверхности кожи. Голова моя лежала на подушкѣ не шевелясь, и я ждалъ, что это ощущеніе какой-то необычности и ужаса пройдетъ само собою, и что я снова засну. Но вмѣсто этого мои ощущенія обострились. Сперва я не замѣчалъ ничего особеннаго. Въ комнатѣ былъ слабый свѣтъ, настолько слабый, что его можно бы назвать тьмою, и мебель выступала мутными пятнами изъ совершенной темноты. Глаза мои, уставившись въ одну точку смотрѣли поверхъ одѣяла.

Какая-то увѣренность, что что-то не такъ, овладѣла мною. Я сдѣлалъ усиліе, приподнялъ голову и сталъ вглядываться въ потемки. Что произошло, я не могъ понять. Я смотрѣлъ на туманныя очертанія окружающаго, на большее или меньшее сгущеніе темноты, указывающее занавѣсы, столъ, каминъ, полки съ книгами и т. д. И вдругъ я сталъ замѣчать что-то непривычное въ этихъ свѣтлыхъ и темныхъ пятнахъ. Ужъ не переставлена ли моя кровать. Вонъ тамъ должны быть полки, но что-то завернутое, словно въ саванъ, и бѣлѣющее встало тамъ, что-то такое, что, какъ ни гляди, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ книжнымъ полкамъ. И оно слишкомъ велико и не можетъ оказаться сорочкой, наброшенной на стулъ.

Побѣждая ребяческій страхъ, я отбросилъ одѣяло и спустилъ съ постели ногу. Но я не досталъ ногою до пола, какъ это всегда бывало, а едва только дотянулся до конца матраца. Я подвинулся еще и сѣлъ на краю. Тутъ недалеко должны быть спички и свѣчка на сломанномъ стулѣ. Я протянулъ руку и сталъ шарить—ничего! Я провелъ рукою въ воздухѣ, и она наткнулась на что-то тяжелое, на какую-то мягкую и плотную ткань, которая при моемъ прикосновеніи зашуршала. Я ухватилъ ее и потянулъ къ себѣ; это оказалась занавѣсь балдахина надъ моей кроватью.

Теперь я окончательно проснулся и сталъ понимать, что я въ чужой квартирѣ. Это смутило меня совсѣмъ. Мутное, блѣдное видѣніе становилось все блѣднѣе и оказалось окошкомъ, на фонѣ котораго выдѣлился темный овалъ зеркала при слабомъ мерцаніи разсвѣта, просочившагося черезъ штору. Я всталъ на ноги и былъ пораженъ странной слабостью и неустойчивостью своего тѣла. Протянувъ впередъ дрожащія руки, я медленно направился къ окну и все же ушибъ себѣ колѣнку о какой-то непредвидѣнный стулъ.

Чтобы достать шнурокъ отъ шторы, я провелъ рукою за зеркаломъ, которое было значительныхъ размѣровъ, съ

бронзовыми изящными канделябрами; я не нашелъ шнурка, но случайно ухватился за шелковую кисточку и, съ трескомъ пружины, штора взлетѣла вверхъ.

Видъ изъ окна показался мнѣ совершенно незнакомымъ. Ночь окончилась, и сквозь клочковатый туманъ столпившихся тучъ процѣживался слабый полусвѣтъ зари. У самаго края небесъ эта облачная завѣса была украшена багряной каймою. Внизу все было смутно и неразличимо: какіе-то темные холмы въ отдаленіи; груда строеній, устремленныхъ вверхъ къ какимъ-то башнямъ; деревья, какъ пятна пролитыхъ чернилъ, а подъ самымъ окномъ вязь чернѣющихся кустовъ и сѣрѣющихъ блѣдныхъ тропинокъ. Все это было такъ незнакомо, что на минуту я подумалъ, будто все это еще во снѣ. Я нащупалъ туалетный столикъ; онъ, казалось, былъ сдѣланъ изъ какого-то полированнаго дерева и былъ превосходно убранъ—были маленькія граненныя склянки и какая то щетка, и еще тамъ былъ странный маленькій предметъ вродѣ лошадиной подковы, съ упругими гладкими развѣтвленіями, лежавшій на блюдцѣ.

Ни спичекъ, ни свѣчки я такъ и не сыскалъ.

И снова я оглядѣлъ эту комнату, теперь, при поднятой шторѣ, блѣдныя тѣни ея мебели выступили изъ темноты. Обнаружилась большая занавѣшенная кровать, и у подножья камина бѣлая доска, на которой мерцало что-то мраморное.

Я облокотился о туалетный столикъ, закрылъ глаза и снова открылъ ихъ, и попробовалъ сосредоточиться. Все было слишкомъ осязательно и не могло оказаться сномъ. Я склоненъ былъ думать, что у меня въ памяти просто оказался пробѣлъ, послѣ того страннаго напитка; что я, можетъ быть, уже получилъ наслѣдство, и что у меня все вышло изъ ума, чуть только я разбогатѣлъ. И что стоитъ мнѣ еще немного сосредоточиться, и все для меня уяснится. Но ужинъ со старикомъ Элвземомъ особенно свѣжо сохранился въ моей памяти. Шампанское, внимательные лакеи, порошки и вина,

—я могъ бы поклясться чѣмъ угодно, что все это было лишь немного часовъ назадъ.

И тутъ случилось нѣчто до того обыкновенное и все же до того страшное, что я и сейчасъ дрожу, вспоминая объ этой минутѣ. Я заговорилъ вслухъ. Я сказалъ:

— «Какъ же, чортъ возьми, я попалъ сюда?»

...И это былъ не мой голосъ.

Это былъ не мой голосъ, это былъ тонкій голосъ съ нечистыми звуками и не такой былъ резонансъ у моихъ лицевыхъ костей. Тогда, чтобы разувѣрить себя, я провелъ одной рукою по другой и ощутилъ отвисшія складки кожи, развинченность старческихъ костей. «Конечно»,—промолвилъ я этимъ страшнымъ голосомъ, который почему-то забрался въ мою глотку, —«конечно, все это только сонъ.» Въ то же самое мгновеніе, будто противъ воли я вложилъ свои пальцы въ ротъ. Мои зубы исчезли! пальцы бѣгали по дряблой поверхности съежившихся десенъ. Все у меня помутилось отъ ярости и омерзѣнія.

И тутъ я ощутилъ безумное желаніе увидѣть себя и сразу постигнуть во всемъ ужасѣ дьявольское превращеніе, которое случилось со мной. Я заковылялъ къ камину и сталъ нащупывать спички. И вдругъ какой-то лающій кашель возникъ въ моемъ горлѣ, и я запахнулся во фланелевый халатъ, который почему-то оказался на мнѣ. Никакихъ спичекъ я не нашелъ, и скоро почувствовалъ, что руки и ноги у меня леденѣютъ.

Сопя и покашливая, и даже немного охая, я поплелся обратно въ постель. «Конечно, все это сонъ,»—бормоталъ я, карабкаясь вверхъ,—«не иначе, какъ сонъ». Это было старческое повтореніе одного и того же слова. Я натянулъ одѣяло на плечи, на уши, я засунулъ изсохшія руки подъ подушку, и рѣшилъ хорошенько улечься, чтобъ скорѣе уснуть. Конечно, это былъ сонъ и поутру этотъ сонъ разсѣется, и я снова проснусь крѣпкимъ и сильнымъ и снова

вернусь къ моей юности и къ моей работѣ. Я сомкнулъ глаза и установилъ мѣрное дыханіе, но заснуть не могъ, и принялся медленно считать, возводя послѣдовательно цифры въ третью степень.

Но то, чего я добивался, не приходило. Я никакъ не могъ заснуть. И убѣжденіе въ неумолимой реальности происшедшей со мной перемѣны постепенно росло во мнѣ. Скоро я обнаружилъ, что лежу съ открытыми глазами, что всѣ цифры третьей степени забыты, и мои костлявые пальцы покоятся на сморщенныхъ деснахъ.

Наконецъ, отчаявшись въ дальнѣйшемъ снѣ, я усѣлся на кровати и внимательно оглядѣлся вокругъ. Холодный полусвѣтъ позволилъ мнѣ видѣть всю комнату. Она была обширна и хорошо убрана, лучше убрана, чѣмъ любая изъ тѣхъ, гдѣ мнѣ доводилось до той поры ночевать. Свѣча и спички неясно вырисовывались вдали на маленькой скамеечкѣ. Я сбросилъ одѣяло и вздрагивая отъ утренней сырости—хотя время было лѣтнее,—привсталъ и зажегъ свѣчу. Потомъ весь дрожа, такъ что колпачекъ надъ свѣчей дребезжалъ на своемъ стебелькѣ, я проковылялъ къ зеркалу, и увидѣлъ... *лицо Элвзема.* Я смутно ожидалъ, что увижу его, но отъ этого оно не стало привлекательнѣе. Онъ всегда казался мнѣ физически разбитымъ и жалкимъ, но теперь, въ фланелевомъ халатѣ, который распахнулся и открывалъ изборожденную жилами шею, теперь, когда его тѣло—мое,—я не могу описать, до чего оно было ужасно, покинутое, одинокое, дряхлое. Ввалившіяся щеки, разсыпавшаяся косичка грязновато-сѣрыхъ волосъ, гнойные глаза, дрожащія, сморщенныя губы, и эта нижняя губа, отвислая и открывающая розоватую внутренность рта, и эти отвратительно темнѣющія десны. Вы, у кого гармоничны и тѣло и духъ; вы, люди своихъ собственныхъ лѣтъ, какъ вамъ понять, въ какомъ дьявольскомъ плѣну оказался я?

Нѣкоторое время я былъ положительно оглушенъ слу-

чившимся. Уже былъ день, когда я настолько пришелъ въ себя, что могъ приняться за размышленія. Какимъ-то необъяснимымъ путемъ я преобразился, хотя чѣмъ, какъ не колдоствомъ, это могло быть совершено, я никакъ не умѣлъ объяснить себѣ. И покуда я соображалъ, мнѣ припомнилась сатанинская изобрѣтательность Элвзема. Мнѣ вдругъ показалось очевиднымъ, что, если я нашелъ себя въ его тѣлѣ, онъ долженъ быть теперь въ моемъ, обладая моей силой и всѣмъ моимъ будущимъ. Но какъ установить это?

Все это было такъ невѣроятно, даже для меня, что мой умъ очень скоро затуманился, и я долженъ былъ ущипнуть себя и снова нащупать свои десны, и поглядѣть на себя въ зеркало, и коснуться рукой окружающихъ вещей, чтобы встать лицомъ къ лицу съ истиной. Уже не была ли галлюцинаціей вся жизнь? Не былъ ли я и вправду Элвземомъ? А Иденъ мнѣ просто снился прошедшей ночью? Да и былъ ли на свѣтѣ какой-нибудь Иденъ? Но будь я на самомъ дѣлѣ Элвземомъ, я бы помнилъ, гдѣ я былъ наканунѣ утромъ, и названіе того города, гдѣ я жилъ, и что случилось передъ тѣмъ, какъ мнѣ приснился сонъ. Я боролся съ моими мыслями. Я припоминалъ ту проклятую двойственность, которая давеча овладѣла моей памятью. Но теперь мои мысли были ясны.

— Этакъ и съ ума не трудно сойти! воскликнулъ я своимъ пискливымъ голосомъ. Я приподнялся на ноги, поволокъ свое дряблое, отяжелѣвшее тѣло къ умывальнику и окунулъ мою сѣдую голову въ чашку холодной воды; потомъ вытерся полотенцемъ, и снова принялся за прежнія мысли. Никакихъ результатовъ! Сомнѣнія быть не могло: я былъ Иденъ, а не Элвземъ. Но Иденъ въ Элвземовомъ тѣлѣ!

Если бы я былъ человѣкомъ другого вѣка, я бы покорился своей судьбѣ, какъ неизбѣжному колдовству. Но въ наши скептическіе дни чудеса уже вышли изъ обращенія. Это не что иное, какъ какая-нибудь психологическая игра.

Что способно создать одно снадобье и одинъ упорный взглядъ, то другое снадобье и другой упорный взглядъ несомнѣнно способны разрушить. Вѣдь есть же какое-нибудь лѣкарство! Люди и раньше утрачивали память. Но обмѣняться душами, какъ зонтиками! Я расхохотался. Увы! Не здоровымъ молодымъ хохотомъ, но подлымъ свистящимъ, старческимъ хихиканьемъ. Я могъ себѣ представить, какъ смѣется надъ моимъ положеніемъ старый Элвземъ, и припадокъ буйной ярости, несвойственной мнѣ, вихремъ пронесся надо мной. Я принялся торопливо облекаться въ одежду, которую нашелъ на полу, и, только одѣвшись, увидѣлъ, что это была фрачная пара. Я открылъ платяной шкафъ и нашелъ нѣсколько не столь праздничныхъ нарядовъ, пару клѣтчатыхъ брюкъ, старомодный халатъ. Я надѣлъ солидную шляпу на свою солидную голову и, немного покашливая отъ этихъ усилій, побрелъ на площадку лѣстницы.

Было около четверти шестого; жалюзи были еще опущены, а домъ погруженъ въ молчаніе. Площадка была большая; широкая, устланная коврами лѣстница спускалась въ темноту прихожей, и чрезъ раскрытую прямо противъ меня дверь я увидѣлъ конторку, вращающуюся этажерку, спинку рабочаго кресла и безконечные ряды книгъ.

— Мой кабинетъ,—пробормоталъ я и шагнулъ впередъ. Но тутъ я кой о чемъ вспомнилъ; я вернулся обратно въ спальню и вставилъ себѣ фальшивые зубы. Они легко скользнули по деснамъ, видимо давно приспособившись къ нимъ.
— Этакъ-то лучше,—сказалъ я себѣ, звякнулъ ими, и пошелъ въ кабинетъ.

Ящики письменнаго стола были заперты. Его подвижная крышка тоже была заперта. Нигдѣ я не видѣлъ ключей; карманы моихъ брюкъ были пусты. Я направился въ спальню, и шарилъ по всѣмъ костюмамъ и перерылъ всѣ карманы, какіе только могъ отыскать. Я очень торопился и, когда кончилъ, можно было подумать, что въ комнатѣ хозяйни-

чали воры. Но не только не находилъ я ключа, даже монеты никакой не могъ найти, не нашелъ ни клочка бумажки,— только уплаченный счетъ отъ вчерашняго обѣда.

Странная усталость овладѣла мною. Я сѣлъ и уставился на платье, разбросанное по всей комнатѣ съ вывороченными карманами. Мой первоначальный пылъ угасъ. Каждую минуту я все больше постигалъ безграничную умственную силу въ замыслахъ моего врага, и все яснѣе убѣждался въ безнадежности своего положенія. Съ тяжелымъ усиліемъ я приподнялся, и бросился, ковыляя, въ кабинетъ. На лѣстницѣ увидѣлъ служанку: она поднимала жалюзи. Ее поразило, я думаю, выраженіе моего лица. Я заперся въ кабинетѣ, и взявъ кочергу, набросился на конторку. За этимъ дѣломъ и застали меня.

Крышка конторки была разбита, замокъ сломанъ, письма выхвачены изъ ящиковъ и разбросаны по полу. Въ старческой ярости я разсыпалъ перья и всякую другую мелочь, и опрокинулъ чернила. Кромѣ того большая ваза на каминѣ оказалась разбитой, не знаю, какъ. Я не могъ отыскать ни чековой книжки, ни денегъ, ни какихъ-нибудь указаній на то, какъ мнѣ воротить мое тѣло. Въ бѣшенствѣ бился я объ ящики, когда лакей и двѣ горничныя набросились на меня.

Таковъ чистосердечный разсказъ о моемъ перевоплощеніи. Никто не повѣритъ самымъ пламеннымъ моимъ увѣреніямъ. Со мной обращаются, какъ съ помѣшаннымъ и даже въ настоящую минуту я нахожусь подъ надзоромъ. Но я здоровъ, совершенно здоровъ и, чтобы доказать это, я записалъ съ величайшей точностью все, что произошло. Я обращаюсь къ читателю,—есть ли хоть какой-нибудь слѣдъ безумія въ моемъ стилѣ, или въ моей манерѣ выражаться. Я молодой человѣкъ, запертый въ тѣло старика. Но это простое и очевидное явленіе всякому кажется невозможнымъ.

Естественно, меня считаютъ помѣшаннымъ тѣ, кто не вѣритъ моему разсказу, естественно я не знаю, какъ зовутъ моихъ секретарей, не знаю докторовъ, пріѣзжающихъ съ визитами; не знаю моихъ слугъ и сосѣдей,—не знаю никого въ этомъ городѣ (каковъ бы онъ ни былъ), гдѣ я очутился. Естественно я теряюсь въ своемъ собственномъ домѣ и терплю всякаго рода неудобства. Естественно, я задаю самые странные вопросы. Естественно, я кричу, и плачу, и проявляю пароксизмы отчаянія.

У меня нѣтъ ни денегъ, ни чековой книжки. Банкъ не признаетъ моей подписи, ибо я полагаю, что, какъ ни слабы мускулы моихъ рукъ, почеркъ у меня остался отъ Идена. Тѣ же, что окружаютъ меня, не пустятъ меня лично отправиться въ банкъ. Кажется, въ этомъ городѣ даже и нѣтъ никакого банка, а счетъ у меня открытъ гдѣ-то въ Лондонѣ. Мнѣ сдается, что Элвземъ держалъ въ секретѣ отъ всѣхъ домашнихъ имя своего банкира,—и я не нахожу никакихъ справокъ.

Для меня очевидно, что Элвземъ имѣлъ глубокія познанія въ психологіи, и всѣ изложенные мною факты только подкрѣпляютъ увѣренность моихъ стражей, что мое помѣшательство есть слѣдствіе слишкомъ усердныхъ занятій психологіей. Ахъ, эти бредни о тождествѣ личности! Два дня назадъ я былъ здоровъ и молодъ, и вся моя жизнь была впереди; а теперь я буйный старикъ, растерзанный и жалкій, въ отчаяніи блуждающій по чужому роскошному дому, и меня стерегутъ, и меня боятся, и меня избѣгаютъ, какъ безумца, всѣ окружающіе. А тамъ, въ Лондонѣ, живетъ Элвземъ, снова начинающій жизнь — въ здоровомъ тѣлѣ, со всѣми накопленными знаніями и мудростью семи десятковъ лѣтъ.

Что произошло, я постигаю не совсѣмъ ясно. Въ кабинетѣ есть какія-то рукописи — цѣлые томы! — какія-то замѣтки, относящіяся, главнымъ образомъ, къ психологіи па-

мяти, а частью состоящія изъ вычисленій или изъ какихъ-то шифрованныхъ записей, совершенно мнѣ недоступныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть указанія на то, что онъ также занимался философіей математики. Я полагаю, что онъ переселилъ всѣ свои познанія, скопленіе которыхъ и составляло его личность, изъ этихъ изсохшихъ мозговъ въ мои, а мой душевный опытъ переселилъ въ это покинутое помѣщеніе. Говоря проще, онъ подмѣнилъ свое тѣло. Но какъ возможенъ такой подмѣнъ, — это лежитъ за предѣлами моего міровоззрѣнія. Я былъ матеріалистомъ во всю свою сознательную жизнь, и вотъ, неожиданно, такой очевидный примѣръ отдѣлимости человѣка отъ матеріи.

Одинъ отчаянный опытъ я все же попытаюсь продѣлать. Я сижу здѣсь и пишу, а потомъ доведу это дѣло до конца. Нынче утромъ съ помощью столоваго ножа, который я припряталъ послѣ завтрака, мнѣ удалось открыть секретный ящикъ въ этой разбитой конторкѣ. Тамъ ничего не оказалось, кромѣ маленькаго зеленаго пузырька съ бѣлымъ порошкомъ. Вокругъ шейки былъ приклеенъ ярлычекъ и на немъ надпись: «Избавленіе». Можетъ быть, или даже навѣрняка, это ядъ. Я бы понялъ Элвзема, если бы онъ подсунулъ этотъ ядъ мнѣ подъ руку: тогда было бы ясно, что онъ хочетъ избавиться отъ единственнаго живого свидѣтеля противъ себя; но тогда—зачѣмъ этотъ пузырекъ такъ старательно припрятанъ? Этотъ человѣкъ практически разрѣшилъ проблему безсмертія. Если съ нимъ ничего не случится, онъ проживетъ въ моемъ тѣлѣ, пока не состарится, и тогда опять, отбросивъ его въ сторону, онъ захватитъ молодость и силу какой-нибудь другой жертвы. Стоитъ только вспомнить его безсердечіе—и цѣпенѣешь отъ ужаса при одной мысли объ его вѣчно растущемъ опытѣ, объ... А сколько времени онъ уже прыгаетъ изъ тѣла въ тѣло?... Но я усталъ писать. Кажется, порошокъ растворился въ водѣ. Онъ не противенъ на вкусъ...

Этими словами кончается рукопись, найденная на конторкѣ мистера Элвзема. Мертвое тѣло лежало на полу между конторкой и кресломъ. Послѣднее было отодвинуто, по всей вѣроятности, его предсмертными судорогами. Весь этотъ документъ написанъ карандашомъ, нетвердой рукою, совершенно непохожею на его обычно твердый почеркъ. Намъ остается констатировать только два любопытныхъ факта. Связь между Иденомъ и Элвземомъ несомнѣнна, такъ какъ все имущество Элвзема завѣщано имъ этому молодому человѣку. Но тотъ не успѣлъ получить наслѣдства. Ибо когда Элвземъ лишилъ себя жизни, Иденъ, какъ это ни странно, былъ уже мертвъ. За двадцать четыре часа до этого онъ былъ сшибленъ съ ногъ какимъ-то кэбомъ и мгновенно скончался на многолюдномъ перекресткѣ тамъ, гдѣ пересѣкается Гауэръ-Стритъ съ Юстонъ-Родомъ. Такъ что единственное живое существо, которое могло бы бросить свѣтъ на это фантастическое повѣствованіе, теперь находится за предѣлами всякихъ допросовъ. Безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ мы оставляемъ это необыкновенное событіе на личное разсмотрѣніе читателя.

ПОДЪ НОЖОМЪ.

(ПЕРЕВОДЪ Т. А. БОГДАНОВИЧЪ).

— А что если я умру отъ этого? Эта мысль снова и снова возвращалась ко мнѣ, пока я шелъ домой отъ Геддона. Вопросъ касался только лично меня. Семьи у меня не было, а для друзей, даже для близкихъ, смерть моя могла явиться непріятностью развѣ потому только, что имъ придется выказывать притворное горе.

И какъ мало людей перейдутъ хоть на волосъ строгіе предѣлы сухого приличія!

Всѣ эти вещи приходили мнѣ въ голову, лишенныя покрова, въ какомъ-то сухомъ и ясномъ свѣтѣ, пока я шелъ отъ дома Геддона черезъ Примрозъ-Гилль.

Были у меня друзья юности; но теперь я сознавалъ, что дружба наша была просто привычкой, которую мы механически поддерживали. Были также соперники и дѣловые сотрудники...

Должно быть, ужъ я отъ природы такой холодный или замкнутый. Быть можетъ, я не способенъ къ дружбѣ почти органически, хотя и было въ моей жизни время, когда я оплакивалъ потерю пріятеля.

Но въ этотъ вечеръ мои сожалѣнія крѣпко спали. Я не печалился самъ о себѣ, не огорчался за друзей и не думалъ о томъ, будутъ ли они горевать обо мнѣ или нѣтъ.

На одну минуту меня заинтересовало это омертвѣніе собственной души, и я сталъ думать о его причинахъ.

Какъ-то давно, въ пору юности, я испыталъ внезапную потерю крови и былъ на волосокъ отъ смерти. Я вспомнилъ теперь, что мои привязанности и страсти какъ будто вытекли изъ меня вмѣстѣ съ кровью, и ничего не осталось, только тупая печаль и покорность судьбѣ. Прошли цѣлыя недѣли, раньше чѣмъ прежнее честолюбіе и страсти и вся сложность нравственной жизни человѣка снова проснулись во мнѣ. Мнѣ казалось, что сущность этой апатіи лежитъ въ постепенномъ замираніи страданій и наслажденій, яркихъ стимуловъ животной жизни человѣка.

Я считаю установленнымъ совершенно непреложно, что самыя возвышенныя душевныя движенія, нравственныя чувства, даже утонченная нѣжность любви развиваются изъ элементарныхъ желаній животнаго организма: они составляютъ ту оболочку, въ которую заключена духовная свобода человѣка. И возможно, что, когда насъ осѣняетъ тѣнь смерти, когда наша активность ослабѣваетъ, вмѣстѣ съ нею исчезаетъ сложный балансъ неустойчивыхъ стремленій, склонностей и отвращеній, борьба которыхъ опредѣляетъ наши поступки. Но что же тогда остается?

Занятый такими мыслями, я машинально шелъ впередъ, пока не наткнулся на телѣжку мясника. Оказалось, что я перехожу черезъ мостъ на каналѣ Риджентъ-Парка. Мальчикъ въ синей блузѣ смотрѣлъ черезъ плечо на черную баржу, которую тащила по каналу высокая бѣлая лошадь. Изъ Зоологическаго сада нянька всходила на мостъ съ тремя малютками. Деревья свѣжо зеленѣли. Ихъ весенняя яркость еще не покрылась пятнами лѣтней пыли. Небо въ водѣ отражалось свѣтло и ясно, и когда баржа шла впередъ, его пересѣкали длинныя волны, черныя полосы ряби. Поднялся вѣтерокъ, но онъ не освѣжилъ меня, какъ обыкновенно освѣжаетъ весенній вѣтеръ.

Въ этомъ онѣмѣніи чувства нѣтъ ли предчувствія? Быть можетъ, человѣкъ, близкій къ смерти, начинаетъ инстинктивно освобождаться изъ сѣтей матеріи и чувства, даже раньше, чѣмъ холодная рука ляжетъ на него? Я чувствовалъ себя странно оторваннымъ отъ жизни и отъ всего земного, и не жалѣлъ объ этомъ.

Дѣти, игравшія на солнцѣ, и садовый сторожъ, болтавшій съ нянькой, мать съ младенцемъ, юная чета, проходившая мимо и занятая другъ другомъ, деревья по краямъ дороги, съ трепетомъ въ вѣтвяхъ, посылавшія солнцу зеленый привѣтъ,—я былъ частью всего этого, но теперь я какъ будто покончилъ съ этимъ.

Пройдя еще немного по Широкой Аллеѣ, я замѣтилъ, что усталъ, и ноги мои отяжелѣли. Было жарко; я повернулъ въ сторону и сѣлъ на одинъ изъ зеленыхъ стульевъ, стоявшихъ по краямъ дороги. Въ ту же минуту я погрузился въ сонъ, и потокъ моихъ мыслей принесъ мнѣ видѣніе Страшнаго Суда.

Я все еще сидѣлъ на стулѣ, но мнѣ казалось, что я въ дѣйствительности умеръ, уничтожился, высохъ, превратился въ прахъ, и одинъ глазъ мой былъ выклеванъ птицами.

— Вставайте!—крикнулъ голосъ, и тотчасъ же дорожная пыль и земля подъ травой зашевелились. Я никогда раньше не думалъ, что Ридждентъ-Паркъ—кладбище, но теперь между деревьями, насколько хваталъ глазъ, вездѣ во множествѣ зіяли изрытыя могилы и лежали упавшія гробницы.

Было смятеніе: воскресшіе покойники, казалось, задыхались, усиливаясь встать, они обливались кровью отъ этихъ усилій, и красное мясо висѣло лохмотьями на бѣлыхъ костяхъ.

— Вставайте!—крикнулъ голосъ, но я рѣшилъ, что я не встану для такихъ ужасовъ.

— Вставайте!..

Они не хотятъ оставить меня въ покоѣ.

— Проснитесь!—сказалъ сердитый голосъ. Вотъ назойливый ангелъ! Человѣкъ, продающій билеты на стулья, трясъ меня за плечо, требуя плату.

Я заплатилъ пенни, сунулъ въ карманъ билетъ, зѣвнулъ, расправивъ ноги и чувствуя себя бодрѣе, всталъ и пошелъ къ Ленгемской площади. Скоро я снова потерялся въ запутанномъ лабиринтѣ мыслей о смерти. Пересѣкая Мерилебонскую дорогу, тамъ, гдѣ она поднимается къ Ленгемской площади, я едва увернулся отъ оглобли экипажа, и пошелъ дальше съ бьющимся сердцемъ и ушибленнымъ плечомъ.

Я думалъ о томъ, какъ было бы странно, если бы мои мысли о смерти завтра, привели меня къ ней еще сегодня.

Но я не буду больше утруждать васъ разсказомъ о моихъ чувствахъ и мысляхъ въ этотъ и въ слѣдующій день. Я все тверже и тверже вѣрилъ, что умру подъ ножомъ; по временамъ я какъ будто рисовался передъ самимъ собой.

Доктора должны были придти въ одиннадцать, но я не всталъ. Казалось излишнимъ заботиться о томъ, чтобы умыться и одѣться; и хотя я прочиталъ газеты и письма, пришедшія съ утренней почтой, я не нашелъ въ нихъ никакого интереса. Тутъ была дружеская записка отъ Аддисона, моего стараго школьнаго товарища, обращавшая мое вниманіе на два противорѣчія и одну опечатку въ моей новой книгѣ, и письмо отъ Лонгриджа, и двѣ или три дѣловыя бумаги.

Я позавтракалъ въ постели.

Въ боку сверлило и жгло сильнѣе, чѣмъ прежде. Но эта боль, не знаю почему, безпокоила меня меньше. Ночью я не спалъ, и горѣлъ и мучился жаждой, но утромъ въ постели мнѣ стало удобнѣе. Ночью я лежалъ и думалъ о минувшемъ, утромъ я грезилъ о безсмертіи.

Геддонъ пришелъ аккуратно, минута въ минуту, съ изящнымъ чернымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Потомъ явился Моубрэй. Ихъ приходъ немного расшевелилъ меня. Я началъ

ощущать больше интереса къ происходившему. Геддонъ придвинулъ небольшой восьмиугольный столикъ плотно къ кровати и, повернувъ ко мнѣ широкую черную спину, сталъ вынимать изъ мѣшка какіе-то предметы. Я слышалъ легкій звонъ стали о сталь. Мое воображеніе проснулось.

— Очень вы будете меня мучить?—спросилъ я небрежнымъ тономъ.

— Нисколько,—отвѣтилъ Геддонъ черезъ плечо.—Мы васъ захлороформируемъ. Сердце у васъ совсѣмъ здоровое.

И когда онъ говорилъ, на меня пахнуло ѣдкой сладостью наркотика.

Они уложили меня, устроивъ, какъ нужно, мой бокъ, и раньше чѣмъ я успѣлъ опомниться, мнѣ дали хлороформъ. У меня защипало въ носу; потомъ я на минуту почувствовалъ, что задыхаюсь. Я зналъ, что долженъ умереть, — что сознаніе мое исчезаетъ на вѣки. И вдругъ я ощутилъ, что не готовъ къ смерти; у меня было смутное сознаніе какой-то не исполненной обязанности—я только не зналъ, какой?..

Что же такое я не успѣлъ исполнить? Въ жизни за мной не осталось ничего привлекательнаго. Но нежеланіе смерти было сильно во мнѣ. Мнѣ было тяжело, мучительно. Доктора, разумѣется, не знали, что они сейчасъ убьютъ меня. Возможно, что я боролся. Потомъ я впалъ въ неподвижность, и настало глухое молчаніе и непроницаемая тьма.

Былъ, должно быть, промежутокъ полнаго отсутствія сознанія, нѣсколько секундъ или, быть можетъ, минутъ. Потомъ, съ холодной ясностью я вдругъ замѣтилъ, что я все-таки не умеръ. Я былъ еще связанъ съ своимъ тѣломъ; но все множество ощущеній, исходящихъ изъ него и составляющихъ задній фонъ сознанія, исчезло и оставило меня свободнымъ. Нѣтъ, не свободнымъ,—что-то еще связывало меня съ жалкимъ тѣломъ, лежавшимъ на кровати,—хотя не вполнѣ неразрывно, такъ что я могъ чувствовать себя внѣ его, независимымъ отъ него, стремящимся прочь отъ него.

Я не могъ видѣть и не могъ слышать, но я постигалъ все, что происходитъ, и было такъ, точно я видѣлъ и слышалъ.

Геддонъ наклонился надо мной, Моубрэй стоялъ позади, скальпель—рѣзалъ мое мясо въ боку, подъ ложными ребрами. Я видѣлъ свою обнаженную печень. Было интересно наблюдать, какъ рѣжутъ мое тѣло, какъ будто сыръ, безъ всякой боли, безъ малѣйшаго непріятнаго ощущенія. Интересъ былъ въ такомъ родѣ, съ какимъ человѣкъ слѣдитъ за игрой въ шахматы между двумя посторонними игроками.

Лицо у Геддона смотрѣло увѣренно и рука двигалась твердо; но я съ удивленіемъ замѣтилъ (не знаю, какъ), что онъ въ душѣ сомнѣвается, такъ ли онъ ведетъ операцію, какъ надо.

Мысли Моубрэя я тоже видѣлъ. Онъ думалъ, что пріемы Геддона черезчуръ педантичны, но невольно любовался его быстротой и ловкостью и въ то же время завидовалъ и подстерегалъ возможную ошибку.

Я снова заглянулъ въ сознаніе Геддона и увидѣлъ, что онъ боится перерѣзать вѣтку воротной вены.

Мое вниманіе было отвлечено отъ подробностей любопытными измѣненіями, происходившими въ его мозгу. Его сознаніе походило на маленькое мигающее пятнышко свѣта, какое иногда падаетъ отъ ручного зеркала на стѣну. Его мысли текли снизу, точно потокъ, нѣкоторыя проходили черезъ самый фокусъ свѣта, а другія протекали сбоку въ смутной тѣни.

Вотъ теперь это маленькое свѣтлое пятно сіяетъ ровно; но первое движеніе Моубрэя, слабый звукъ снаружи, мгновенный трепетъ живого тѣла подъ рѣжущей сталью, и это свѣтлое пятно дрожитъ и прыгаетъ. Вотъ новое впечатлѣніе ворвалось извнѣ въ потокъ мыслей; тотчасъ же свѣтлое пятно метнулось къ нему навстрѣчу, быстрѣе испуганной рыбки. Удивительно было думать, что отъ этого неустойчи-

ваго мигающаго пятнышка въ ближайшія пять минутъ зависитъ моя жизнь.

А Геддонъ становился все болѣе и болѣе нервнымъ въ своей работѣ. Было такъ, точно маленькій образъ разрѣзанной вены становится яснѣе и стремится прогнать изъ его мозга образъ другого разрѣза: ближе, чѣмъ нужно. Онъ сталъ трусить, боялся прорѣзать слишкомъ глубоко и въ то же самое время боялся недорѣзать.

Потомъ вдругъ, точно потокъ воды изъ прорванной плотины, сознаніе непоправимой бѣды нахлынуло и закружило всѣ его мысли. Онъ вскрикнулъ и отскочилъ назадъ. Вѣтка воротной вены была перерѣзана. Я увидѣлъ, какъ темно-красная кровь выступаетъ наружу и быстро сбѣгаетъ внизъ.

Онъ бросилъ на столъ окровавленный скальпель, и оба врача тотчасъ же засуетились, стараясь наскоро исправить несчастіе.

— Льду!—крикнулъ испуганно Моубрэй. Но я зналъ что былъ убитъ, хотя мое тѣло все еще цѣплялось за меня.

Я не буду описывать ихъ запоздалыхъ попытокъ спасти мою жизнь, хотя я замѣчалъ каждую подробность. Мои воспріятія были рѣзки и отчетливы, какъ никогда при жизни, мысли неслись черезъ мозгъ съ неслыханнойбы стротой. Черезъ минуту все будетъ кончено, и я буду свободенъ. Я зналъ, что я безсмертенъ, но что именно должно произойти сейчасъ?...

Унесусь ли я сразу, какъ клубъ дыма изъ пушки, какъ облако эфира, новая тонкая форма моей прежней тѣлесной природы? Окажусь ли я вдругъ среди безчисленной толпы загробныхъ призраковъ и узнаю, что эта жизнь земли и тѣла была только бѣглымъ сномъ, фантасмагоріей? Долженъ ли я буду мчаться на спиритическій сеансъ и тамъ, неизвѣстно зачѣмъ, продѣлывать разныя глупости черезъ посредство жалкаго медіума?

Это было состояніе холоднаго любопытства, безцвѣтнаго

ожиданія. Потомъ я ощутилъ растущій напоръ, такое чувство, какъ будто огромный магнитъ тащитъ меня вонъ изъ моего тѣла. Напоръ все усиливался. Я былъ, какъ атомъ, за который боролись противоположныя силы.

На одинъ короткій ужасный мигъ чувство вернулось ко мнѣ. Ощущеніе стремительнаго паденія, какое бываетъ во время кошмаровъ, только въ тысячу разъ сильнѣе, и черный ужасъ, промчались потокомъ черезъ мое сознаніе. Потомъ оба врача, обнаженное тѣло съ разрѣзаннымъ бокомъ, маленькая комнатка,—поплыли внизъ и исчезли изъ вида.

Я былъ въ воздухѣ надъ Лондономъ. Подо мной былъ Вестъ-Эндъ. Онъ быстро опускался, а я, казалось, летѣлъ вверхъ и въ то же самое время онъ подвигался на западъ, какъ будто панорама. Я могъ видѣть сквозь пелену дыма крыши и трубы, улицы, полныя людьми и экипажами, пятна скверовъ, колокольни церквей, торчащія, какъ иглы изъ полотна. Но все это плыло назадъ, вмѣстѣ съ вращеніемъ земли и черезъ нѣсколько секундъ я уже переносился надъ группами деревьевъ у Илинга, а Темза тянулась на югѣ, какъ узкая лента, и Чильтернскіе холмы вставали на сѣверѣ, какъ края у чаши.

Я все стремился вверхъ. Вначалѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, что означаетъ этотъ головокружительный подъемъ. Съ каждой секундой поле моего зрѣнія становилось все шире, а отдѣльныя части:—города и равнины- и рѣки и холмы, блѣднѣли и сливались, и вялый туманъ мѣшался съ синею далью холмовъ и зеленью луговъ.

Вверху, по мѣрѣ того какъ слой атмосферы становился тоньше, свѣтло-голубое небо дѣлалось глубже и гуще и, перейдя постепенно черезъ всѣ промежуточные оттѣнки, оно стало черно-синимъ, какъ въ ясную полночь, потомъ чернымъ, какъ въ остромъ свѣтѣ зимнихъ звѣздъ, и, наконецъ, сгустилось въ такую черноту, какой я никогда не видѣлъ раньше. И сначала одна звѣзда, и тотчасъ же другая и, на

конецъ, несмѣтное множество звѣздъ пронизали ее,—больше звѣздъ, чѣмъ кто-либо могъ видѣть съ земли.

Солнце стало прекрасное и странное. Оно было, какъ дискъ ослѣпительно бѣлаго свѣта; не того желтоватаго, какимъ оно кажется съ земли, а бѣлаго, какъ снѣгъ.

На бѣломъ дискѣ были багряныя полосы и по краямъ зигзаги живыхъ языковъ краснаго огня. И, покрывая полъ-неба съ каждой стороны солнца, шире, чѣмъ Млечный Путь, простирались два серебряно-бѣлыя крыла. Они дѣлали его странно похожимъ на тѣ крылатыя сферы, какія я видѣлъ на Египетскихъ гробницахъ. Я зналъ, что это солнечная корона, хотя при жизни видѣлъ ее только на рисункѣ.

Когда мое вниманіе снова вернулось къ землѣ, я увидѣлъ, что она ушла очень далеко вглубь. Холмовъ и городовъ уже не было видно, и всѣ многоцвѣтныя краски земли слились въ одинъ сѣрый цвѣтъ. Его прерывали только блестящія бѣлыя пятна облаковъ, которыя клубились волнистой массой надъ Ирландіей и западной Англіей. Я видѣлъ теперь береговую линію сѣверной Франціи и весь Британскій островъ, кромѣ сѣверной Шотландіи, которая скрывалась за горизонтомъ. Море было густого, сѣраго цвѣта, темнѣе, чѣмъ земля, и вся панорама медленно поворачивалась къ западу.

Все это произошло такъ быстро, что хотя я уже былъ на тысячи верстъ отъ земли, я еще не подумалъ о самомъ себѣ. Но теперь я замѣтилъ, что у меня нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, никакихъ членовъ и органовъ, и я не чувствую ни тревоги, ни боли. Я сознавалъ, что пустота вокругъ меня (такъ какъ я уже давно оставилъ воздухъ внизу) была холоднѣе, чѣмъ можетъ себѣ представить человѣческая мысль, но это не смущало меня. Солнечные лучи пронизывали пустоту, не освѣщая и не нагрѣвая, ибо они не встрѣчали матеріи на своемъ пути.

Я воспринималъ вещи съ яснымъ самозабвеніемъ, точно я былъ богъ. И далеко внизу, быстро удаляясь отъ меня,—

тамъ, гдѣ маленькое темное пятнышко на сѣромъ фонѣ обозначало Лондонъ, два врача старались вернуть жизнь жалкой, изрѣзанной и изношенной оболочкѣ, которую я покинулъ. Я испыталъ такую ясность, такое чувство освобожденія, съ которымъ никакая земная радость не можетъ сравниться.

Тутъ только я сознадъ причину моего полета. Между тѣмъ это было такъ просто, такъ очевидно, что я изумился, какъ не подумалъ объ этомъ ранѣе. Я былъ внезапно оторванъ отъ тѣла: все, что было во мнѣ тѣлеснаго, осталось на землѣ, вращаясь въ пространствѣ вмѣстѣ съ нею, одчиняясь земному притяженію, раздѣляя земную инерцію, участвуя въ обращеніи земли по ея орбитѣ вокругъ солнца,— и вмѣстѣ съ солнцемъ и планетами въ ихъ безграничномъ движеніи впередъ, черезъ пространство.

Но безтѣлесное не знаетъ инерціи, не подчиняется при тяженію. Гдѣ оно отдѣлилось отъ своей тѣлесной оболочки,— тамъ оно и остается неподвижнымъ въ пространствѣ (поскольку пространство имѣетъ къ нему отношеніе). Не *я* оставилъ землю: земля оставила *меня*, и не только земля, но и вся солнечная система протекала мимо. А вокругъ меня въ пространствѣ, незримо для меня, разсѣянныя землей во время ея странствія, должны были быть несмѣтныя толпы душъ, оторванныя, какъ и я, отъ матеріи, оторванныя, какъ и я, отъ личныхъ страстей и благородныхъ чувствъ общественности, такіе же обнаженные умы, удивляемые собственной свободой и новой легкостью безплотнаго существованія.

И пока я удалялся все дальше и дальше отъ страннаго бѣлаго солнца въ черномъ небѣ, и отъ большой блестящей земли, на которой началось мое бытіе, я, казалось, все росъ и расширялся, росъ сравнительно съ тѣмъ міромъ, который я оставилъ, и сравнительно съ длиной человѣческой жизни,

Скоро я увидѣлъ весь кругъ земли, слегка выпуклый, какъ луна, когда она достигнетъ полнолунія, но очень боль-

шой; и серебристыя грани Америки сіяли теперь въ полуденномъ свѣтѣ, въ которомъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ грѣлась маленькая Англія.

Сначала земля была большая и сіяла, занимая значительную часть неба; но съ каждой минутой она становилась меньше и уходила дальше. Когда она стала меньше, луна въ третьей четверти стала замѣтна надъ краемъ ея диска.

Я сталъ искать знакомыхъ созвѣздій. Только часть Овна, прямо за солнцемъ, и Левъ, заслоненный землею, не были видны. Я видѣлъ извилистую, разорванную ленту Млечнаго Пути съ ярко свѣтящейся Вегой между солнцемъ и землей; Сиріусъ и Оріонъ ярко горѣли въ противоположной четверти небеснаго свода. Полярная звѣзда была въ зенитѣ, а Большая Медвѣдица висѣла надъ дискомъ земли.

Дальше, выше и ниже солнечной короны были странныя группы звѣздъ, которыхъ я никогда въ жизни не видѣлъ. Одну изъ нихъ, похожую по формѣ на кинжалъ, я призналъ за Южный Крестъ.

Эти звѣзды и здѣсь казались не больше, чѣмъ кажутся съ земли, но мелкія звѣзды, которыя тамъ едва замѣтны, сіяли теперь среди черной пустоты такъ же ясно, какъ звѣзды первой величины; крупныя звѣзды сверкали неописуемымъ блескомъ, яркимъ и острымъ. Глазъ Тельца горѣлъ кровавымъ огнемъ. Сиріусъ блисталъ, какъ океанъ сапфировъ. Всѣ звѣзды сіяли ровнымъ свѣтомъ. И ни одна не мерцала и ни одна не измѣнялась.

Когда я посмотрѣлъ опять на землю, она показалась мнѣ не больше солнца и, пока я смотрѣлъ, она еще сжалась, почти вполовину, и продолжала уменьшаться, быстро вращаясь безъ устали. Вдали, въ противоположномъ направленіи, сверкала красная точка Марса. Я неподвижно парилъ въ пространствѣ и безъ малѣйшаго страха или удивле-

нія наблюдалъ, какъ струя космической пыли, которую мы называемъ Вселенной, несется мимо меня.

Теперь я замѣтилъ, что мое ощушеніе времени совершенно измѣнилось; сознаніе мое работало не быстро, а безконечно медленно, и каждое воспріятіе отдѣлялось отъ другого промежуткомъ во много дней. Луна успѣла обойти вокругъ земли, пока я замѣтилъ это; и я ясно различалъ движеніе Марса по его орбитѣ. Мнѣ казалось, что промежутки между мыслями становятся все больше, такъ что, наконецъ, тысяча лѣтъ равнялись въ моемъ представленіи одной минутѣ.

Вдругъ изъ темноты вырвался каскадъ летящихъ камней, сверкающихъ, точно пылинки въ солнечномъ лучѣ и окруженныхъ прозрачнымъ свѣтящимся облакомъ. Они кружились, какъ вихрь, и въ одно мгновеніе исчезали далеко позади.

Потомъ я увидѣлъ, что свѣтлый кружокъ, сіявшій немного въ сторонѣ, сталъ вдругъ расти, и я понялъ, что на меня мчится планета Сатурнъ. Она становилась все больше и больше, поглощая небо позади себя и съ каждой минутой закрывая все новыя звѣзды. Я видѣлъ ея сплюснутое вращающееся тѣло, поясъ и всѣ семь спутниковъ.

Тотчасъ же я погрузился въ потокъ несущихся камней и пляшущихъ пылинокъ и крутящихся вихрей газа и на мгновеніе увидѣлъ надъ собой громадное тройное кольцо, какъ три концентрическія арки луннаго свѣта, и подъ собою ихъ черную тѣнь на водоворотѣ пыли.

Планета промчалась, какъ молнія, на нѣсколько секундъ она заслонила полнеба, и тутъ же опять уменьшилась и стала черным пятномъ, удаляясь и кружась, и какъ будто падая на солнце. Землю, колыбель моего бытія, я уже больше не видѣлъ.

Такъ, съ величавой быстротой солнечная система спадала съ меня, какъ платье, пока солнце стало простой

звѣздой среди массы звѣздъ, и вмѣстѣ съ семьею своихъ планетъ потерялось въ смутномъ мерцаньѣ удаляющагося свѣта. Я уже не былъ больше гражданиномъ солнечной системы: я переселился во Внѣшнюю Вселенную и какъ будто охватилъ мыслью весь міръ матеріи.

Сначала созвѣздія сіяли неподвижно на черномъ фонѣ безконечнаго пространства; но теперь мнѣ казалось, какъ будто группа звѣздъ около Геркулеса и Скорпіона сближается, между тѣмъ какъ Оріонъ, Глазъ Тельца и ихъ сосѣди раздвигаются въ разныя стороны.

Звѣзды все быстрѣе приближались къ тому мѣсту, гдѣ Вега и Сердце Скорпіона претворялись въ свѣтящуюся пыль, пока эта часть неба стала походить на свѣтлую туманность,— а предо мной отверзалась гигантская бездна тьмы.

Казалось, что я лечу въ пространствѣ между Поясомъ и Мечомъ Оріона, и пустота вокругъ раздвигается шире съ каждой секундой; это была непостижимая бездна небытія, и я устремлялся въ нее.

Яркія звѣзды, блѣдныя кометы, метеориты, сгустки матеріи, мигающія искры проносились мимо съ невѣроятной быстротой, иные, быть можетъ, за много милліоновъ миль, другіе ближе,—и терялись во мракѣ.

Все шире, глубже и необъятнѣе простиралась беззвѣздная пропасть, пустое *ничто*, въ которое я падалъ. Наконецъ, четверть неба стала пустой и черной. И весь этотъ неудержимый потокъ звѣзднаго Міра смыкался за мной, точно задергивалась завѣса свѣта. Онъ уносился прочь отъ меня, какъ будто гигантскій блуждающій огонь, гонимый вѣтромъ. Я очутился въ пустынѣ пространства. И эта пустынная тьма все росла, пока безчисленныя звѣзды стали казаться роемъ огненныхъ точекъ, несущихся вдаль и уже неизмѣримо далекихъ, а тьма и пустота со всѣхъ сторонъ сомкнулись надо мной; узкій міръ матеріи, струйка атомовъ, въ которой я началъ бытіе, сжались въ кружащійся дискъ, а потомъ въ

малое пятно туманнаго свѣта. Скоро оно превратится въ точку, а потомъ исчезнетъ.

И вдругъ чувство вернулось ко мнѣ, подавляющій ужасъ передъ этой черной бездной, — неописуемый словами, и страстная жажда симпатіи и общества. Есть ли здѣсь вокругъ меня, среди густого мрака, другія души, такъ же невидимыя мнѣ, какъ и я имъ,—или я дѣйствительно одинъ, какъ чувствую? Неужели я перешелъ изъ состоянія жизни въ такое состояніе, которое нельзя назвать ни бытіемъ, ни небытіемъ? Тѣлесный покровъ былъ сорванъ съ меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла всякая увѣренность, всякое общеніе. Кругомъ было молчаніе и тьма. Я пересталъ существовать. Я былъ ничто. И не было ничего, кромѣ единой точки свѣта, еще мерцавшей въ безднѣ. Я силился слышать и видѣть, но со мною было только тяжелое молчаніе, глухая тьма, ужасъ и отчаяніе.

Потомъ я увидѣлъ, что надъ той свѣтлой точкой, въ которую превратился весь міръ матеріи, появился слабый отблескъ. И по обѣимъ сторонамъ полоска мрака стала какъ будто рѣже. Я наблюдалъ за нею цѣлые вѣка, и въ безконечномъ ожиданіи туманъ постепенно яснѣлъ. Потомъ около этой полоски появилось блѣдное облачко неправильной формы. Я ощущалъ страстное нетерпѣніе; но облако свѣтлѣло медленно, почти не измѣняясь. Что тамъ откроется? Что это за странный просвѣтъ среди безконечной ночи пространства?

Облако это имѣло странную форму. Въ нижней части оно раздѣлялось на четыре полоски, а вверху замыкалось прямой поперечной чертой. Что это за призракъ? Я былъ увѣренъ, что видѣлъ когда-то раньше такую фигуру; но я не могъ вспомнить, когда, гдѣ и что это было. Потомъ, вдругъ меня осѣнило прозрѣніе. *Это была сжатая рука.* Я былъ одинъ въ пространствѣ, одинъ съ этой огромной туманной Рукой, на которой весь міръ матеріи лежалъ, словно крупинка пыли. Казалось, что я глядѣлъ на нее вѣка за вѣками.

На указательномъ пальцѣ блестѣло кольцо; и міръ, изъ котораго я вышелъ, былъ одной блестящей точкой на сгибѣ кольца. А вещь, которую сжимала эта рука, походила на черный стержень. Цѣлую долгую вѣчность я наблюдалъ эту руку съ кольцомъ и стержнемъ, наблюдалъ съ удивленіемъ, со страхомъ, безпомощно ожидая, что будетъ дальше. Было такъ, какъ будто ничего не будетъ, какъ будто я буду вѣчно глядѣть, видя только Руку и вещь, которую она держитъ, и не понимая, что это значитъ.

Неужели вся вселенная только точка свѣта, преломляющаяся на тѣлѣ какого-то Высшаго Существа? Неужели наши міры только атомы другого міра, и другіе міры—атомы высшаго міра и такъ далѣе до безконечности? И что такое я? Развѣ я дѣйствительно не имѣю тѣла? Смутное представленіе о какомъ-то тѣлѣ, связанномъ со мной, примѣшалось къ моему недоумѣнію. Бездонный мракъ вокругъ Руки наполнился неосязаемыми видѣніями, неопредѣленными, колеблющимися образами.

Потомъ вдругъ явился звукъ, какъ звонъ колокола, слабый и безконечно далекій, и заглушенный, какъ будто долетавшій сквозь толстую завѣсу, глубокій, медлительный звукъ, съ огромными провалами безмолвія послѣ каждаго удара. И Рука, казалось, сжимала стержень крѣпче. И я увидѣлъ высоко надъ Рукой на вершинѣ тьмы, свѣтящійся кругъ, призрачный дискъ, изъ котораго выходили дрожащіе звуки, и при послѣднемъ звукѣ Рука исчезла, и я услышалъ шумъ падающихъ водъ. Но черный стержень остался, какъ огромная полоса, пересѣкающая небо. И голосъ, который, казалось, доносился изъ бездны пространства, сказалъ:—Теперь больше не будетъ боли.

Все это хлынуло на меня невыносимымъ потокомъ блеска и радости, и я увидѣлъ кругъ блестящій и бѣлый, и стержень блестящій и черный, и еще много вещей, ясно и отчетливо. И кругъ былъ циферблатомъ часовъ, а стержень перекладп-

ной кровати. Геддонъ стоялъ у моихъ ногъ за спинкой кровати и вытиралъ ножницы, и на пальцѣ у него блестѣло золотое кольцо, и стрѣлки моихъ часовъ на каминѣ надъ его плечомъ сошлись вмѣстѣ на двѣнадцати. Моубрэй мылъ что-то въ тазу на восьмиугольномъ столикѣ, а въ боку у меня было замирающее ощущеніе, которое трудно было даже назвать болью.

Операція не убила меня. И я сразу почувствовалъ, что тупая меланхолія, давившая меня послѣдніе полгода, исчезла.

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ МОГЪ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА

(Переводъ А. Н. Анненской).

Трудно сказать, была ли это врожденная способность. Я съ своей стороны думаю, что она проявилась у него внезапно. До тридцати лѣтъ это былъ скептикъ и не признавалъ никакихъ чудодѣйственныхъ силъ. Здѣсь кстати будетъ сказать, что онъ былъ человѣкъ маленькаго роста, съ темно-карими глазами, густою щеткой рыжихъ волосъ и усами, кончики которыхъ онъ постоянно закручивалъ кверху. Лицо у него было въ веснушкахъ.

Звали его Джорджъ Уиртеръ Фотерингей—имя, вовсе не располагающее къ ожиданію какихъ-либо чудесъ — и онъ служилъ писцомъ въ конторѣ у Гомшотта.

У него была привычка высказывать свои мнѣнія въ категорической формѣ, не допускающей возраженій. И вотъ однажды, когда онъ такимъ образомъ утверждалъ, что чудеса невозможны, онъ въ первый разъ почувствовалъ, что обладаетъ сверхъестественной силой. Дѣло происходило въ трактирѣ «Длинный Драконъ», противникомъ его выступилъ Тодди Бимишъ, который на всѣ аргументы возражалъ однообразно:—Это вы такъ говорите,—что положительно выводило изъ терпѣнія м-ра Фотерингея.

Кромѣ этихъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, въ комнатѣ на-

ходились: какой-то сильно запыленный велосипедистъ, хозяинъ трактира Коксъ, и миссъ Майбриджъ, вполнѣ почтенная и нѣсколько тучная служанка «Дракона». Миссъ Майбриджъ стояла спиною къ м-ру Фотерингею и мыла стаканы; другіе смотрѣли на него и болѣе или менѣе потѣшались надъ безсиліемъ его утвержденій.

Раздраженный тактикой м-ра Бимиша, м-ръ Фотерингей рѣшилъ прибѣгнуть къ не совсѣмъ обычному риторическому пріему.

— Послушайте, мистеръ Бимишъ,—сказалъ онъ, — попробуемъ ясно указать, что есть чудо. Чудо бываетъ противно законамъ естества, но оно производится особенной силою Воли. Безъ дѣйствія Воли оно не можетъ случиться.

— Это вы такъ говорите, — возразилъ Бимишъ.

Мистеръ Фотерингей обратился къ велосипедисту, который до сихъ поръ молча слушалъ споръ; тотъ кивнулъ головой, потомъ нерѣшительно кашлянулъ и взглянулъ на мистера Бимиша. Хозяинъ отказался высказать свое мнѣніе, и мистеръ Фотерингей снова обратился къ Бимишу, который вдругъ, совершенно неожиданно, согласился съ его опредѣленіемъ чуда.

— Напримѣръ, — продолжалъ Фотерингей, ободренный этимъ согласіемъ, — вотъ что было бы чудо. Эта лампа, въ законѣ естества, не можетъ горѣть, если ее перевернуть вверхъ дномъ, не такъ ли, Бимишъ?

— Это вы говорите, что не можетъ,—отвѣчалъ Бимишъ.

— А вы? —- вскричалъ Фотерингей,—вы какъ полагаете: можетъ, а?

— Нѣтъ, — неохотно отвѣчалъ Бимишъ, — не можетъ горѣть.

— Отлично,—сказалъ Фотерингей,—теперь представимъ себѣ, что приходитъ человѣкъ, ну, хоть бы я, напримѣръ, становится вотъ здѣсь и говоритъ лампѣ, вотъ какъ я скажу, со всею силою воли:

«Повернись вверхъ ногами, но не разбейся и продолжай горѣть, и...—ай, ай!»

Да, тутъ всякій могъ бы закричать «ай, ай!» Невозможное, невѣроятное совершилось на глазахъ у всѣхъ. Лампа висѣла въ воздухѣ вверхъ ногами и спокойно горѣла, причемъ острый конецъ пламени былъ обращенъ книзу. Это была безспорно лампа, прочная, прозаическая, простая лампа трактира «Длинный Драконъ».

Мистеръ Фотерингей стоялъ на мѣстѣ, протянувъ указательный палецъ и наморщивъ брови. Велосипедистъ, сидѣвшій ближе всѣхъ къ лампѣ, вскочилъ и перепрыгнулъ за прилавокъ. Всѣ другіе тоже отскочили въ разныя стороны. Миссъ Майбриджъ обернулась и вскрикнула. Лампа оставалась въ томъ же положеніи около трехъ секундъ. Потомъ Фотерингей не выдержалъ и крикнулъ: «Не могу больше!» Въ тотъ же моментъ, перевернутая лампа вспыхнула, грохнулась объ стойку и погасла.

Хорошо, что у нея былъ металлическій резервуаръ, иначе весь домъ могъ бы загорѣться. Мистеръ Коксъ первый опомнился и заявилъ безъ лишнихъ словъ, что Фотерингей дуракъ. Фотерингей не въ состояніи былъ спорить даже противъ такого утвержденія. Онъ былъ черезчуръ изумленъ тѣмъ, что случилось.

Послѣдующій разговоръ нисколько не уяснилъ, въ чемъ дѣло; общее мнѣніе горячо поддержало мистера Кокса. Всѣ обвиняли Фотерингея и доказывали ему наперерывъ, что своими дурацкими продѣлками онъ способенъ нарушить общій покой и безопасность. Его собственный умъ былъ охваченъ смятеніемъ, онъ готовъ былъ во всемъ согласиться съ ними и очень слабо протестовалъ, когда ему предложили уйти домой.

Онъ шелъ по улицамъ разгоряченный и красный, съ галстухомъ, сбившимся на сторону, съ жженіемъ въ глазахъ и

съ пылающими ушами, и тревожно косился на каждый уличный фонарь, мимо котораго ему надо было пройти.

Только очутившись наединѣ, въ своей маленькой спальнѣ, въ Черчъ-Роу, онъ могъ серьезно возстановить въ памяти все происшедшее и спросить себя: что же, наконецъ, случилось?

Онъ снялъ сюртукъ и сапоги и, сидя на постели, съ руками въ карманахъ штановъ, повторялъ въ двадцатый разъ то самое, что сказалъ уже раньше въ свою защиту: — я совсѣмъ не хотѣлъ, чтобы эта проклятая штука упала внизъ.

Вдругъ онъ припомнилъ, что въ ту самую минуту, когда онъ произнесъ свой приказъ лампѣ, онъ помимо своей воли пожелалъ, чтобы сказанное имъ случилось, а потомъ, когда онъ увидѣлъ лампу въ воздухѣ, онъ почувствовалъ, что отъ него зависитъ удержать ее въ такомъ положенiи, хотя не ясно понималъ, какъ это происходитъ.

Умъ у него не былъ философскаго склада, иначе его поразило бы это: «пожелалъ помимо своей воли», и онъ понялъ бы, что передъ нимъ одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ въ ученiи о свободѣ воли. Но онъ не имѣлъ объ этомъ понятiя, и эта идея смутно мелькнула въ его умѣ. Онъ, очевидно, не могъ сдѣлать изъ нея никакого логическаго вывода и рѣшилъ провѣрить ее опытнымъ путемъ.

Онъ съ рѣшительнымъ видомъ протянулъ руку къ свѣчкѣ и хотя опасался, что дѣлаетъ глупость, но мысленно сосредоточился и проговорилъ: «Поднимись вверхъ»! Но его сомнѣнiе тотчасъ же исчезло. Свѣча поднялась, одно мгновенiе она провисѣла на воздухѣ, а когда м-ръ Фотерингей открылъ ротъ, чтобы перевести духъ, она съ шумомъ упала на его ночной столикъ и оставила его въ темнотѣ; только фитиль слабо блеснулъ и угасъ.

М-ръ Фотерингей просидѣлъ минуту или двѣ совсѣмъ тихо въ темной комнатѣ.—Быть то оно было,—проговорилъ онъ,—но какъ,—я, хоть убей, не понимаю.

Онъ тяжело вздохнулъ и сталъ шарить въ карманахъ, отыскивая спички. Ни одной спички не находилось, и онъ принялся ощупывать рукой на ночномъ столикѣ.

— Гдѣ бы это спичку найти! — сказалъ онъ.

Онъ поискалъ въ сюртукѣ, но и тамъ не было спичекъ, и тогда ему пришло въ голову, что можно творить чудеса и со спичками. Онъ протянулъ руку и повернулъ къ ней лицо въ темнотѣ. — Пусть въ этой рукѣ будетъ спичка! — сказалъ онъ. На ладонь его упалъ какой-то легкій предметъ, и онъ сжалъ въ пальцахъ спичку.

Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ зажечь ее объ столъ онъ догадался, что это шведская спичка. Онъ бросилъ ее и тутъ же пожалѣлъ, зачѣмъ не пожелалъ, чтобы она зажглась. Онъ пожелалъ этого и увидѣлъ, что она горитъ на коврикѣ передъ его кроватью. Онъ быстро схватилъ ее, но она погасла. Его вѣра въ собственную силу выросла, онъ ощупью нашелъ свѣчу и вставилъ ее въ подсвѣчникъ.

— Ну, теперь зажгись! — сказалъ Фотерингей, и свѣча въ ту же секунду зажглась, и при свѣтѣ ея онъ увидѣлъ маленькую черненькую дырочку въ коврикѣ и струйку дыма, выходившую оттуда. Онъ нѣсколько секундъ смотрѣлъ то на эту дырочку, то на огонекъ свѣчи, и случайно встрѣтился глазами съ собственнымъ изображеніемъ въ зеркалѣ. Онъ долго глядѣлъ на него, молчалъ и думалъ.

— Ну-съ, какъ ты теперь полагаешь насчетъ чудесъ? — спросилъ онъ, наконецъ, свое изображеніе.

Послѣдующія размышленія мистера Фотерингея были хотя и напряженныя, но очень смутныя. Онъ видѣлъ, что все дѣло просто въ его волѣ. Ему не хотѣлось производить дальнѣйшихъ опытовъ, по крайней мѣрѣ, пока онъ не обдумаетъ прежніе. Однако, онъ все-таки заставилъ листокъ бумаги подняться вверхъ, сдѣлалъ воду въ стаканѣ сначала красною, потомъ зеленою; онъ создалъ также улитку и чу-

деснымъ образомъ уничтожилъ ее, потомъ столь же чудеснымъ образомъ сотворилъ для своей надобности новую зубную щетку.

Въ теченіе этихъ немногихъ часовъ онъ сознаЛъ тотъ фактъ, что обладаетъ рѣдко встрѣчающеюся и необыкновенно дѣйствительною силою воли, фактъ, который онъ отчасти замѣчалъ и раньше, но въ которомъ не былъ увѣренъ. Къ непріятному чувству смятенія, вызванному первымъ обнаруженіемъ его чудесной силы, примѣшивалась теперь гордость отъ сознанія своего исключительнаго положенія, вмѣстѣ съ смутнымъ предчувствіемъ его возможныхъ выгодъ. Вдругъ онъ услышалъ, что церковные часы пробили часъ, и такъ какъ ему не приходило въ голову, что онъ можетъ чудеснымъ образомъ избавиться отъ своей работы въ конторѣ Гомшотта, то онъ снова началъ раздѣваться съ тѣмъ, чтобы поскорѣе лечь въ постель.

Пока онъ старался стащить верхнюю рубаху черезъ голову, ему пришла блестящая мысль. — Пусть я буду въ постели, — сказалъ онъ,—и это сдѣлалось.—Раздѣтый, — прибавилъ онъ—и находя, что простыни холодны, быстро проговорилъ—и въ моей ночной рубахѣ, — нѣтъ, въ хорошей, мягкой, шерстяной рубахѣ.—Ахъ!—воскликнулъ онъ съ великимъ наслажденіемъ.—А теперь пусть я спокойно засну.

Онъ проснулся въ обычное время и сидя за завтракомъ, все думалъ о томъ же самомъ; его мучило сомнѣніе, не были ли всѣ его вчерашніе опыты просто необыкновенно живымъ сномъ. Наконецъ, онъ рѣшился опять сдѣлать нѣсколько осторожныхъ опытовъ.

Такъ, напримѣръ, онъ съѣлъ за завтракомъ три яйца; два изъ нихъ подала ему хозяйка, это были хорошія, но дешевыя яйца, третье же было прекрасное, свѣжее, гусиное яйцо, которое онъ добылъ, сварилъ и подалъ себѣ съ помощью своей силы воли. Онъ поспѣшилъ въ котонру Гомшотта въ состояніи глубокаго, но тщательно скрываемаго

возбужденія и вспомнилъ о скорлупѣ третьяго яйца только вечеромъ, когда объ этомъ заговорила хозяйка. Цѣлый день не могъ онъ работать вслѣдствіе сознанія своей новой силы, но это не причинило ему никакихъ неудобствъ, потому что вся его работа была чудесно окончена въ послѣднія десять минутъ.

Къ концу дня онъ перешелъ отъ сомнѣнія къ гордости, хотя ему все-таки непріятно было вспоминать разныя подробности исторіи въ «Длинномъ Драконѣ», тѣмъ болѣе, что искаженный разсказъ объ этомъ происшествіи уже успѣлъ дойти до его товарищей, и вызвалъ не мало шутокъ съ ихъ стороны. Очевидно, ему слѣдовало быть осторожнымъ съ ломкими вещами, но вообще, чѣмъ больше онъ думалъ о своемъ дарѣ, тѣмъ больше выгодныхъ сторонъ онъ находилъ въ немъ.

Между прочимъ, онъ рѣшилъ увеличить свою частную собственность, незамѣтно создавая для себя разныя вещицы. Онъ создалъ себѣ пару великолѣпныхъ брильянтовыхъ запонокъ, но быстро уничтожилъ ихъ, когда увидѣлъ, что молодой Гамшоттъ проходитъ къ своей конторкѣ мимо него. Онъ боялся, что молодой Гамшоттъ можетъ спросить, откуда онѣ у него взялись.

Онъ ясно видѣлъ, что пользоваться своимъ даромъ ему слѣдуетъ крайне осмотрительно, но насколько онъ могъ себѣ представить, это было не труднѣе, чѣмъ ѣздить на велосипедѣ, а съ этою трудностью онъ уже научился справляться. Отчасти, можетъ быть, эта мысль, отчасти сознаніе, что его недружелюбно примутъ въ «Длинномъ Драконѣ», заставили его послѣ ужина отправиться гулять по дорожкѣ за газовымъ заводомъ, чтобы наединѣ продѣлать еще нѣсколько чудесъ.

Въ его опытахъ было, пожалуй, мало оригинальнаго: это происходило отъ того, что во всемъ, кромѣ силы воли, м-ръ Фотерингей былъ весьма заурядный человѣкъ.

Ему вспомнилось чудо съ жезломъ Моисея, но вечеръ былъ темный и представлялось небезопаснымъ создавать на улицѣ крупныхъ змѣй чудеснаго свойства. Затѣмъ онъ вспомнилъ чудо изъ «Тангейзера», по сокращенному либретто, которое онъ прочиталъ на оборотѣ программы филармоническаго концерта.

Такое чудо показалось ему необыкновенно привлекательнымъ и безопаснымъ. Онъ воткнулъ свою трость изъ очень красиваго индѣйскаго дерева въ дернъ, окаймлявшій дорожку, и приказалъ сухому дереву зацвѣсти. Воздухъ тотчасъ же наполнился запахомъ розъ, и съ помощью спички онъ увидѣлъ, что это прекрасное чудо совершилось на дѣлѣ. Его удовольствіе было нарушено шумомъ чьихъ-то шаговъ.

Боясь, какъ бы его сила не была преждевременно открыта, онъ поспѣшно приказалъ цвѣтущей палкѣ: «Назадъ». Собственно онъ хотѣлъ сказать: «Оборотись въ прежнее», но заторопился и сбился.

Палка отправилась быстро въ путь, и почти тотчасъ же раздался сердитый крикъ и ругательство подходившаго человѣка.

— Какой это болванъ бросается вѣтками?—вскричалъ голосъ.—Она мнѣ руку ушибла.

— Очень жалѣю, старина,—проговорилъ Фотерингей и тутъ же, замѣтивъ недостаточность своего отвѣта, сталъ по обыкновенію крутить свои усы. Къ нему подходилъ Уинчъ, одинъ изъ трехъ полицейскикъ города Иммеринга.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?—спросилъ полицейскій.—Э, да это тотъ самый человѣкъ, который лампу разбилъ въ «Длинномъ Драконѣ?».

— Ни за чѣмъ не дѣлалъ,—отвѣчалъ Фотерингей,—такъ себѣ...

— Зачѣмъ такъ себѣ?—настаивалъ полицейскій.

— О, чортъ,—вскричалъ м-ръ Фотерингей.

— Какъ, «чортъ»? Вы развѣ не знаете, что палка бьетъ?.. Зачѣмъ вы это сдѣлали, а?

Въ данную минуту м-ръ Фотерингей не могъ придумать никакого иного отвѣта. Его молчаніе, повидимому, раздражало Уинча.—Вы оскорбили полицію, молодой человѣкъ. Вотъ что вы сдѣлали.

— Видите ли, м-ръ Уинчъ,—началъ Фотерингей, еще болѣе смущенно.—Я очень жалѣю, что такъ вышло. Дѣло въ томъ...

— Ну, въ чемъ?

Онъ не могъ ничего придумать и рѣшилъ сказать правду.—Я сдѣлалъ чудо.—Онъ старался произнести это слово небрежнымъ тономъ, но ничего не вышло.

— Сдѣлали чу..! Э, бросьте глупости. Скажите, пожалуйста, онъ сдѣлалъ чудо! Смѣхъ, да и только! Да вѣдь вы тотъ самый молодецъ, который не вѣритъ чудесамъ. Нѣтъ, это опять ваши проклятые фокусы, вотъ это что. Но я вамъ скажу...

Мистеру Фотерингею не пришлось услышать, что именно хотѣлъ сказать ему м-ръ Уинчъ. Онъ понялъ, что самъ себя выдалъ, и что его драгоцѣнная тайна станетъ извѣстна всему свѣту. Сильное раздраженіе увлекло его къ дѣйствіямъ. Онъ быстро и сердито повернулся къ полицейскому.—Ну,—сказалъ онъ,—мнѣ это надоѣло, да. Я покажу вамъ, какіе фокусы, да. Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ, въ самое пекло.

Онъ былъ одинъ!

М-ръ Фотерингей не сталъ больше дѣлать чудесъ въ этотъ вечеръ и не сталъ даже смотрѣть, что сталось съ его зацвѣтшей тростью. Онъ вернулся въ городъ, испуганный, притихшій, и тотчасъ же отправился прямо къ себѣ въ спальню.—Господи!—говорилъ онъ,—какая сила необыкновенная. Я никакъ не думалъ. И хотѣлось бы мнѣ знать, какое это «пекло».

Онъ сѣлъ на кровать и сталъ снимать сапоги. Ему при

шла въ голову счастливая мысль, и онъ переселилъ полицейскаго Уинча въ Санъ-Франциско, а затѣмъ безъ дальнѣйшихъ нарушеній естественной причинности явленій спокойно легъ спать. Ночью ему снился Уинчъ, очень сердитый.

На слѣдующій день м-ръ Фотерингей услышалъ двѣ интересныя новости: во-первыхъ, кто-то насадилъ очень красивый розовый кустъ противъ дома м-ра Гамшотта старшаго, на Луллабороуской дорогѣ, во-вторыхъ, рѣку до самой фабрики Раулинга пройдутъ съ неводомъ и будутъ тамъ искать полицейскаго Уинча.

М-ръ Фотерингей былъ разсѣянъ и задумчивъ весь день; онъ не дѣлалъ больше чудесъ, только принялъ дополнительныя мѣры на счетъ Уинча и, между прочимъ, снабдилъ его въ Санъ-Франциско квартирой и провіантомъ и съ помощью чуда аккуратно окончилъ свою урочную работу, несмотря на рой мыслей, мелькавшихъ въ его головѣ. Многіе замѣтили его необыкновенную разсѣянность и смѣялись надъ нимъ. Но онъ почти все время думалъ объ Уинчѣ.

Въ воскресенье вечеромъ онъ пошелъ въ церковь и, странное дѣло, м-ръ Мейдигъ, который до нѣкоторой степени интересовался оккультизмомъ, сказалъ въ этотъ день проповѣдь «о сверхъестественныхъ силахъ».

М-ръ Фотерингей вообще рѣдко посѣщалъ церковь, но его система категорическаго скептицизма, о которой мы уже упоминали выше, была теперь въ значительной степени поколеблена. Проповѣдь бросала совершенно новый свѣтъ на его вновь открытую способность, и онъ рѣшилъ тотчасъ же послѣ службы сходить посовѣтоваться съ м-ромъ Мейдигомъ. Какъ только онъ принялъ это рѣшеніе, онъ сталъ удивляться, почему не подумалъ объ этомъ раньше.

М-р Мейдигъ, худощавый, нервный человѣкъ, съ очень длинными руками и такой же шеей, былъ очень польщенъ желаніемъ м-ра Фотерингея имѣть съ нимъ частный разго-

воръ. Этотъ молодой человѣкъ, какъ было извѣстно всему городу,—вообще весьма небрежно относился къ религіи.

Сдѣлавъ нѣсколько послѣднихъ распоряженій, онъ вышелъ изъ церкви и повелъ Фотерингея въ священническій домъ, расположенный тутъ же, ввелъ въ кабинетъ, усадилъ какъ можно удобнѣе и, стоя передъ весело пылавшимъ каминомъ,—его ноги бросали длинную тѣнь на противоположную стѣну, — попросилъ м-ра Фотерингея изложить свое дѣло.

Сначала м-ръ Фотерингей былъ нѣсколько смущенъ и не зналъ, какъ приступить къ предмету.—Вы, пожалуй, не повѣрите, м-ръ Мейдигъ, я очень боюсь, — бормоталъ онъ, запинаясь. Наконецъ, онъ рѣшился предложить вопросъ и спросилъ, что м-ръ Мейдигъ думаетъ о чудесахъ.

М-ръ Мейдигъ началъ очень разсудительнымъ тономъ:— Видите ли...,—но м-ръ Фотерингей прервалъ его.—Вы, пожалуй, не станете вѣрить, м-ръ Мейдигъ, чтобы какой-нибудь простой человѣкъ, въ родѣ меня, — вотъ какъ я здѣсь сижу передъ вами,—имѣлъ бы въ своемъ нутрѣ такую силу, что могъ бы только одною *Волей* выдѣлывать разныя штуки.

— Это возможно,—сказалъ м-ръ Мейдигъ, — что-нибудь въ такомъ родѣ весьма возможно.

— Если вы мнѣ позволите распоряжаться, я вамъ это покажу на дѣлѣ,—сказалъ м-ръ Фотерингей.

— Вотъ посмотрите на этотъ ящикъ съ табакомъ, который стоитъ на столѣ. Я хочу знать, считается ли чудомъ то, что я съ нимъ сейчасъ сдѣлаю. Подождите, пожалуйста, полминутки, м-ръ Мейдигъ.

Онъ наморщилъ брови, протянулъ руку къ табачному ящику и проговорилъ: «Сдѣлайся вазой съ фіалками».

Табачный ящикъ тотчасъ же исполнилъ приказъ.

М-ръ Мейдигъ вздрогнулъ. Онъ перевелъ свой взглядъ съ вазы цвѣтовъ на самого чудотворца и потомъ обратно,

но не сказалъ ни слова. Потомъ онъ нерѣшительно нагнулся надъ столомъ и понюхалъ фіалки; онѣ были совсѣмъ свѣжія и прекрасно пахли. Послѣ того онъ снова пристально посмотрѣлъ на м-ра Фотерингея.

— Какъ вы это сдѣлали?—спросилъ онъ.

М-ръ Фотерингей покрутилъ усы.

— Я просто приказалъ,—оно и сдѣлалось... Что это такое,—чудо или черная магія или еще что-нибудь? И какъ вы думаете, при чемъ тутъ я. Вотъ это именно мнѣ и хотѣлось бы знать.

— Это необыкновенно странное явленіе!

— А съ недѣлю тому назадъ я совсѣмъ и не зналъ, что могу все это дѣлать. На меня вдругъ нашло. Тутъ, должно быть, моя воля участвуетъ, а больше того я ничего не понимаю.

— А вы можете дѣлать только это или еще что-нибудь другое?

— О, Господи! вскричалъ Фотерингей.—Да что угодно!— Онъ подумалъ немного и вдругъ вспомнилъ одинъ фокусъ, который когда-то видѣлъ.—Смотрите!—Онъ протянулъ руку: Измѣнись въ вазу съ рыбой, — не то, ухи не надо, — въ стеклянную вазу съ водой и золотыми рыбками...

— Вотъ такъ!..

— Видите, м-ръ Мейдигъ?

— Это удивительно! Это невѣроятно! Вы или самый необыкновенный...

— Я могу измѣнить это во что угодно,—сказалъ м-ръ Фотерингей.—Во что угодно. Смотрите! Сдѣлайся голубемъ, слышишь?

Черезъ минуту сизый голубь леталъ по комнатѣ и м-ръ Мейдигъ наклонялъ голову всякій разъ, какъ онъ пролеталъ около него.

— Остановись, слышишь?—сказалъ м-ръ Фотерингей,— и голубь неподвижно повисъ въ воздухѣ. — Я могу превра-

тить его обратно въ вазу съ цвѣтами,—сказалъ онъ,—и, помѣстивъ голубя на столъ, произвелъ это чудо.

— Вамъ, пожалуй, скоро захочется курить, — замѣтилъ онъ и превратилъ вазу обратно въ ящикъ съ табакомъ.

М-ръ Мейдигъ слѣдилъ за всѣми этими превращеніями въ томъ же глубокомъ молчаніи. Онъ пристально посмотрѣлъ на м-ра Фотерингея, осторожно приподнялъ табачный ящикъ, осмотрѣлъ его и снова поставилъ на столъ. — Такъ!—проговорилъ онъ и ничѣмъ больше не выразилъ своихъ чувствъ.

— Теперь мнѣ легче будетъ разсказать, зачѣмъ я пришелъ,—сказалъ м-ръ Фотерингей. Онъ подробно, хотя и довольно запутанно описалъ свои удивительные опыты, начиная съ лампы въ «Длинномъ Драконѣ», — съ постоянными вставками по поводу м-ра Уинча. Но по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался въ разсказѣ, гордость, вызванная въ немъ изумленіемъ мистера Мейдига, исчезла, и онъ сталъ опять тѣмъ же обыкновеннымъ м-ромъ Фотерингеемъ со всѣми его обычными манерами.

М-ръ Мейдигъ слушалъ внимательно, держа въ рукахъ табачный ящикъ, и выраженіе лица его также измѣнилось во время разсказа. Когда м-ръ Фотерингей сталъ разсказывать чудо третьяго яйца, священникъ перебилъ его, замахавъ протянутой рукой.

— Возможно, — сказалъ онъ, — вполнѣ возможно. Это, конечно, удивительно, но это разрѣшаетъ много запутанныхъ трудностей. Сила творить чудеса есть даръ, особенное свойство, такое же свойство, какъ геній или ясновидѣніе; поэтому она встрѣчается очень рѣдко и лишь у исключительныхъ людей. Но въ этомъ случаѣ... Я всегда удивлялся, какъ могъ дѣлать чудеса Магометъ, и индѣйскіе факиры и г-жа Блаватская. Но теперь все ясно! Это просто особый даръ.

— И это служитъ прекрасной иллюстраціей къ разсужденіямъ великаго мыслителя,—м-ръ Мейдигъ понизилъ голосъ,—его свѣтлости герцога Аргайльскаго. Мы стоимъ здѣсь

передъ глубокимъ закономъ, болѣе глубокимъ, чѣмъ всѣ обыкновенные законы природы... Продолжайте, продолжайте.

М-ръ Фотерингей принялся разсказывать свою непріятную исторію съ Уинчемъ, и м-ръ Мейдигъ, отдѣлавшись отъ излишняго почтенія, началъ двигать руками и ногами, и прерывать разсказъ.

— Это меня всего больше безпокоитъ, — продолжалъ м-ръ Фотерингей,—и за этимъ-то я всего главнѣе и пришелъ къ вамъ. Положимъ, теперь онъ въ Санъ-Франциско,—я даже не знаю, гдѣ именно лежитъ этотъ Санъ-Франциско,—но, видите ли, оно довольно неудобно для насъ обоихъ. Онъ, конечно, и понять не можетъ, что случилось, но я увѣренъ, что онъ сердится страшно и все думаетъ, пожалуй, о томъ, какъ бы отплатить мнѣ.

— Я увѣренъ, что онъ все пробуетъ уѣхать оттуда. Я, каждый разъ, какъ только вспомню объ этомъ, часа черезъ два, черезъ три, отсылаю его обратно помощью чуда. Онъ этого тоже не можетъ понять, и это ему, конечно, не нравится. И ежели онъ еще всякій разъ беретъ билетъ, то это должно ему стоить кучу денегъ.

— Я дѣлаю все, что могу для него, но, конечно, ему трудно стать въ мое положеніе. Напримѣръ, я подумалъ что, можетъ быть, его платье обгорѣло, если правду говорятъ о томъ, какое бываетъ «пекло». Изъ-за этого его могли бы арестовать въ Санъ-Франциско. И я распорядился, чтобы у него въ ту же минуту явилось новое платье. Вотъ видите, какая путаница.

М-ръ Мейдигъ принялъ серьезный видъ.

— Да, путаница. Затруднительная исторія...—онъ не нашелъ, что сказать дальше, и остановился.

— Впрочемъ, оставимъ пока Уинча въ сторонѣ,—началъ онъ снова,—и обсудимъ болѣе важный вопросъ. Я не думаю, чтобы это была черная магія, или что-нибудь въ такомъ родѣ... Я не думаю, чтобы въ этомъ было что-либо

преступное, м-ръ Фотерингей, ни въ какомъ случаѣ. Если только вы не скрыли отъ меня ничего существеннаго. Нѣтъ, это чудеса, чистѣйшія чудеса, если можно такъ выразиться, самаго высшаго сорта.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по ковру предъ каминомъ и размахивалъ руками, а м-ръ Фотерингей сидѣлъ, положивъ руки на столъ, а голову на руки, и казался грустнымъ.

— Рѣшительно не знаю, какъ мнѣ быть съ Уинчемъ,— проговорилъ онъ.

— Съ вашимъ даромъ творить чудеса, — замѣтилъ мистеръ Мейдигъ,—съ такимъ сильнымъ даромъ, вы найдете средство уладить дѣло съ Уинчемъ, будьте спокойны. Дорогой мой, вы очень важная особа, вы человѣкъ, который можетъ удивительно много сдѣлать. Такія вещи...

— Да, я уже придумалъ нѣсколько вещей, — отвѣчалъ м-ръ Фотерингей.—Но онѣ все выходятъ какъ-то неладно.— Вы видѣли ту вазу съ рыбой, первую? — И ваза не такая, и рыба не такая. Вотъ я и хотѣлъ кого-нибудь спросить...

— Прекрасно,—отвѣчалъ м-ръ Мейдигъ,—какъ нельзя болѣе прекрасно.—Онъ остановился и посмотрѣлъ на м-ра Фотерингея:

— Даръ творить чудеса по существу неограниченъ. Испытаемъ теперь же ваши силы. Дѣйствительно ли онѣ... дѣйствительно ли онѣ такія, какъ кажутся...

И вотъ, какъ это ни невѣроятно, но въ кабинетѣ небольшого дома, примыкающаго къ церкви конгрегаціонистовъ, вечеромъ въ воскресенье 10 ноября 1896 г., м-ръ Фотерингей, поощряемый и подстрекаемый м-ромъ Мейдигомъ, началъ творить чудеса.

Мы просимъ читателя обратить особенное вниманіе на это число. Онъ могъ бы подумать, и, пожалуй, уже подумалъ, что нѣкоторыя части этой исторіи неправдоподобны, и что если бы дѣйствительно случилось нѣчто подобное

тому, что мы описываемъ, объ этомъ тогда же было бы написано во всѣхъ газетахъ.

Тотъ случай, который мы сейчасъ разскажемъ, покажется ему особенно невѣроятнымъ, потому, между прочимъ, что, если бы онъ произошелъ въ дѣйствительности, то данный читатель или читательница были бы давно убиты насильственнымъ и небывалымъ способомъ.

Но вѣдь всякое чудо невѣроятно, на то оно и чудо, и въ дѣйствительности читатель *былъ* убитъ насильственнымъ и небывалымъ способомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. При послѣдующемъ ходѣ нашей исторіи это станетъ вполнѣ очевиднымъ для каждаго разумнаго человѣка. Но это еще не конецъ исторіи, это только немного больше ея половины.

Въ началѣ чудеса, которыя дѣлалъ м-ръ Фотерингей, были робкія маленькія чудеса, — пустячныя продѣлки съ чашками и разными мелкими вещицами, чудеса, такія же ничтожныя, какъ, напримѣръ, у Теософистовъ, но, несмотря на ихъ ничтожество, его сотрудникъ смотрѣлъ на нихъ съ благоговѣніемъ. М-ру Фотерингею хотѣлось бы лучше уладить дѣло съ Уинчемъ, но м-ръ Мейдигъ все отвлекалъ его.

Послѣ того, какъ они продѣлали съ дюжину такихъ простенькихъ, домашнихъ чудесъ, сознаніе собственной силы у нихъ выросло, воображеніе ихъ окрылилось, честолюбіе расширилось.

Ихъ первое, болѣе серьезное предпріятіе было вызвано голодомъ и нерадивостью мистриссъ Минчинъ, домоправительницы м-ра Мейдига. Ужинъ, который она подала на столъ, былъ такъ плохъ и такъ мало отвѣчалъ аппетиту двухъ потрудившихся чудотворцевъ, что м-ръ Мейдигъ, пригласившій гостя раздѣлить съ нимъ трапезу, былъ очень сконфуженъ.

Они все-таки сѣли за столъ, и м-ръ Мейдигъ сталъ грустно говорить о неисправности своей экономки. Тогда м-ру Фотерингею пришла въ голову блестящая мысль.

— Какъ вы полагаете, м-ръ Мейдигъ, — сказалъ онъ, — это не будетъ дерзко съ моей стороны? Я...

— Мой дорогой м-ръ Фотерингей! Конечно, нѣтъ! Я никакъ не считаю, что это дерзко!

М-ръ Фотерингей поднялъ руку.

— Что мы закажемъ? — спросилъ онъ тономъ щедраго хозяина, которому ничего не жаль, и по заказу м-ра Мейдига потребовалъ ужинъ, подробно перечисливъ все, что должно было явиться.

— А мнѣ, — сказалъ онъ, окинувъ взглядомъ кушанья выбранныя Мейдигомъ, — больше всего по нраву, въ такое позднее время, кружка портера да хорошій творожникъ; я это для себя и закажу. Бургонское вино мнѣ не очень подходитъ.

И вотъ по его приказу немедленно явились и портеръ и творожникъ.

Они долго сидѣли за ужиномъ и разговаривали, какъ равные — м-ръ Фотерингей замѣтилъ это съ удивленіемъ и восторгомъ — о всѣхъ чудесахъ, какія они натворятъ.

— А между прочимъ, м-ръ Мейдигъ, — предложилъ Фотерингей, — я, если угодно, могъ бы помочь вамъ въ вашей домашней жизни.

— Я не совсѣмъ понимаю, — отвѣчалъ м-ръ Мейдигъ, наливая себѣ стаканъ прекраснаго бургонскаго вина волшебной марки.

М-ръ Фотерингей уже управлялся съ вторымъ творожникомъ, также заказаннымъ въ пространство.

— Да вотъ насчетъ этой мистриссъ Минчинъ (чавъ, чавъ)... Не могу ли я (чавъ, чавъ)... сдѣлать ее поисправнѣе.

М-ръ Мейдигъ поставилъ стаканъ на столъ и выразилъ сомнѣніе на своемъ лицѣ.

— Она... надо вамъ сказать, дорогой м-ръ Фотерингей... очень не любитъ никакого вмѣшательства. И, кромѣ того,

теперь ужъ больше одиннадцати, и она, навѣрно, легла спать. Не думаете ли вы вообще...

Обдумавъ эти возраженія, Фотерингей сказалъ: — А нельзя ли попробовать сдѣлать это во время ея сна?

М-ръ Мейдигъ сначала воспротивился этому необычайному опыту, но потомъ уступилъ. М-ръ Фотерингей отдалъ соотвѣтственный приказъ, и оба чудотворца продолжали свой ужинъ, хотя и не совсѣмъ спокойные въ глубинѣ души.

Впрочемъ, м-ръ Мейдигъ сталъ толковать о тѣхъ перемѣнахъ, какія на слѣдующій день произойдутъ съ его экономкой, съ такимъ оптимизмомъ, который даже Фотерингею показался нѣсколько преувеличеннымъ.

Вдругъ наверху послышался какой-то шумъ. Они переглянулись съ нѣмымъ вопросомъ въ глазахъ, и м-ръ Мейдигъ быстро вышелъ изъ комнаты. М-ръ Фотерингей слышалъ, какъ онъ, стоя внизу у лѣстницы, окликнулъ свою экономку, и затѣмъ осторожными шагами поднялся къ ней наверхъ.

Минуты черезъ двѣ священникъ вернулся легкой походкой, съ сіяющимъ лицомъ.

— Удивительно!—вскричалъ онъ,—и даже трогательно, весьма трогательно!

Онъ принялся шагать по ковру передъ каминомъ.—Раскаяніе, самое трогательное раскаяніе, высказанное сквозь щель въ дверяхъ! Бѣдная женщина! Какая удивительная перемѣна! Она встала. Она тутъ же встала. Она поднялась съ постели, чтобы разбить бутылку водки, которая была спрятана у нея въ сундукѣ. И созналась въ этомъ!... Но это даетъ намъ... Это открываетъ передъ нами, можно сказать, неограниченную перспективу. Если мы могли произвести такую удивительную перемѣну даже въ ней...

— И по моему тоже,—сказалъ м-ръ Фотерингей,—границы нѣтъ никакой... Но что касается м-ра Уинча...

— Конечно, никакой,—подтвердилъ м-ръ Мейдигъ. И

продолжая ходить по ковру, однимъ движеніемъ руки онъ отстранилъ затруднительный вопросъ объ Уинчѣ и потомъ высказалъ цѣлый рядъ удивительныхъ предложеній, которыя только что пришли ему въ голову.

Въ чемъ состояли эти предложенія, не важно для нашей исторіи. Достаточно сказать, что всѣ они дышали безконечною благожелательностью, тою благожелательностью, которую можно назвать послѣобѣденною. Впрочемъ, вопросъ объ Уинчѣ такъ и остался открытымъ. Намъ равнымъ образомъ нѣтъ надобности разсказывать, которыя изъ этихъ предложеній были выполнены. Замѣтимъ только, что произошли удивительныя перемѣны.

Въ полуночные часы м-ръ Мейдигъ и м-ръ Фотерингей, не замѣчая холода, бродили по рыночной площади, при свѣтѣ луны, въ какомъ-то экстазѣ чудотворства; м-ръ Мейдигъ размахихалъ длинными руками, а малорослый Фотерингей шелъ гордо, не смущаясь болѣе своимъ величіемъ.

Они исправили всѣхъ пьяницъ въ своемъ избирательномъ округѣ, превратили все пиво и весь спиртъ въ воду (м-ръ Мейдигъ въ этомъ вопросѣ заставилъ себѣ подчиниться м-ра Фотерингея); затѣмъ, они значительно улучшили мѣстное желѣзнодорожное сообщеніе, осушили Флиндерское болото, улучшили почву на «Холмѣ съ Деревомъ» и свели бородавку у викарія съ носа. Послѣ этого они стали обсуждать, что бы сдѣлать съ подгнившимъ устоемъ Южнаго Моста.

— Нашъ городъ,—восклицалъ м-ръ Мейдигъ,—будетъ завтра неузнаваемъ. Какъ всѣ будутъ удивлены и благодарны намъ!

Въ эту самую минуту церковные часы пробили три.

— Вотъ такъ штука! — вскричалъ м-ръ Фотерингей, — уже три часа! Мнѣ надо итти домой. Я долженъ быть на службѣ въ восемь часовъ. Кромѣ того мистриссъ Уиммсъ...

— Мы только начинаемъ,—возразилъ м-ръ Мейдигъ, со-

всѣмъ увлеченный первымъ упоеніемъ неограниченнаго могущества. — Мы начинаемъ. Подумайте, сколько мы сдѣлаемъ добра. Когда люди проснутся...

— Но...—началъ м-ръ Фотерингей.

М-ръ Мейдигъ быстро схватилъ его за руку. Глаза его сверкали, какъ у безумнаго.—Милый мой,—сказалъ онъ,—вамъ нечего торопиться. Смотрите!—онъ указалъ на луну, стоявшую въ зенитѣ.—Іисусъ Навинъ!

— Іисусъ Навинъ?—переспросилъ м-ръ Фотерингей.

— Да, Іисусъ Навинъ,—повторилъ м-ръ Мейдигъ.

— Почему же нѣтъ? Остановите ее!

М-ръ Фотерингей посмотрѣлъ на луну.

— Это ужъ черезчуръ,—проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Отчего? — сказалъ Мейдигъ. — Впрочемъ, не ее надо остановить. Остановите вращеніе земли, понимаете? Тогда и время остановится. Этимъ мы никому не сдѣлаемъ вреда.

— Гмъ! — произнесъ м-ръ Фотерингей. — Ладно! — Онъ вздохнулъ.—Я попробую. Ну, вотъ...

Онъ застегнулъ пальто и обратился къ обитаемому нами земному шару со всею вѣрою въ свою силу, на какую только былъ способенъ.—Перестань вертѣться, слышишь!—сказалъ м-ръ Фотерингей.

Въ то же мгновеніе онъ полетѣлъ кувыркомъ со скоростью многихъ десятковъ миль въ минуту. Несмотря на безчисленное множество круговъ, которые онъ описывалъ въ каждую секунду, онъ продолжалъ думать; мысль вообще странная вещь, иногда она течетъ медленно, какъ вязкая смола, а иногда мчится съ быстротою молніи.

Онъ думалъ одну секунду и пожелалъ: «Пусть я опущусь на землю цѣлымъ и невредимымъ. Что бы ни случилось, только бы мнѣ опуститься внизъ безъ всякаго вреда».

Онъ какъ разъ во-время пожелалъ этого, такъ какъ его одежды, разогрѣтыя быстрымъ полетомъ по воздуху, уже на-

чали дымиться. Онъ спустился быстро, но безъ всякихъ поврежденій, и упалъ на большую кучу только что взрытой земли.

Какая-то тяжелая постройка изъ камня и металла, очень похожая на башню съ часами, стоявшую среди рыночной площади, грянулась на землю около него, отскочила и разлетѣлась на отдѣльные камни, кирпичи и куски цемента, какъ будто лопнувшая бомба.

Корова, прилетѣвшая сюда же, столкнулась съ однимъ изъ самыхъ крупныхъ обломковъ и разбилась объ него, какъ яйцо о камень.

Раздался оглушительный грохотъ, такой страшный, что въ сравненіи съ нимъ всѣ прошлые взрывы земли казались шелестомъ пыли, осѣвшей на стекло. Потомъ послѣдовалъ рядъ раскатовъ болѣе слабыхъ.

Гроза бушевала съ такой силой, что онъ съ трудомъ могъ поднять голову, чтобъ осмотрѣться кругомъ. Нѣсколько времени онъ не могъ перевести духъ и не умѣлъ сообразить, что случилось. Его первымъ движеніемъ было ощупать свою голову, чтобы убѣдиться, не сорваны ли уже вѣтромъ его волосы долой съ черепа.

— Господи! вскричалъ м-ръ Фотерингей, едва имѣя силу открыть ротъ изъ-за ужасной бури,—я что-то не такъ сдѣлалъ! Что случилось? Какая буря и громъ! А за минуту назадъ была чудесная погода. Это Мейдигъ подучилъ меня. Что за вѣтеръ! Если я буду еще дѣлать такія глупости, со мной навѣрно случится несчастіе...

— Мейдигъ, гдѣ вы?

— Какая кутерьма!

Онъ осмотрѣлся кругомъ, насколько ему позволяло его пальто, завернувшееся на голову. Дѣйствительно, видъ всѣхъ вещей былъ чрезвычайно странный.

— Небо все-таки на мѣстѣ, — проговорилъ м-ръ Фотерингей,—только оно одно осталось безъ перемѣнъ. Но даже

и небо выглядитъ такъ, будто сейчасъ грянетъ буря еще страшнѣе. А вотъ и луна надъ моей головой. Совсѣмъ такъ, какъ была прежде. Свѣтло, какъ въ полдень. Но все остальное... Гдѣ городъ? Гдѣ... гдѣ все? И изъ-за чего поднялся этотъ вѣтеръ? Я не заказывалъ вѣтра...

М-ръ Фотерингей попробовалъ встать на ноги, но тотчасъ же упалъ и такъ и остался на четвереинькахъ, стараясь удержаться хоть въ этомъ положенiи. Онъ смотрѣлъ на залитый луннымъ свѣтомъ мiръ съ подвѣтренной стороны, а полы его пальто развѣвались надъ его головой.

— Что-то серьезно испортилось,—сказалъ м-ръ Фотерингей,—а что именно, Богъ его знаетъ!

Ни близко, ни далеко ничего нельзя было различить; въ бѣломъ сiянiи луны, сквозь облака пыли, которую поднимала завывающая буря, виднѣлись только валившiяся глыбы земли и груды обломковъ; не было ни домовъ, ни деревьевъ, никакихъ предметовъ, привычныхъ для глазъ, ничего кромѣ хаоса, который терялся вдали, среди смерчей и вихрей, въ громѣ и молнiи растущей бури.

Послѣ него зловѣщiй свѣтъ падалъ на нѣчто, что было когда-то вязомъ, а теперь представлялось грудой щепокъ, дрожавшихъ сверху до низу; подальше куча желѣзныхъ перекладинъ, скрученныхъ вмѣстѣ, — по всей вѣроятности остатки водопровода,—выступала изъ безпорядочно наваленныхъ массъ.

Все дѣло было въ томъ, что когда м-ръ Фотерингей остановилъ вращенiе земли, онъ ни слова не сказалъ объ остановкѣ разныхъ движимыхъ предметовъ, находящихся на ея поверхности.

Между тѣмъ земля вертится такъ быстро, что поверхность ея около экватора проходитъ болѣе тысячи миль въ часъ, а въ нашихъ широтахъ около пятисотъ миль въ часъ.

Такимъ образомъ, весь городъ, и м-ръ Мейдигъ, и м-ръ Фотерингей, и все остальное, вслѣдствiе остановки движенiя

земли, полетѣли впередъ съ быстротой девяти миль въ секунду, — т. е. быстрѣе, чѣмъ если бы ими выстрѣлили изъ пушки.

И всѣ люди, всѣ живыя существа, всѣ дома, всѣ деревья, весь видимый нами міръ летѣлъ такимъ образомъ, разбивался и вконецъ уничтожался. Въ этомъ было все дѣло.

М-ръ Фотерингей не былъ способенъ оцѣнить все это, какъ слѣдуетъ. Но онъ видѣлъ, что чудо его оказалось неудачнымъ и сразу почувствовалъ отвращеніе ко всякимъ чудесамъ. Теперь вокругъ него было темно, такъ какъ облака сгустились и закрыли мѣсяцъ, въ воздухѣ носились съ рокотомъ и свистомъ струи намерзавшаго града. Страшный шумъ воды и вѣтра наполнилъ небо и землю. Онъ прикрылъ глаза рукою и сквозь пыль и градъ увидѣлъ при свѣтѣ молніи громадный валъ, надвигавшійся, какъ стѣна, прямо на него.

— Мейдигъ!—раздался слабый голосъ Фотерингея среди бушующихъ стихій.—Сюда! Мейдигъ!

— Стой!—закричалъ м-ръ Фотерингей приближавшейся водѣ,—ради Бога, стой.—Одну минуту,—обратился м-ръ Фотерингей къ грому и молніи. — Остановитесь на минутку, пока я соберусь съ мыслями... Ну, что же мнѣ теперь дѣлать?—спросилъ онъ.—Что мнѣ дѣлать? Господи! Если бы хоть Мейдигъ былъ здѣсь.

— Знаю, — проговорилъ м-ръ Фотерингей. — Дай Богъ, чтобы *теперь* вышло хорошо.

Онъ продолжалъ стоять на четверенькахъ, спиной къ вѣтру, и думалъ только о томъ, чтобы исправить все, какъ можно лучше.

— Ахъ,—сказалъ онъ.—Пусть ни одинъ изъ моихъ приказовъ не исполняется, пока я не скажу: «Гопъ, гопъ!» Господи, отчего это мнѣ раньше не пришло въ голову?

Онъ возвысилъ свой слабый голосъ, и кричалъ все громче

и громче въ тщетномъ желанiи услышать самого себя при ревѣ бури.

— Ну вотъ, я начинаю. Помните, что я сейчасъ сказалъ. Во-первыхъ, когда все, что я скажу, будетъ сдѣлано, пусть я потеряю свою чудесную силу и пусть моя воля станетъ такая, какъ у всякаго другого человѣка, и пусть будетъ конецъ этимъ опаснымъ чудесамъ. Мнѣ ихъ не надо. Лучше бы я совсѣмъ ихъ не творилъ. Вотъ это первое.

А второе, — пусть я стану опять такой, какъ былъ до начала чудесъ; пусть все будетъ опять такое, какъ было прежде, чѣмъ перевернулась эта проклятая лампа. Это большой приказъ, но зато послѣднiй.—Вы поняли, да? Не надо больше чудесъ, пусть все будетъ, какъ было, а я чтобъ былъ въ «Длинномъ Драконѣ» за кружкой пива. Вотъ все! Да!

Онъ врылъ свои пальцы въ землю, закрылъ глаза и крикнулъ: «Гопъ гопъ!»

Все вдругъ замолкло. Онъ замѣтилъ, что стоитъ на ногахъ.

— Это *вы* такъ говорите,—произнесъ чей-то голосъ.

Онъ открылъ глаза. Предъ нимъ была стойка «Длиннаго Дракона» и Тодди Бимишъ. Они вели споръ о чудесахъ.

У него мелькнула мысль о чемъ-то очень важномъ, что онъ забылъ, но эта мысль быстро исчезла. Вы понимаете, что, не считая потери чудодѣйственныхъ способностей, онъ былъ совершенно въ томъ же положенiи, какъ раньше, все стало прежнимъ, слѣдовательно, его умъ и память были совершенно такими же, какъ при началѣ нашей исторiи. Онъ рѣшительно ничего не зналъ о томъ, что мы здѣсь разсказали, не знаетъ и до сихъ поръ. И, между прочимъ, онъ до сихъ поръ не вѣритъ въ чудеса.

— Я вамъ говорю, что настоящiя чудеса никогда не бываютъ,—сказалъ онъ.—Толкуйте, что хотите, я готовъ доказать вамъ это, какъ дважды два.

— Это *вы* такъ говорите,—отвѣчалъ Тодди Бимишъ,— но доказать этого вы не можете.

— Послушайте, м-ръ Бимишъ,—сказалъ м-ръ Фотерингей, — попробуемъ ясно указать, что есть чудо. Чудо бываетъ противно законамъ естества, но оно производится особенной силою воли...

ВОЛШЕБНАЯ ЛАВКА.

(Переводъ К. Чуковскаго).

Издали мнѣ часто случалось видѣть волшебную лавку.

Раза два я проходилъ даже мимо ея окна, гдѣ волшебныя куры, волшебные шары, чудодѣйственные колпаки, загадочныя корзины, чревовѣщающія куклы, колоды картъ—совсѣмъ, какъ настоящія, и множество другихъ такихъ вещей.

Конечно, мнѣ и въ голову не приходило зайти въ эту лавку, но вотъ однажды Джипъ беретъ меня за палецъ и, не говоря ни слова, подводитъ къ окну. При этомъ поведеніе Джипа таково, что не пойти съ нимъ туда становится совершенно невозможно.

Я и не думалъ, чтобы она была здѣсь—эта мало внушительная лавка на Риджентъ-Стритѣ, посрединѣ между багетной мастерской и заведеніемъ для искусственной разводки цыплятъ,—но она оказалась именно здѣсь. Я почему-то воображалъ, что она поближе къ Серкусу, или за угломъ на Оксфордъ-Стритѣ или даже на Гольборнѣ, и всегда почему-то черезъ дорогу, и всегда въ нее трудно пробраться, и всегда она вродѣ какъ бы миражъ,—но вотъ она здѣсь, въ этомъ нѣтъ никакихъ сомнѣній, и пухлый кончикъ указательнаго Джипова пальца стучитъ по ея стеклу.

— Если бъ я былъ богачъ,—сказалъ Джипъ, тыча пальцемъ въ «*исчезающее яйцо*»,—я бы купилъ себѣ это. И

это,—онъ указалъ на «*крикливаго младенца*»,—и это (это былъ таинственный предметъ, который, какъ значилось на приложенной табличкѣ, назывался: «*купи—и удивляй друзей*»)...

— А подъ этимъ колпакомъ,—сказалъ Джипъ,—пропадаетъ все, что ни положи. Я читалъ объ этомъ въ книгѣ...

— А вонъ, папа, «исчезающая копѣйка», только она далеко и отсюда ее плохо видно...

Милый Джипъ унаслѣдовалъ черты своей матушки: онъ вовсе и не звалъ меня въ лавку, и не докучалъ приставаніями,—онъ только держалъ меня за палецъ и,—совершенно безсознательно,—увлекалъ меня къ дверямъ. И такимъ образомъ насчетъ его вкусовъ не могло остаться никакихъ сомнѣній.

— Вотъ! —сказалъ онъ и указалъ на «*волшебную бутылку*».

— А если бъ у тебя она была?—спросилъ я, и, услышавъ въ этомъ вопросѣ обѣщаніе, Джипъ тотчасъ же отвѣтилъ, просіявъ:

— Я бы показалъ ее нянѣ!

Онъ всегда заботится о другихъ.

— До твоихъ именинъ все же меньше трехъ мѣсяцевъ, Джипъ,—сказалъ я и взялся за ручку двери.

Джипъ не отвѣтилъ, но еще сильнѣе сжалъ мой палецъ, и мы вошли.

Это была не простая лавка, это была лавка волшебная. И той величавости, которая всегда отличаетъ Джипа при покупкѣ простыхъ игрушекъ, здѣсь, поэтому, не было и въ поминѣ.

Всю тяжесть переговоровъ Джипъ возложилъ на меня.

Это была крошечная, тѣсноватая, полутемная лавченка, съ дребезжащимъ колокольчикомъ въ дверяхъ. Мы оказались одни и могли оглядѣться вокругъ. Вотъ тигръ изъ папье-маше; онъ на стеклянномъ ящикѣ, занимающемъ всю

невысокую стойку,—солидный, добродушный тигръ, такъ размѣренно качающій головой. Вотъ хрустальные шары всѣхъ родовъ. Вотъ фарфоровая рука съ колодой магическихъ картъ. Вотъ вазы съ волшебными рыбками различныхъ величинъ. Вотъ нескромная магическая шляпа, безстыдно выставляющая напоказъ всѣ свои пружины.

На полу были разставлены магическія зеркала. Одно вытягивало и суживало васъ, другое отнимало у васъ ноги и превращало вашу голову въ лепешку, третье дѣлало изъ васъ какого-то круглаго лилипута. И пока мы хохотали передъ этими зеркалами, откуда-то появился хозяинъ.

По крайней мѣрѣ только теперь мы замѣтили за стойкою черненькаго, блѣдненькаго человѣка. Одно ухо у него было больше другого, а подбородокъ былъ, какъ носокъ башмака.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ и распростеръ свои длинные магическіе пальцы по всему прилавку. Мы вздрогнули, ибо до той поры не подозрѣвали о его присутствіи.

— Я бы хотѣлъ,—сказалъ я,—купить моему малышу какую-нибудь игрушку, только, пожалуйста, попроще.

— Фокусы?—сказалъ онъ.—Прикажете ручные или механическіе?

— Которые позабавнѣе,—сказалъ я.

— Гм,—произнесъ продавецъ и сталъ почесывать голову, какъ бы размышляя. Потомъ совершенно открыто вынулъ у себя изъ головы стеклянный шарикъ.

— Прикажете въ такомъ родѣ?—спросилъ онъ и подалъ его мнѣ.

Я не ждалъ ничего подобнаго. Множество разъ мнѣ случалось видѣть такой фокусъ,—безъ него не обойдется ни одинъ фигляръ средней руки,—но здѣсь это было неожиданно.

— Недурно!—сказалъ я со смѣхомъ.

— Не такъ ли?—сказалъ продавецъ.

Джипъ потянулся свободной рукою за стеклянным шарикомъ, но въ рукѣ у продавца ничего не оказалось.

— Онъ у васъ въ карманѣ,—сказалъ продавецъ, и, дѣйствительно, шарикъ оказался тамъ.

— За стеклянныя бусы у насъ денегъ не полагается,— учтиво сказалъ продавецъ.—Онѣ достаются намъ,—тутъ онъ вытащилъ еще одинъ шарикъ у себя изъ затылка,—даромъ.

Онъ поймалъ еще одинъ у себя на локтѣ и положилъ его рядомъ съ предыдущимъ.

Джипъ, не торопясь, оглядѣлъ свой шарикъ, потомъ тѣ, что лежали на стойкѣ, потомъ смѣрилъ глазами продавца; тотъ стоялъ и ухмылялся.

— Можете взять себѣ и эти,—сказалъ онъ,—а также, если не брезгаете,—и у меня изо рта. Вотъ!

Джипъ переглянулся со мною, ища совѣта, а потомъ, въ глубочайшемъ молчанiи, сгребъ всѣ четыре шарика, опять ухватился за мой успокоительный палецъ и приготовился къ дальнѣйшимъ событiямъ.

— Такъ мы добываемъ всѣ наши товары, которые помельче,—объяснилъ продавецъ.

Я засмѣялся и, подхвативъ его остроту, сказалъ:

— Вмѣсто того, чтобы обращаться въ оптовый складъ. Оно, конечно, дешевле.

— Пожалуй,—сказалъ продавецъ.—Хотя въ концѣ концовъ и намъ приходится платить. Не такъ ужъ много, какъ думаютъ иные. Товары покрупнѣе, а также ѣду и одежду, и все, что намъ нужно, мы достаемъ вотъ изъ этой шляпы. И позвольте мнѣ завѣрить васъ, господинъ, что на свѣтѣ совсѣмъ не бываетъ оптоваго склада настоящихъ волшебныхъ товаровъ. Угодно вамъ было замѣтить наше клеймо: «настоящая волшебная лавка».

Онъ вытащилъ изъ-за щеки прейсъ-курантъ и отдалъ его мнѣ.

— Настоящая, — сказалъ онъ, указывая пальцемъ, и, спустя немного, прибавилъ:

— У насъ безъ обмана, сэръ.

Потомъ обратился къ Джипу, съ очаровательной улыбкой.

— Знаете, вы очень хорошій мальчикъ...

Я удивился, откуда онъ имѣетъ свѣдѣнія, которыя въ интересахъ воспитанія мы держали въ секретѣ даже отъ домашнихъ. Но на Джипа это сообщеніе подѣйствовало мало, и онъ попрежнему продолжалъ смотрѣть на продавца въ непреклонномъ молчаніи.

— Такъ какъ только очень хорошіе мальчики могутъ пройти въ эту дверь.

И тотчасъ же, какъ бы въ видѣ иллюстраціи, раздался стукъ въ дверь и тоненькій пискливый голосокъ еле слышно проговорилъ:

— Я хочу войти, папа! Папа, я хочу войти! И-и-и!

А вслѣдъ за нимъ увѣщевающій голосъ отца:

— Но вѣдь заперто, Эдвардъ, нельзя!

— Совсѣмъ не заперто!—сказалъ я.

— Нѣтъ, сэръ, у насъ всегда заперто для такихъ дѣтей,—сказалъ продавецъ, и при этомъ передъ нами показалось въ окнѣ крошечное блѣдное личико, позеленѣвшее отъ множества сладостей и лакомствъ, искривленное отъ вѣчныхъ капризовъ, личико безсердечнаго маленькаго себялюбца, царапающагося въ заколдованную дверь.

— Не поможетъ, сэръ!—сказалъ торговецъ, замѣчая, что я хочу пособить и направляюсь къ двери. Вскорѣ испорченный мальчикъ скрылся.

— Какъ это у васъ дѣлается? — сказалъ я, переводя духъ.

— Магія!—отвѣтилъ торговецъ, небрежно махнувъ рукой. И, ахъ! разноцвѣтныя искры вылетѣли изъ его пальцевъ и погасли въ полутьмѣ магазина.

— Вы говорили тамъ, на улицѣ,—сказалъ торговецъ,

обращаясь къ Джипу,—что хотѣли бы имѣть ту нашу коробку, которая зовется «*Купи—и удивляй друзей*»!

Джипъ подумалъ и сказалъ:

— Да.

— Она у васъ въ карманѣ.

И перегнувшись черезъ прилавокъ—у него оказалось тѣло необычайной длины,—этотъ изумительный человѣкъ вытащилъ съ обычными ужимками фокусника у Джипа изъ кармана коробку.

— Бумага! — сказалъ онъ потомъ,—и досталъ большой листъ изъ пустой шляпы съ пружинами.

— Бичевка!—и во рту у него оказался клубокъ бичевокъ, отъ котораго онъ сталъ отматывать безконечную нить, перевязалъ ею свертокъ, перекусилъ зубами, а клубокъ, какъ мнѣ показалось, проглотилъ.

Потомъ онъ зажегъ свѣчу на носу у какого-то болванчика для чревовѣщанія, сунулъ въ огонь палецъ (который тотчасъ же превратился въ палочку краснаго сургуча) и запечаталъ нашу покупку.

— Кромѣ того, вамъ нравилось «*Исчезающее яйцо*»,— замѣтилъ онъ, вытаскивая это яйцо у меня изъ бокового кармана и завернулъ его въ бумагу вмѣстѣ съ «Крикливымъ Младенцемъ». И по мѣрѣ того, какъ каждый свертокъ бывалъ готовъ, онъ вручалъ его Джипу, а тотъ крѣпко прижималъ его къ груди.

Джипъ говорилъ очень мало, но глаза его были краснорѣчивы; и то, какъ онъ сжималъ мой палецъ, было еще краснорѣчивѣе словъ. Его душа была ареной невыразимыхъ страстей. Здѣсь поистинѣ была *настоящая* магія.

Но тутъ я вздрогнулъ и почувствовалъ, что что-то шевелится у меня подъ шляпой, — что-то нѣжное, живое; я схватился за шляпу, и голубь со смятыми перьями, несомнѣнно заговорщикъ, выпалъ оттуда, шмыгнулъ по при-

лавку и спрятался въ картонную коробку, за тигромъ изъ папье-маше.

— Ай-ай-ай!—сказалъ продавецъ,—ловкимъ движеніемъ снимая съ меня опять мой головной уборъ,—эта глупая птица... чортъ возьми... устроила гнѣздо...

Онъ сталъ трясти мою шляпу и вытряхнулъ оттуда два или три яйца, крупный камешекъ, часы, съ полдюжины неизбѣжныхъ стеклянныхъ шариковъ, и мятую, путанную, вьющуюся бумагу, еще, и еще, и еще, и распространялся все время о томъ, что очень многіе люди совершенно напрасно чистятъ свои шляпы только сверху и забываютъ почистить ихъ внутри,—все это, разумѣется, очень вѣжливо, но не безъ личныхъ намековъ.

— Накопляется цѣлая куча сору... Конечно, не у васъ у одного... Чуть не у каждаго покупателя... Чего только люди не носятъ съ собой!

Мятая бумага росла и вздымалась на стойкѣ все выше и выше, и выше, и *почти* заслонила его отъ насъ и *совсѣмъ* заслонила его отъ насъ, и только голосъ его раздавался по прежнему:

— Никто изъ насъ не знаетъ, что скрывается иногда за красивой человѣческой внѣшностью. И неужели мы всѣ только вычищены сверху, и похожи на бѣленыя гробницы...

Его голосъ остановился—точь-въ-точь такъ, какъ остановился бы у вашего сосѣда граммофонъ отъ ловко брошеннаго камня,—такое же внезапное молчаніе: прекратилось шуршаніе бумаги и настала полная тишина.

— Что, уже покончили съ моей шляпой?—спросилъ я черезъ нѣсколько минутъ.

Отвѣта не было.

Я поглядѣлъ на Джипа; Джипъ поглядѣлъ на меня, и наши искаженныя лица отразились въ магическихъ зеркалахъ и были они очень загадочны, серьезны и спокойны...

— Я думаю, намъ пора!—сказалъ я.—Будьте добры, скажите, сколько съ насъ слѣдуетъ?

— Послушайте,—сказалъ я, тономъ выше,—я хочу расплатиться... И, пожалуйста, мою шляпу.

Изъ-за груды бумагъ, кажется, послышалось сопѣніе.

— Насъ просто дурачатъ!—сказалъ я.—Пойдемъ-ка, Джипъ, поглядимъ за прилавокъ.

Мы обошли того тигра, что качалъ головой, и что же! За прилавкомъ не оказалось никого. На полу валялась моя шляпа да рядомъ съ нею въ глубокой задумчивости, съежившись, сидѣлъ вислоухій кроликъ, бѣленькій, самый обыкновенный, именно такой, какіе бываютъ у фокусниковъ, и съ точно такимъ же глупымъ видомъ. Я нагнулся за шляпой, а кроликъ отпрыгнулъ отъ меня.

— Папа!—шепнулъ Джипъ таинственнымъ тономъ.

— Что?

— Мнѣ здѣсь нравится.

И мнѣ бы тоже нравилось, если бы эта стойка не вытянулась вдругъ, чортъ знаетъ какъ, и не загородила бы намъ дорогу,—подумалъ я про себя, но Джипу не сказалъ ничего.

— Кисынька!—сказалъ онъ и протянулъ руку къ кролику.—Кисынька! сдѣлай-ка Джипу фокусъ!—Кроликъ прошмыгнулъ въ дверцу, которой я раньше почему-то не замѣтилъ, и въ ту же минуту оттуда показался прежній человѣкъ, съ однимъ ухомъ длиннѣе другого. Онъ все еще улыбался, но когда наши взоры встрѣтились, я замѣтилъ въ его глазахъ не то вызовъ, не то какое-то торжество.

— Не угодно ли осмотрѣть наши товары, сэръ?—какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ онъ.

Джипъ потянулъ мой палецъ впередъ. Я посмотрѣлъ на стойку, потомъ на продавца, и глаза наши встрѣтились снова. Я начиналъ уже думать, что все это, пожалуй, черезчуръ настоящая магія.

— Но у насъ не слишкомъ много времени,—сказалъ я. Тѣмъ не менѣе, мы оказались въ другой комнатѣ, гдѣ были разставлены товары для обозрѣнія.

— Всѣ товары у насъ одного достоинства,—сказалъ продавецъ, потирая гибкія руки,—но эти товары лучше всѣхъ. Здѣсь одна только настоящая магія, другой мы не держимъ. У насъ, господа, съ ручательствомъ... Прошу прощенія, сэръ!

Я почувствовалъ, какъ онъ отрываетъ что-то у меня отъ рукава и, оглянувшись, увидѣлъ, что онъ держитъ за хвостъ крошечнаго краснаго чертика, а тотъ извивается, и дергается, и наровитъ укусить его за руку, пока онъ не швырнулъ его подъ стойку. Конечно, чертикъ былъ резиновый, но на минуту... И движенія у того человѣка были совсѣмъ такія, какъ будто онъ держалъ какую-нибудь ядовитую гадину. Я посмотрѣлъ на Джипа, но его взоры были устремлены на волшебную деревянную лошадь. У меня отлегло отъ сердца.— Послушайте,—сказалъ я продавцу, понижая голосъ и указывая глазами то на Джипа, то на краснаго черта,—надѣюсь, у васъ не слишкомъ много такихъ... издѣлій, не правда-ли?

— Совсѣмъ не держимъ! Должно быть, вы занесли его съ улицы,—сказалъ продавецъ, тоже понизивъ голосъ и озаряясь улыбкой убѣдительнѣе прежней.—То-есть чего только не таскаютъ люди съ собою, и сами не знаютъ!

Потомъ онъ обратился къ Джипу:

— Вы уже что-нибудь выбрали?

Тамъ было много такого, что Джипъ уже выбралъ.

Онъ почтительно и конфиденціально обратился къ нашему сверхъестественному продавцу:

— А эта сабля—она волшебная?—спросилъ онъ.

— «Волшебная игрушечная сабля»—не гнется, не ломается, не обрѣзаетъ пальцевъ. Кто имѣетъ эту саблю, тотъ выйдетъ цѣлъ и невредимъ изъ любого единоборства съ любымъ врагомъ не старше восемнадцати... Отъ двухъ съ

половиной шиллинговъ, до семи съ половиной, въ зависимости отъ размѣровъ... Это оружіе, пришитое къ картону—спеціально для дѣтей и очень полезно для игры въ рыцари: волшебный щитъ, сапоги-скороходы и шапка-невидимка.

— О, папа!—воскликнулъ Джипъ.

Я попытался узнать ихъ цѣну, но продавецъ не обратилъ на меня вниманія. Теперь онъ вполнѣ овладѣлъ Джипомъ. Онъ оторвалъ его отъ моего пальца и теперь съ головою ушелъ въ свои проклятые товары, и ничто не могло удержать его. Вскорѣ я замѣтилъ, съ непріятной тревогой и съ какимъ-то чувствомъ, похожимъ на ревность, что Джипъ ухватился за палецъ этого господина точь-въ-точь такъ, какъ недавно за мой.—Конечно,—думалъ я,—этотъ господинъ занятный, и у него тутъ накоплено много прелюбопытной дряни, но все-таки...

Я побрелъ за ними, не говоря ни слова, но зорко приглядывая за этимъ молодцомъ. Въ концѣ концовъ Джипу это доставляло удовольствіе. А когда придетъ пора уходить, мы уйдемъ изъ этой лавки, какъ изо всякой другой.

Для выставки товаровъ служило продолговатое помѣщеніе, длинная галлерея, прерываемая всякими столбами, подпорами, стойками. Справа и слѣва отдѣльные ходы вели въ боковыя помѣщенія и тамъ слонялись безъ дѣла и зѣвали по сторонамъ приказчики самаго страннаго вида; и на каждомъ шагу преграждали намъ путь и сбивали съ толку разныя портьеры и зеркала—до того сбивали съ толку, что вскорѣ я окончательно потерялъ изъ вида ту дверь, въ какую мы вошли.

Продавецъ показалъ Джипу волшебные поѣзда, которые двигались безъ пара и пружины, по вашему сигналу, а также драгоцѣнныя коробки съ оловянными солдатиками, которые становились живыми, чуть вы поднимали крышку и дѣлали языкомъ... Какъ передать этотъ звукъ, я не знаю, такъ какъ слухъ у меня не важный,—но Джипъ—у него тонкое

ухо, отъ его матери,—тотчасъ же его уловилъ.—Браво!—воскликнулъ продавецъ, складывая, весьма безцеремонно, человѣчковъ обратно въ коробку и передавая ихъ Джипу.—Ну, теперь вы!—и въ одно мгновеніе Джипъ воскресилъ ихъ опять.

— Изволите взять эту коробку?—спросилъ продавецъ.

— Я бы взялъ коробку,—сказалъ я—если вы возьмете съ меня меньше, чѣмъ она стоитъ. А иначе нужно быть милліонеромъ...

— Богъ съ вами!—и продавецъ снова впихнулъ человѣчковъ въ коробку, захлопнулъ крышку, помахалъ коробкой въ воздухѣ, и тотчасъ же она оказалась перевязана бичевкой, обвернута въ сѣрую бумагу, *а на бумагѣ появился полный адресъ и полное имя Джипа!*

Видя мое изумленіе, продавецъ засмѣялся.

— У насъ настоящая магія,—сказалъ онъ.—Поддѣлокъ не держимъ.

— По моему, она черезчуръ настоящая,—отозвался я.

Послѣ этого онъ сталъ показывать Джипу различныя игрушки, очень оригинальныя, а при его необычайныхъ манерахъ онѣ казались еще оригинальнѣе.

Онъ объяснялъ ихъ устройство и выворачивалъ ихъ на-изнанку, и мой милый малышъ, страшно серьезный, кивалъ ему головою съ видомъ большого знатока.

Я не могъ услѣдить за ними.—Живо!—кричалъ Волшебный Купецъ, и вслѣдъ за нимъ чистый дѣтскій голосъ лихо повторялъ:—Живо!—Но меня отвлекло другое. Меня вдругъ охватила страшная чудесность всего этого мѣста. Ею было проникнуто все: полъ, потолокъ, стѣны, каждый гвоздь, каждый стулъ, какъ бы естественно все это ни казалось съ перваго взгляда. Меня не покидало странное чувство,—что, стоитъ мнѣ только отвернуться, и все это запляшетъ, задвижется, пойдетъ въ круговую, и начнетъ играть у меня за спиной въ чехарду. И карнизъ проползалъ, какъ змѣя, и

лѣпныя маски по угламъ были такъ выразительны, словно совсѣмъ не изъ гипса.

Но внезапно вниманіе мое было привлечено поведеніемъ одного изъ этихъ волшебныхъ приказчиковъ.

Онъ стоялъ въ сторонкѣ и, очевидно, не зналъ о моемъ присутствіи—мнѣ онъ былъ виденъ не весь, его ноги заслонялись игрушками, и, кромѣ того, насъ отдѣляла арка,--онъ безпечно стоялъ, прислонясь къ столбу, и продѣлывалъ со своимъ лицомъ самыя невозможныя вещи. Особенно ужасно было то, что онъ дѣлалъ со своимъ носомъ—и, главное, все это такъ, какъ будто отъ нечего дѣлать и будто онъ хочетъ чѣмъ-нибудь развлечься. Сначала у него былъ короткій приплюснутый носъ, потомъ неожиданно онъ вытянулся, какъ телескопъ, а потомъ онъ дѣлался все тоньше и тоньше и сталъ какъ длинный, красный, извилистый кнутъ. Это было, какъ въ кошмарѣ. Онъ размахивалъ своимъ носомъ и забрасывалъ его впередъ, какъ рыболовъ забрасываетъ удочку.

Тутъ я спохватился, что это зрѣлище совсѣмъ не для Джипа. Я оглянулся и увидѣлъ, что все его вниманіе поглощено продавцомъ, и никакая скверна не коснулась его. Они о чемъ-то шептались и поглядывали на меня. Джипъ взобрался на стулъ, а купецъ держалъ въ рукѣ что-то вродѣ огромнаго барабана.

— Идемъ, папа, въ прятки!—вскричалъ Джипъ. — Ищи!

И не успѣлъ я вмѣшаться, какъ продавецъ накрылъ его этимъ большимъ барабаномъ.

Тогда я понялъ въ чемъ дѣло.—Поднимите это,—закричалъ я,—сію же минуту! Вы напугаете ребенка! Долой!

Человѣкъ съ неровными ушами безпрекословно повиновался и протянулъ ко мнѣ этотъ большой цилиндръ, дабы я могъ вполнѣ убѣдиться, что онъ былъ пустъ! И на стулѣ не было никого! Мой сынъ исчезъ. Въ одно мгновеніе.

Вы, можетъ быть, знаете это внезапное чувство, которое приходитъ, какъ рука изъ какого-то невидимаго міра,

и крѣпко сжимаетъ сердце? Вы знаете, что оно уноситъ ваше обычное *я* куда-то прочь, и вы сразу напрягаетесь и становитесь осмотрительны и предпріимчивы, не медлите, не торопитесь, не сердитесь и не страшитесь. Такъ было и со мною.

Я подошелъ къ этому ухмылявшемуся торгашу и опрокинулъ его стулъ вверхъ ногами.

— Оставьте эти шутки, — сказалъ я, — гдѣ мой сынъ?

— Вы видите, — сказалъ онъ, показывая мнѣ барабанъ, — никакого обмана...

Я протянулъ руку, чтобы схватить его за шиворотъ, но, ловко извернувшись, онъ ускользнулъ отъ меня. Я бросился на него опять, но онъ опять увильнулъ и широко открылъ для побѣга какую-то дверь. — Стой! — крикнулъ я, онъ со смѣхомъ отпрянулъ въ сторону, и я со всего размаха вылетѣлъ — во тьму.

Хлопъ!

— Фу, ты, чортъ! я васъ и не замѣтилъ.

Я очутился на Риджентъ-Стритѣ и столкнулся съ какимъ-то очень почтеннымъ рабочимъ. А невдалекѣ отъ меня, слегка растерявшись, стоялъ Джипъ. Я кое-какъ извинился, и съ ясной улыбкой Джипъ подбѣжалъ ко мнѣ, какъ будто онъ только что отсталъ отъ меня и теперь торопился догнать.

И въ рукахъ у него было четыре пакета!

Онъ тотчасъ же завладѣлъ моимъ пальцемъ.

Въ первое время я не зналъ, что и думать. Я озирался по сторонамъ, въ надеждѣ отыскать гдѣ-нибудь нашу волшебную лавку, — но ея нигдѣ не было. Ни лавки, ни дверей, ничего. Самый обыкновенный простѣнокъ между багетной мастерской и окномъ съ цыплятами!..

Я сдѣлалъ то, что только и возможно въ такомъ положеніи: всталъ на краю тротуара и кликнулъ кэбъ. Потомъ я усадилъ Джипа, вспомнилъ не безъ труда свой адресъ, и

тоже забрался въ кэбъ. Тутъ я почувствовалъ что-то необычное у себя въ карманѣ и вынулъ оттуда стеклянный шарикъ. Рѣзкимъ движеніемъ я бросилъ его на мостовую.

Джипъ не сказалъ ни слова.

Нѣкоторое время мы оба молчали.

— Папа!—сказалъ, наконецъ, Джипъ,—это была очень хорошая лавка.

Я поспѣшилъ разрѣшить вопросъ, какъ онъ смотритъ на все случившееся. Онъ оказался совершенно цѣлъ и невредимъ,—это главное. Онъ не былъ запуганъ, онъ не былъ разстроенъ, онъ просто былъ страшно доволенъ всѣмъ этимъ днемъ, и, кромѣ того, у него въ рукахъ было четыре пакета, Узнать бы поскорѣе, что тамъ такое!

— Гмъ!—сказалъ я.—Маленькимъ дѣтямъ нельзя каждый день ходить въ такія лавки!

Онъ принялъ эти слова съ обычнымъ стоицизмомъ, и на минуту я даже пожалѣлъ, что былъ его отецъ, а не мать, и не могъ тутъ же на извозчикѣ, *coram publico*, расцѣловать его.—Въ концѣ концовъ,—думалъ я,—все это не такъ ужъ и плохо.

Но окончательно утвердился я въ этомъ мнѣніи лишь тогда, когда мы распаковали наши свертки. Въ трехъ сверткахъ оказались коробки съ обыкновенными оловянными солдатиками, но такого хорошаго качества, что Джипъ совершенно забылъ о тѣхъ «Настоящихъ Волшебныхъ Солдатахъ», которыхъ онъ видѣлъ въ лавкѣ, а въ четвертомъ сверткѣ былъ котенокъ, маленькій, бѣленькій живой котенокъ, очень веселый и съ прекраснымъ аппетитомъ.

Я слѣдилъ за этимъ котенкомъ съ чувствомъ необыкновеннаго облегченія. Я проторчалъ въ дѣтской, не знаю, сколько времени...

Это случилось шесть мѣсяцевъ назадъ. И теперь я начинаю думать, что никакой бѣды не произошло. Въ котенкѣ оказалось столько же магическаго, сколько во всѣхъ дру-

гихъ котятахъ. Солдаты оказались такіе стойкіе, что ими былъ бы доволенъ любой полковникъ. Что же касается Джипа...

Чуткіе родители согласятся со мною, что съ нимъ я долженъ былъ соблюдать особенную осторожность.

Недавно я въ этомъ отношеніи зашелъ довольно далеко. Я сказалъ:

— Что бы ты сдѣлалъ, Джипъ, если бы твои солдаты стали вдругъ живыми и пошли бы маршировать?

— Мои и такъ живые,—сказалъ Джипъ.—Стоитъ мнѣ только сказать одно слово, когда я открываю коробку.

— И они маршируютъ?

— Еще бы! Иначе за что же ихъ и любить!

Я не выказалъ большого удивленія и пробовалъ нѣсколько разъ, чуть только онъ возьмется за своихъ солдатиковъ, нежданно входить къ нему въ комнату, но никакихъ признаковъ волшебнаго поведенія я до сихъ поръ не замѣтилъ за ними.

Еще нѣсколько словъ: о деньгахъ.

У меня неизлѣчимая привычка всегда платить по счетамъ. Я исходилъ вдоль и поперекъ весь Риджентъ-Стритъ, но лавки этой я не нашелъ.

Тѣмъ не менѣе я склоненъ думать, что, съ моей стороны, здѣсь ничего некорректнаго не было и что, разъ имъ извѣстенъ мой адресъ, они могутъ во всякое время явиться ко мнѣ и получить по счету.

М-РЪ СКЕЛЬМЕРСДЭЛЬ ВЪ ЦАРСТВѢ ФЕИ.

(Переводъ Е. А. Прейсъ).

— Вотъ въ этой лавкѣ,—сказалъ докторъ,—есть человѣкъ, побывавшій въ Царствѣ Фей.

— Чепуха!—сказалъ я, окинувъ взглядомъ лавку. Самая обыкновенная деревенская лавчонка съ почтовымъ отдѣленіемъ:—телеграфныя проволоки на крышѣ, у дверей цинковыя кастрюли и половыя щетки; матеріи и консервы въ окнѣ.

— Разскажите-ка мнѣ объ этомъ,—сказалъ я помолчавъ.

— Я-то вѣдь ничего не знаю,—отвѣтилъ докторъ.— Онъ—самая ординарная деревенщина, — Скельмерсдэль его фамилія. Но всѣ здѣсь вѣрятъ въ это, какъ въ правду Господню.

Я сталъ настаивать.

— Да я рѣшительно ничего не знаю объ этомъ,—сказалъ докторъ,—да и знать не хочу. Я лѣчилъ ему сломанный палецъ—въ крикетѣ онъ сломалъ его, въ кону Холостыхъ и Женатыхъ,—и тогда я услышалъ объ этой чепухѣ. Вотъ и все. Но изъ этого вы, можетъ быть, поймете все-таки, съ какими дураками мнѣ приходится имѣть дѣло. Извольте распространять новѣйшія санитарныя идеи въ такомъ народѣ!

— Ужасно!—сказалъ я сочувственнымъ тономъ, и онъ принялся разсказывать мнѣ, съ какими хлопотами сопря-

жено устройство дренажа въ Бонгемской околицѣ. Я давно замѣтилъ, что санитарные чиновники способны приходить въ уныніе отъ такихъ вещей и потому старался выразить ему сочувствіе, какъ только могъ. Когда онъ назвалъ Бонгемскихъ жителей «ослами», я сказалъ, что они «толстокожіе ослы», но ничто не могло успокоить его.

Нѣсколько времени спустя, уже въ разгарѣ лѣта, настоятельная потребность уединиться, чтобы закончить въ моей книгѣ главу о Патологіи Духа—я думаю, ее было труднѣе написать, чѣмъ даже теперь прочесть—привело меня въ Бигноръ. Я поселился на фермѣ, но вскорѣ въ поискахъ за табакомъ опять очутился передъ этой универсальной лавкой.

— Скельмерсдэль,—сказалъ я самому себѣ и вошелъ.

Ко мнѣ вышелъ навстрѣчу невысокій, но хорошо сложенный молодой человѣкъ, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, свѣтлыми волосами, хорошими мелкими зубами, голубыми глазами и неторопливыми движеніями. Я разглядывалъ его съ любопытствомъ. За исключеніемъ легкаго оттѣнка унылости, въ немъ не было ничего необыкновеннаго. Онъ былъ въ нарукавникахъ и въ полотняномъ фартукѣ,—какъ и подобаетъ приказчику, а изъ-за уха скромно выглядывалъ кончикъ карандаша. Поперекъ чернаго жилета блестѣла золотая цѣпь, на которой болтался погнутый червонецъ.

— Больше ничего не потребуется, сэръ?—сказалъ онъ, склонившись надъ моимъ счетомъ.

— Вы м-ръ Скельмерсдэль?—спросилъ я.

— Да, сэръ,—отвѣтилъ онъ, не глядя на меня.

— Правда ли, что вы побывали въ Царствѣ Фей?

Онъ поднялъ на меня глаза и, нахмуривъ брови, проговорилъ тоскливо и свирѣпо: «Отстаньте!» Но это было только мгновенной вспышкой, и онъ уже опять подсчитывалъ мой счетъ.—Четыре...—Шесть съ половиной,—сказалъ онъ послѣ паузы.—Благодарю васъ, сэръ.

Такъ малообѣщающе началось мое знакомство съ м-ромъ Скельмерсдэлемъ.

И тѣмъ не менѣе путемъ настойчивыхъ усилій я завоевалъ его довѣріе. Мнѣ удалось повстрѣчаться съ нимъ опять, уже въ деревенскомъ трактирѣ, куда послѣ ужина я часто отправлялся поиграть на билліардѣ, чтобы нѣсколько развлечься отъ чрезмѣрнаго уединенія и усердной дневной работы. И я добился того, что мы играли съ нимъ и болтали, но Феи и ихъ царство оказались, какъ я вскорѣ убѣдился, единственной темой, которой нельзя было касаться. Откровенный и банально любезный, когда разговоръ шелъ обо всемъ другомъ, онъ становился раздражителенъ, какъ только мы подходили къ этому пункту. Царство Фей было подъ полнымъ запретомъ.

Только разъ въ его присутствіи я услыхалъ здѣсь легкій намекъ на его приключеніе, но и тотъ былъ сдѣланъ угрюмымъ работникомъ съ фермы, который проигрывалъ ему на билліардѣ. Скельмерсдэль сыгралъ отъ шара, то-есть сдѣлалъ необыкновенно ловкій, по Бигнорскимъ понятіямъ, ударъ.

— Потише!—сказалъ его противникъ. Оставьте ваши колдовскія штуки.

Скельмерсдэль съ кіемъ въ рукахъ пристально посмотрѣлъ на него, затѣмъ швырнулъ свой кій и вышелъ изъ зала.

— Зачѣмъ вы задираете его?—сказалъ почтенный старикъ, любовавшійся игрой; и подъ общій неодобрительный ропотъ улыбка удовлетвореннаго остроумія сбѣжала съ лица парня.

Я воспользовался случаемъ и спросилъ:

— Что это за шутки насчетъ колдовства и Фей?

— Это не шутки. По крайности, Скельмерсдэль съ этимъ не шутитъ,—отвѣтилъ старикъ, отхлебнувъ изъ стакана.

Но маленькій краснощекій человѣкъ оказался сообщительнѣе.

— Говорятъ, сэръ,—сказалъ онъ,—что онѣ затащили его въ середку Альдингтонскаго Холма и продержали тамъ недѣли съ три.

Съ этого началось и пошло полнымъ ходомъ впередъ накопленіе моихъ свѣдѣній. Стоитъ одной овцѣ выскочить впередъ, чтобы бросились за ней и всѣ остальныя, и черезъ нѣсколько минутъ я уже зналъ исторію Скельмерсдэля, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны.

До переѣзда въ Бигноръ онъ служилъ въ такой же лавкѣ въ Альдингтонскомъ Уголкѣ, гдѣ именно съ нимъ произошло упоминаемое приключеніе. Изъ всѣхъ разсказовъ было ясно только одно, что какъ-то разъ онъ засидѣлся на Холмѣ до поздней ночи, потомъ его никто не видѣлъ — онъ исчезъ, пропадалъ три недѣли, а вернулся «въ такихъ же чистыхъ манжетахъ, въ какихъ вышелъ», но карманы его были набиты землею и пепломъ.

Вернулся онъ въ состояніи грустнаго, долго не проходившаго унынія и никому не хотѣлъ сказать ни слова о томъ, гдѣ былъ. Попробовала было вытянуть изъ него хоть что-нибудь дѣвушка изъ Клиптонъ-Хилля, съ которой онъ былъ помолвленъ, но кончилось это тѣмъ, что она бросила его, отчасти потому, что онъ упорно молчалъ, отчасти потому, что онъ у ней «съ мыслей сошелъ», какъ она говорила.

Спустя нѣкоторое время онъ нечаянно обмолвился кому-то, что былъ въ Царствѣ Фей и хотѣлъ бы опять вернуться туда. Но когда объ этомъ заговорили и вмѣшалась въ дѣло глупая деревенская болтовня, онъ вдругъ бросилъ мѣсто и перешелъ въ Бигноръ, чтобы избавиться отъ сплетенъ. Но никто изъ моихъ разсказчиковъ не могъ сказать мнѣ, что именно произошло въ Царствѣ Фей. Здѣсь всѣ мои разспросы, какъ свора гончихъ, разсыпавшихся по ложному

слѣду, ни къ чему не приводили. Одинъ говорилъ одно, другой,—другое.

Очевидно было, что къ этому чудесному приключенію они относились съ критикой и даже съ сомнѣніемъ, но я все-таки замѣтилъ, что сквозь осторожную оцѣнку сквозитъ значительная доля вѣры. И тоже сталъ выказывать любознательность умнаго человѣка, окрашенную разумнымъ сомнѣніемъ въ возможности всей этой исторіи.

— Если Царство Фей внутри Альдингтонскаго Холма, почему вы не выкопаете его оттуда? — спросилъ я.

— Вотъ и я тоже говорю,—сказалъ молодой работникъ.

— Были такіе, что копали,—отвѣтилъ старикъ, — и не разъ и не два. Да никто не остался живымъ, чтобы разсказать потомъ, до чего они докопались...

Смутная, но единодушная вѣра, которой проникнуты были эти люди, произвела на меня сильное впечатлѣніе; я чувствовалъ, что должно же быть *что-нибудь* въ основѣ такой глубокой убѣжденности, и это значительно обострило уже и безъ того живое любопытство, съ которымъ я доискивался реальныхъ фактовъ.

Если можно было узнать отъ кого-нибудь эти реальные факты, то, конечно, только отъ самого Скельмерсдэля. Поэтому, я еще усерднѣе старался сгладить первое дурное впечатлѣніе, которое произвелъ на него, и пріобрѣсти его довѣріе въ такой мѣрѣ, чтобы онъ самъ разсказалъ мнѣ все.

Въ этомъ предпріятіи на моей сторонѣ было мое общественное положеніе. За внѣшнюю привѣтливость, отсутствіе обязательныхъ занятій, клѣтчатый костюмъ и чулки до колѣнъ меня въ Бигнорѣ сопричислили къ художникамъ, а въ замѣчательномъ кодексѣ соціальныхъ преимуществъ, дѣйствующемъ въ Бигнорѣ, художникъ поставленъ значительно выше приказчика изъ колоніальной лавки.

Скельмерсдэлю, какъ очень многимъ изъ того же класса, было присуще влеченіе къ «порядочному обществу». Только

въ припадкѣ внезапнаго и сильнаго раздраженія онъ могъ мнѣ бросить свое: «Отстаньте!» — и я не сомнѣваюсь, что онъ тотчасъ же раскаялся; я знаю также, что ему было чрезвычайно пріятно прогуливаться со мной по деревнѣ, чтобъ всѣ видѣли.

Черезъ нѣсколько времени онъ уже довольно охотно соглашался выкурить у меня трубку и выпить пива. Я воспользовался этими визитами для того, чтобъ засыпать его разсказами о моемъ собственномъ прошломъ, о всѣхъ моихъ приключеніяхъ, дѣйствительныхъ и выдуманныхъ, ибо я зналъ, что довѣріе рождаетъ довѣріе, а счастливый инстинктъ подсказалъ мнѣ, что есть въ этой исторіи сердечная печаль.

Но только въ третье свое посѣщеніе, и насколько я помню, послѣ третьей рюмки, онъ по собственному побужденію нарушилъ запретъ, и поводомъ для этого послужилъ мой безыскусственный разсказъ о маленькой любовной страстишкѣ, налетѣвшей на меня и улетѣвшей прочь въ мои юношескіе годы.

— Вотъ также и со мной было,—сказалъ онъ,—тамъ на Альдингтонѣ.—Странно это бываетъ, не правда ли. Сначала я-то ни чуточки — а все она, а потомъ, когда ужъ поздно было, такъ — все я...

Я употребилъ всѣ усилія для того, чтобы не ухватиться прежде времени за этотъ намекъ, но за нимъ тотчасъ же послѣдовалъ другой, и вскорѣ стало ясно, какъ бѣлый день, что теперь онъ самъ стремится именно къ тому, чтобы заговорить о своемъ приключеніи въ Царствѣ Фей.

Итакъ, я подхожу къ самой исторіи его приключенія, возстановляя ее по даннымъ, полученнымъ отъ Скельмерсдэля. Дѣйствительно ли это событіе имѣло мѣсто, или же оно плодъ его воображенія, сонная греза, странная галлюцинація — я не берусь утверждать ни того, ни другого, но я не допускаю и мысли, что онъ выдумалъ его. Этотъ чело-

вѣкъ простодушно и честно вѣритъ, что все случилось именно такъ, какъ онъ разсказываетъ; онъ, очевидно, не способенъ на ложь, столь искусную и связную, и въ довѣрчивомъ отношеніи къ нему простыхъ, но нерѣдко весьма проницательныхъ деревенскихъ умовъ, я вижу подтвержденіе его искренности. Онъ вѣритъ — и никто не можетъ привести такой положительный фактъ, который опровергнулъ бы его вѣру. Что касается меня, то я только передаю эту исторію въ удобочитаемой формѣ — слишкомъ старъ я теперь для того, чтобы провѣрять или объяснять чужіе разсказы.

По его словамъ, ему случилось заснуть на Альдингтонскомъ Холмѣ въ одну ночь около десятаго часа, — вполнѣ возможно, что это было въ Иванову ночь, но числа онъ не помнитъ и легко можетъ ошибиться на какую-нибудь недѣлю,—ночь была прекрасная. Было тихо и луна всходила.

Съ тѣхъ поръ, какъ эта исторія заинтересовала меня, я нарочно три раза всходилъ на Холмъ; однажды я поднимался на него въ невѣрномъ свѣтѣ восходящей луны, и, быть можетъ, въ такую же именно лѣтнюю ночь произошло и то событіе. Планета Юпитеръ ярко сіяла вверху надъ луной, а на сѣверѣ и сѣверо-западѣ зеленоватое небо еще горѣло закатомъ.

На свѣтломъ фонѣ небесъ Холмъ выдѣлялся черной и обнаженной массой, но со всѣхъ сторонъ близко подступала къ нему темная чаща кустарниковъ; и когда я поднимался на него, повсюду въ кустахъ шуршали и шныряли кролики, мелькая, какъ смутные призраки, и пропадая изъ глазъ. А надъ самой вершиной Холма, и только надъ ней, вился съ тонкимъ звономъ толкунъ мошкары.

Холмъ этотъ, думается мнѣ, искусственная насыпь, доисторическій курганъ, воздвигнутый надъ какимъ-нибудь великимъ, невѣдомымъ вождемъ, и нѣтъ въ мірѣ ни одной гробницы, съ которой открывался бы такой безконечно широкій горизонтъ.

Къ востоку взглядъ убѣгаетъ по холмамъ до Гайда и черезъ Проливъ за тридцать миль, а можетъ быть и дальше туда, гдѣ большіе бѣлые огни французскихъ маяковъ у Сѣраго Носа и у Булони мерцаютъ, и гаснутъ, и вновь разгораются. Къ западу вплоть до Задней Головы и Лейтскаго Холма разстилается волнистая, поросшая лѣсомъ страна, а на сѣверѣ долина Стоура прорѣзываетъ широкую гряду зеленыхъ возвышенностей, открывая видъ на безконечныя цѣпи холмовъ, между которыми струится Вай.

На югѣ у вашихъ ногъ лежитъ Ромнейское Болото,— Димчерчъ, и Ромней, и Лиддъ, и дальше Гастингсъ; оттуда, вздымаясь и скучиваясь, тянутся холмистые склоны далеко за Истборнъ до Береговой Головы.

И высоко надъ всѣмъ этимъ бродилъ Скельмерсдэль, огорченный своею первой любовной ссорой.

— Я совсѣмъ не думалъ, куда иду,—разсказываетъ онъ. И здѣсь присѣлъ онъ, чтобы поразмыслить обо всемъ, что произошло, и въ тоскливомъ уныніи вдругъ былъ охваченъ сномъ. Тутъ-то и овладѣли имъ феи.

Ссора, взволновавшая его, была, въ сущности говоря, довольно пустая размолвка между нимъ и дѣвушкой изъ Клиптонъ Хилля, съ которой онъ былъ помолвленъ. Она дочь фермера, «изъ очень почтеннаго семейства», какъ говоритъ Скельмерсдэль, безъ сомнѣнія, была для него прекрасной партіей. Но оба,—и дѣвушка, и ея возлюбленный,— были до крайности молоды и полны той взаимной ревности, той обостренной нетерпимости и неразумной жажды полнаго совершенства, которыя очень скоро, и къ счастью нашему, притупляются опытомъ и жизнью.

Я не имѣю никакого представленія о томъ, что собственно послужило поводомъ для ссоры. Быть можетъ, она сказала, что ей больше нравятся мужчины въ охотничьихъ курткахъ, а у него не было такой куртки, или, можетъ быть, онъ сказалъ, что она больше нравилась бы ему въ шляпѣ дру-

гого фасона; но какъ бы это ни началось, кончилось оно послѣ ряда неловкихъ сценъ озлобленіемъ и слезами. Она, безъ сомнѣнія, стала заплаканной и грязной, а онъ—угрюмымъ и пыльнымъ. Потомъ она ушла, мысленно осыпая его градомъ обидныхъ сравненій и увѣряя себя по дорогѣ, что думать о немъ больше не стоитъ.

Съ такимъ-то настроеніемъ пришелъ онъ на Альдингтонскій Холмъ и вскорѣ, а, можетъ быть, послѣ долгаго промежутка, совершенно незамѣтнымъ образомъ заснулъ.

Проснулся онъ на такой мягкой травѣ, на какой никогда еще не спалъ до тѣхъ поръ, подъ густой сѣнью деревьевъ, совершенно скрывавшихъ небо. Повидимому, въ Царствѣ Фей никогда не видно неба. М-ръ Скельмерсдэль, по крайней мѣрѣ, во все время своего пребыванія тамъ ни разу не видалъ звѣздъ, за исключеніемъ той ночи, когда феи танцовали. Но я лично сомнѣваюсь, что онъ былъ въ эту ночь именно въ Царствѣ Фей, а не на тѣхъ низкихъ луговинахъ у желѣзнодорожной линіи около Смида, которыя поросли камышомъ и пестрѣютъ волшебными кружками, вытоптанными пляской эльфовъ.

Но все-таки подъ деревьями было свѣтло, а на листьяхъ и въ травѣ сіяло яркимъ красивымъ свѣтомъ множество свѣтлячковъ. Первымъ впечатлѣніемъ м-ра Скельмерсдэля было то, что онъ *маленькій*, и что кругомъ него цѣлая толпа людей, которые еще меньше его. Почему-то онъ не удивился и не испугался, а совершенно спокойно сѣлъ и протеръ заспанные глаза. А всюду кругомъ толпились улыбающіеся эльфы—они застали его спящимъ у своей границы и унесли въ свое царство.

На что походили эти эльфы—мнѣ не удалось узнать, такъ смутенъ и несовершененъ его разсказъ, и такъ невнимателенъ онъ былъ ко всѣмъ мелкимъ подробностямъ. Я узналъ только, что одѣты они были въ нѣчто яркое и

красивое, но это не было ни шелкомъ, ни шерстью, ни даже лепестками цвѣтовъ.

Когда они стояли такъ вокругъ него, а онъ сидѣлъ, наполовину проснувшись—изъ аллеи, освѣщенной свѣтляками, вышла та самая фея, съ звѣздой на лбу, которая является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ его воспоминаніяхъ. О ней я узналъ больше. Одѣта она была въ зеленую паутину, широкій серебряный поясъ схватывалъ ея тонкую талію. Волосы ниспадали по обѣимъ сторонамъ головы волнами мягкихъ кудрей, и на нихъ сіяла тіара, въ которой горѣла звѣзда. Изъ-подъ короткихъ рукавовъ виднѣлись бѣлыя руки, а горло было, какъ кажется, открыто, потому что онъ говоритъ о красотѣ ея шеи. Коралловое ожерелье краснѣлось на ея шеѣ, а на груди—краснѣлъ цвѣтокъ такой же алый, какъ кораллъ. Щеки ея, и подбородокъ, и шея были такъ же нѣжно очерчены, какъ у малаго ребенка, а глаза темно-каріе, насколько я могу судить, смотрѣли открыто и нѣжно изъ-подъ ровныхъ бровей.

Изъ этихъ подробностей вы видите, какъ много мѣста въ умѣ м-ра Скельмерсдэля занимала эта волшебная дѣвушка. Но у него часто не хватало словъ для того, чтобы выразить то, что онъ хотѣлъ сказать; «только рукой поведетъ»,—повторялъ онъ нѣсколько разъ,—а передо мной встаетъ изъ-за этихъ словъ дѣвичій образъ, сіяющій застѣнчивой красой.

Въ ея очаровательномъ обществѣ, въ качествѣ ея гостя и избранника, предстояло м-ру Скельмерсдэлю извѣдать всѣ тайны Царства Фей. Она привѣтствовала его тепло и радостно—могу представить себѣ, какъ ея маленькія ручки сжали его руку и какимъ нѣжнымъ румянцемъ вспыхнуло ея лицо. Десять лѣтъ тому назадъ Скельмерсдэль былъ, должно быть, очень красивымъ юношей. И вотъ она беретъ его подъ руку и ведетъ вдоль по аллеѣ, при свѣтѣ свѣтляковъ.

Точной картины всего того, что произошло затѣмъ, вы не найдете въ безсвязномъ описанiи м-ра Скельмерсдэля. Онъ даетъ только слабое и неудовлетворительное представленiе о странныхъ уголкахъ и прiютахъ, гдѣ феи рѣзвились и отдыхали, о «грибахъ такихъ, поганкахъ, свѣтившихъ розовымъ свѣтомъ», о пищѣ фей, о которой онъ могъ сказать только: «вотъ бы вамъ попробовать», и о волшебной музыкѣ, «точно шарманка играетъ», исходившей отъ цвѣтовъ, кивавшихъ своими головками.

Была тамъ широкая лужайка, гдѣ феи скакали и ѣздили на «штукахъ такихъ», но что хотѣлъ сказать м-ръ Скельмерсдэль, говоря «на такихъ же штукахъ, какiя здѣсь бываютъ», неизвѣстно. Быть можетъ, онъ подразумѣвалъ кузнечиковъ, сверчковъ или пчелокъ, порхающихъ вокругъ насъ. Было тамъ мѣсто, гдѣ журчала вода и росли гигантскiе лютики—здѣсь купались феи въ жаркiе дни. Были игры и танцы, и, думается мнѣ, много любовныхъ шалостей среди мшистыхъ вѣтвей кустарниковъ.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что фея добивалась любви м-ра Скельмерсдэля, и что молодой человѣкъ твердо рѣшился не поддаваться соблазну. Но пришелъ все-таки день, когда въ уединенномъ мѣстѣ, которое «все насквозь пропахло фiалками», сидя съ нимъ рядомъ на скамейкѣ, она объяснилась ему въ любви.

— Когда она стала говорить тихо, да потомъ зашептала,—разсказываетъ м-ръ Скельмерсдэль,—да положила руку на мою руку, да прижалась ко мнѣ, такъ еще бы немножко, и я бы голову потерялъ.

Но, къ несчастью, онъ не потерялъ головы. Онъ понялъ, «откуда вѣтеръ дуетъ», и, сидя на томъ мѣстѣ, гдѣ пахло фiалками, ощущая прикосновенiе прелестной феи, учтиво намекнулъ ей, что онъ помолвленъ!

Она говорила ему, что любитъ его горячо, что онъ, хотя и человѣкъ, но дорогой ея мальчикъ и о чемъ бы ни

попросилъ онъ ее, чего сердце его захочетъ,—она все дастъ ему.

А м-ръ Скельмерсдэль, какъ мнѣ представляется, старался изо всѣхъ силъ, чтобы только не смотрѣть на ея маленькія губки и не видѣть, какъ онѣ раскрываются и закрываются, и скоро перешелъ на болѣе интересную тему, на капиталъ, который ему необходимъ для того, чтобы открыть свою собственную лавку. Одного только хотѣлось бы ему,—сказалъ онъ,—денегъ, и какъ разъ столько, сколько нужно на лавку. Воображаю, какъ удивленно сверкнули эти каріе глаза, о которыхъ онъ разсказывалъ, но, повидимому, она выразила сочувствіе и тутъ,—подробно разспрашивала о лавкѣ и «вродѣ какъ смѣялась» все это время. Такимъ-то образомъ дошелъ онъ, наконецъ, до обстоятельнаго доклада о своей помолвкѣ и разсказалъ ей все о Милли.

— Все?—переспросилъ я.

— Все до капельки, —отвѣтилъ м-ръ Скельмерсдэль,— и кто она, и гдѣ живетъ, все до-чиста. Чуялось какъ-то, что надо разсказывать все.

— Чего бы ни захотѣлъ, все будетъ у тебя,—сказала фея.—Не сомнѣвайся. И денегъ у тебя будетъ, сколько захочешь самъ, ровнешенько столько. А теперь —*ты долженъ поцѣловать меня.*

Но м-ръ Скельмерсдэль, какъ будто не разслышавъ послѣднихъ словъ, сталъ говорить, что она очень милостива, что онъ совсѣмъ не заслужилъ такой милости, что...

Тутъ прижалась она вдругъ къ нему, близко, близко и прошептала:—поцѣлуй меня!

— И я,—разсказываетъ м-ръ Скельмерсдэлъ,—я, какъ дуракъ, поцѣловалъ.

Поцѣлуи, какъ я слышалъ, бываютъ разные, и этотъ былъ совсѣмъ иного сорта, чѣмъ звучные знаки вниманія увѣсистой Милли. Было что-то волшебное въ этомъ поцѣлуѣ и именно его надо разсматривать, какъ поворотный пунктъ

во всей этой исторіи. Во всякомъ случаѣ это событіе м-ръ Скельмерсдэль счелъ достойнымъ возможно болѣе подробнаго описанія. Я старался представить себѣ ясно этотъ поцѣлуй, старался вышелушить его изъ толстой коры намековъ и тѣлодвиженій, въ которую его облекъ разсказчикъ, но я увѣренъ, что мои слова безсильны и сухи, что въ смутномъ свѣтѣ, въ сладко волнующей тишинѣ волшебныхъ аллей тотъ поцѣлуй былъ гораздо нѣжнѣе и прекраснѣе.

И опять разспрашивала его фея о Милли—красива ли она и тому подобное, и такъ много разъ. О красотѣ Милли, конечно, могъ быть только одинъ отвѣтъ—«все въ порядкѣ». Тогда же, или при другомъ такомъ же случаѣ, она разсказала ему, какъ полюбила его, когда увидѣла спящимъ въ лунномъ сіяніи, какъ онѣ перенесли его въ Царство Фей, и какъ она думала, еще не зная о Милли, что, можетъ быть, и онъ полюбитъ ее.—Но теперь я понимаю, что ты не можешь,—сказала она,—такъ побудь со мной немножко, а потомъ вернешься къ Милли.—А м-ръ Скельмерсдэль уже былъ наполовину влюбленъ въ нее и только по инерціи продолжалъ онъ гнуть свою линію.

Я ясно представляю себѣ, какъ среди всей этой красоты и блеска онъ повторяетъ ей свои однообразныя рѣчи о Милли, и о будущей лавкѣ, и о томъ, какъ ему нужны лошадь и повозка...

И эта нелѣпость тянется день за днемъ. Я вижу эту маленькую фею, какъ порхаетъ она вокругъ него, какъ старается развеселить его, слишкомъ утонченная, чтобы понять, въ чемъ дѣло, слишкомъ нѣжная, чтобы отпустить его. А онъ, какъ бы загипнотизированный своими земными мыслями, бродитъ за ней, слѣпой ко всему, что происходитъ въ Царствѣ Фей, за исключеніемъ этой чудесной нѣжной дружбы. Трудно, невозможно описать всю лучезарную прелесть ея, сіяющую сквозь чащу неуклюжихъ, безсвязныхъ фразъ м-ра Скельмерсдэля, но для меня, по крайней мѣрѣ, яркимъ свѣ-

томъ сіяетъ она средь темной мути его разсказовъ, какъ свѣтлячекъ въ поросли сорныхъ травъ.

Пока все это происходило, жизнь въ Царствѣ Фей текла своимъ чередомъ—и однажды, какъ я уже говорилъ, онѣ танцовали даже на волшебныхъ кружкахъ, которыми испещрены луга у Смида,—но пришелъ, наконецъ, день, когда все кончилось. Она повела его въ большую пещеру, освѣщенную краснымъ свѣтомъ — «чѣмъ-то вродѣ красныхъ фонариковъ»;—тамъ были нагромождены другъ на друга сундуки, и кубки, и золотые ларчики, и цѣлыя груды червонцевъ.

Маленькіе гномы, которые стерегли сокровище, склонились передъ феей и отошли къ сторонѣ. И вдругъ обернулась она къ нему и ярко просіяли ея глаза.

— Ты былъ со мной такъ долго,—сказала она,—пора отпустить тебя. Ты долженъ вернуться къ твоей Милли... Ты долженъ вернуться къ твоей Милли, и вотъ, какъ я обѣщала, они дадутъ тебѣ золото.

— Она вродѣ какъ задыхалась,— разсказываетъ м-ръ Скельмерсдэль.—И тутъ-то я почувствовалъ, будто... (онъ схватился за грудь) будто я въ обморокъ падаю. Я поблѣднѣлъ, знаете, задрожалъ, но и тогда не нашелъ ни единаго слова.

Онъ помолчалъ.

— Ну,—сказалъ я.

Но сцена эта не поддавалась его описанію. Я узналъ только, что она поцѣловала его на прощанье.

— И вы ничего не сказали?

— Ничего, отвѣтилъ онъ.—Я стоялъ, какъ деревянный. А она, знаете ли, обернулась на меня, и вродѣ какъ плачетъ и смѣется,—и я видѣлъ, какъ блестѣли ея глаза,—а потомъ ушла. Тутъ засуетились вокругъ меня всѣ эти человѣчки и давай совать мнѣ золото и въ руки, и въ карманы, и за воротъ, и во всѣ мѣста...

И только въ этотъ моментъ, когда фея исчезла, понялъ

все м-ръ Скельмерсдэль. Онъ вдругъ началъ выбрасывать золото, которое они запихивали ему въ платье, и кричать на нихъ, чтобы они не давали ему больше.

— Не нужно мнѣ вашего золота,—говорю я.—Еще не все кончилось. Я не уйду. Я хочу опять разговаривать съ феей!..— И бросился я за ней, а они не пускаютъ. Вцѣпились въ меня своими маленькими руками и тащатъ назадъ и все золото суютъ. А оно ужъ изъ брюкъ сыплется, изъ рукъ падаетъ.

— Не нуждаюсь въ вашемъ золотѣ!—я-то говорю,—хочу опять разговаривать съ феей!

— И говорили?

— Драка была.

А потомъ добились?

— Нѣтъ, когда я отбился отъ нихъ, ее ужъ не было.

И затѣмъ онъ бросился изъ освѣщеннаго краснымъ свѣтомъ подземелья, пробѣжалъ, ища ее, черезъ длинную пещеру, и выскочилъ, наконецъ, на широкое пустынное мѣсто, гдѣ носился взадъ и впередъ рой блудящихъ огоньковъ. Тамъ плясали, насмѣхаясь надъ нимъ, эльфы, а маленькіе гномы, выйдя изъ подземелья, бросали ему въ догонку пригоршни золота и кричали: «Волшебная любовь и волшебное золото. Волшебная любовь и волшебное золото».

Когда услыхалъ онъ это, его объялъ великій страхъ, что все кончилось, и сталъ онъ кричать и звать фею и вдругъ пустился бѣжать отъ пещеры внизъ по откосу черезъ заросли терновника и шиповника, не переставая громко звать ее. А за нимъ неслись въ пляскѣ невидимые эльфы и щипали его и кололи, блудящіе огни вертѣлись, бросаясь ему въ лицо, гномы гнались, крича и швыряя въ него волшебнымъ золотомъ. Онъ бѣжалъ, ошеломленный всей этой сумятицей и вдругъ, очутившись по колѣна въ болотѣ, запнулся ногой за узловатый корень, споткнулся и упалъ.

Упалъ, перевернулся и вдругъ увидѣлъ, что лежитъ на Альдингтонскомъ Холмѣ одинъ-одинешенекъ, а надъ нимъ

сіяютъ звѣзды. Онъ приподнялся рѣзкимъ движеніемъ и почувствовалъ, что совсѣмъ закоченѣлъ отъ холода, и что платье его мокро отъ росы. Занималась блѣдная заря и дулъ свѣжій предразсвѣтный вѣтерокъ. Онъ думалъ, что все это только яркій и странный сонъ, но, сунувъ руку въ карманъ, нашелъ тамъ пепелъ. Тогда онъ понялъ, что это золото, данное гномами. Все тѣло у него еще болѣло отъ щипковъ и уколовъ, но нигдѣ не было видно ни одной царапины. Такимъ-то образомъ и такъ внезапно м-ръ Скельмерсдэль вернулся изъ Царства Фей въ земной міръ. Но и тогда еще онъ хотѣлъ убѣдить себя, что все это только ночной кошмаръ, пока не пришелъ въ лавку, въ Альдингтонъ и не узналъ тамъ, что пропадалъ три недѣли.

— Вотъ задача была,—сказалъ м-ръ Скельмерсдэль.

— Какая?

— Да объяснять имъ. Полагаю, что вамъ никогда не приходилось объяснять что-нибудь такое.

— Никогда,—согласился я; и тутъ онъ сталъ разсказывать, никого не забывая, какъ держали себя разныя лица, допрашивавшія его. Только одного имени не упомянулъ онъ.

— А Милли?—сказалъ, наконецъ, я.

— Я и не старался повидать Милли,—отвѣтилъ онъ.

— Измѣнилась она, должно быть?

— Все измѣнилось. Люди казались такіе большіе, неуклюжіе. И голоса такіе громкіе. Да и солнце въ то утро на восходѣ такъ и било въ глаза, съ непривычки.

— А Милли?

— Я не старался повидать Милли.

— Ну, а когда увидали?

— Я встрѣтилъ ее въ воскресенье, выходя изъ церкви. —Гдѣ ты былъ?—сказала она,— и я понялъ, что будетъ ссора. Но мнѣ-то было все равно. Она со мною разговариваетъ, а я и думать о ней позабылъ. Какъ будто и нѣтъ ея вовсе.

И никакъ не могъ я понять, что я въ ней прежде видѣлъ, что такое въ ней могло быть. Иногда, правда, тянуло меня къ ней, когда не вижу ея, а какъ встрѣтимся, сейчасъ ту увижу, а этой какъ будто не станетъ... Какъ бы тамъ ни было, но сердца ей я не разбилъ.

— Замужемъ?—спросилъ я.

— Замужемъ, за двоюроднымъ братомъ,—отвѣтилъ м-ръ Скельмерсдэль и нѣкоторое время разсматривалъ узоръ на скатерти.

И когда онъ опять заговорилъ, было ясно, что его первая возлюбленная уже снова исчезла изъ его памяти, что разговоръ со мной опять воскресилъ въ его сердцѣ ту прекрасную фею, незабвенную во вѣкъ. Онъ говорилъ только о ней, и торопливо разсказывалъ мнѣ удивительныя вещи —было бы неблагородно съ моей стороны повторять здѣсь эти странныя тайны любви. Но я думаю, что страннѣе всего былъ самъ этотъ маленькій чистенькій приказчикъ, который съ сигарой между пальцевъ, за рюмкою вина, разсказывалъ съ той же печалью, съ той же тоской, хотя и притупленной временемъ, о мукахъ своего неутомимаго сердечнаго голода той поры.

— Я не могъ ѣсть,—говорилъ онъ,—не могъ спать... Дѣлалъ ошибки въ счетѣ, путался въ сдачѣ. И днемъ и ночью она была тутъ и все заманивала меня, все заманивала... Ахъ, какъ я хотѣлъ ее! Боже, какъ хотѣлъ! Почти всякій вечеръ я былъ тамъ, на Холмѣ, даже въ дождь. Я исходилъ его вдоль и поперекъ, просилъ, чтобъ впустили меня. Кричалъ. Плакалъ такъ, что распухъ. Безумный былъ я, несчастный. Все говорилъ себѣ, что ничего не было, а самъ каждое воскресенье послѣ обѣда, и въ дождь и въ ведро, ходилъ туда, хоть зналъ—не хуже всякаго, что днемъ ничего не будетъ. Пробовалъ спать тамъ...

Онъ вдругъ замолчалъ и глотнулъ изъ стакана.

— Я пробовалъ спать тамъ,—сказалъ онъ еще разъ и

губы его задрожали.—Я пробовалъ спать тамъ, много разъ пробовалъ, и, знаете ли, сэръ, — не могъ, ни разу не могъ. Я думалъ, что, если бъ удалось заснуть тамъ, то, можетъ быть, что-нибудь... Но я сидѣлъ тамъ и лежалъ, а не могъ, все отъ думъ своихъ, отъ тоски. Эта тоска... Я пробовалъ...

Онъ вздохнулъ, допилъ вино судорожными глотками, и вдругъ всталъ и началъ застегивать куртку, пристально и серьезно разсматривая дешевыя олеографіи, висѣвшія надъ каминомъ. Маленькая записная книжка въ черномъ переплетѣ, въ которую онъ записывалъ цифры дневного оборота, упрямо топорщилась изъ его бокового кармана. Застегнувъ куртку, онъ провелъ рукой по груди и вдругъ, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:—ну, пора уходить.

По его глазамъ и движеніямъ видно было, что онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но не находилъ словъ.

— Наговорились,—сказалъ онъ, наконецъ, въ дверяхъ съ блѣдной улыбкой и исчезъ. Вотъ и вся исторія о м-рѣ Скельмерсдэлѣ, побывавшемъ въ Царствѣ Фей, точно записанная мною съ его словъ.

ВЪ ПЕЧЬ!

(Переводъ В. Г. Тана).

Былъ душный и темный вечеръ. Тускло-багровый закатъ чуть догоралъ на западѣ. Они сидѣли у открытаго окна, тщетно ища прохлады. Въ саду передъ окнами смутно выступали черныя пятна деревьевъ и кустовъ. Черезъ дорогу горѣлъ фонарь, и пламя его, ярко желтѣло сквозь синій сумракъ вечера. Дальше, въ ночномъ туманѣ свѣтились три огонька желѣзнодорожнаго сигнала.

Ихъ было двое, мужчина и женщина. Они вели разговоры негромко и очень серьезно.

— Онъ ничего не замѣчаетъ? — спросилъ мужчина съ легкимъ безпокойствомъ.

— Куда ему! — сказала женщина съ оттѣнкомъ раздраженія. — Онъ думаетъ только о своемъ чугунѣ и о цѣнахъ на уголь. Въ сердцѣ у него нѣтъ ни капли поэзіи.

— Всѣ заводчики такіе, — сказалъ мужчина пренебрежительно. — И сердце у нихъ изъ того же чугуна.

— У него тверже чугуна, — сказала женщина, отворачивая къ окну свое недовольное лицо. Въ окно донесся дальній шумъ поѣзда и быстро сталъ расти и приближаться. Домъ затрясся. Локомотивъ грузно прошелъ мимо, и въ просвѣтѣ садовой аллеи мелькнуло яркое пламя и клубы чернаго дыма. Потомъ другъ за другомъ прошли одинъ, два,

три, пять, семь, восемь черныхъ прямоугольниковъ, восемь груженыхъ платформъ. И тотчасъ же онѣ исчезли одна за другою въ жерлѣ туннеля. Эта широкая черная пасть какъ будто проглотила однимъ усиліемъ весь поѣздъ, и пламя, и дымъ, и даже звуки.

— Вся эта мѣстность когда-то была цвѣтущей и прекрасной,—сказалъ онъ.—А теперь это адъ кромѣшный. По этой дорогѣ ничего не увидишь, только высокія трубы да навѣсы надъ шахтами. Кажется, копоть и дымъ встали до самаго неба... Но все равно. Скоро конецъ этому ужасу... Завтра...—Послѣднее слово онъ произнесъ шопотомъ.

— Завтра,—повторила она тоже шопотомъ и не отрываясь отъ окна.

— Милая,—сказалъ онъ, касаясь ея руки.

Она быстро повернулась, и глаза ихъ встрѣтились. Ея взглядъ сталъ мягче и нѣжнѣе.

— Дорогой!—сказала она и потомъ прибавила:—Какъ странно, что вы такъ внезапно вошли въ мою жизнь, для того чтобъ открыть предо мною...

Она остановилась.

— Что же открыть?—спросилъ онъ чуть-чуть шутливо.

— Цѣлый міръ,—сказала она тихо и потомъ прибавила еще тише:—Дивный міръ любви и радости.

Въ эту минуту за ихъ спиной дверь внезапно хлопнула и закрылась. Они быстро обернулись. Въ глубинѣ комнаты молча стояла крупная мужская фигура. Въ полутьмѣ смутно виднѣлось лицо и сѣрыя пятна тѣни тупо выступали изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Мистеръ Раутъ, мужчина, сидѣвшій у окна, откинулся назадъ и каждый мускулъ въ его тѣлѣ неожиданно напрягся. Когда именно открылась эта дверь? Что слышалъ вошедшій? Все или часть? Что онъ могъ видѣть?—Цѣлый вихрь вопросовъ и ни на одинъ изъ нихъ не было отвѣта.

Послѣ паузы, которая казалась безконечной, вновь пришедшій сказалъ отрывисто:

— Ну?

— Это вы, Горроксъ,—сказалъ человѣкъ у окна, судорожно схватившись рукою за косякъ.—А я боялся, что такъ и не дождусь васъ.—Голосъ его звучалъ неувѣренно.

Грузная фигура Горрокса выдвинулась изъ тѣни.

Но онъ ничего не отвѣтилъ. Нѣсколько мгновеній онъ молча стоялъ, возвышаясь надъ ними.

Сердце женщины замерло отъ страха. Но когда она заговорила, голосъ ея былъ совершенно спокоенъ:

— Я сказала мистеру Рауту, что вы, вѣроятно, придете.

Горроксъ, все еще молча, тяжело опустился на стулъ, который стоялъ возлѣ рабочаго столика его жены.

Его огромныя руки сжались. Въ глазахъ изъ-подъ хмурыхъ бровей сверкало странное пламя. У него какъ будто не хватало голоса. Онъ перевелъ свой взглядъ съ женщины, которую любилъ, на друга, которому вѣрилъ, потомъ опять направилъ его на женщину.

И на одну минуту всѣ трое наполовину поняли другъ друга. Но никто не рѣшался вымолвить первое слово и разрѣшить напряженіе.

Наконецъ, голосъ мужа раздался первый.

— Вы хотѣли меня видѣть,—сказалъ онъ Рауту.

Раутъ снова вздрогнулъ.

— Мнѣ было нужно васъ видѣть,—подтвердилъ онъ, рѣшаясь лгать до конца.

— Ну,—сказалъ Горроксъ.

— Вы обѣщали показать мнѣ свой заводъ при лунномъ освѣщеніи.

— Я обѣщалъ показать вамъ свой заводъ при лунномъ освѣщеніи,—повторилъ Горроксъ какимъ-то безцвѣтнымъ тономъ.

— И я хотѣлъ застать васъ сегодня, чтобы вмѣстѣ пойти на работу.

Настала новая пауза. Отчего онъ такъ спокоенъ? Что онъ знаетъ? Какъ долго онъ былъ въ комнатѣ? Впрочемъ, даже въ послѣднюю минуту ихъ позы...

Горроксъ мелькомъ взглянулъ на профиль жены, бѣлѣвшій въ полутьмѣ, потомъ посмотрѣлъ на Раута и вдругъ какъ бы опомнился.

— Конечно,—сказалъ онъ.—Я обѣщалъ вамъ показать заводъ въ эффектной обстановкѣ. Странно, какъ могъ я забыть объ этомъ.

— А вы говорили мистеру Рауту объ этихъ контрастахъ тѣни и пламени, которые вамъ кажутся такими эффектными, — сказала женщина, въ первый разъ обращаясь къ мужу. Ея увѣренность вернулась. Только голосъ звучалъ на полтона выше обыкновеннаго.

— У него особая теорія, мистеръ Раутъ, что красота есть на свѣтѣ только въ машинахъ, а все остальное никуда не годится. Развѣ онъ не разсказывалъ вамъ? Это его единственное открытіе въ области искусства...

— Я тугъ на открытія,—угрюмо бросилъ Горроксъ.—Но если я что открою...—Онъ остановился.

— Тогда что?—спросила она съ невольнымъ вызовомъ.

— Ничего!

Онъ быстро всталъ.—Я обѣщалъ показать вамъ заводъ,— сказалъ онъ опять, обращаясь къ Рауту и кладя на его плечо свою тяжелую руку.—Если вы готовы, пойдемъ.

— Пойдемъ,—сказалъ Раутъ и тоже всталъ.

Настало новое молчаніе. Каждый изъ нихъ старался разсмотрѣть въ неясной полутьмѣ лица своихъ собесѣдниковъ. Рука Горрокса все еще лежала на плечѣ Раута. Раутъ на минуту подумалъ, что, въ сущности, пожалуй, не случилось ничего особеннаго. Но мистриссъ Горроксъ знала своего

мужа лучше. Она не полагалась на его спокойный голосъ, и въ душѣ ея росло чувство тяжелаго опасенія.

— Идемъ,—повторилъ Горроксъ и, опустивъ свою руку, поворотился къ двери.

— А гдѣ же моя шляпа?—сказалъ Раутъ, осматриваясь въ полутьмѣ.

— Это моя рабочая корзинка,—сказала хозяйка съ нервнымъ смѣхомъ. Ихъ руки встрѣтились на спинкѣ стула.— Вотъ она!—сказалъ онъ.

Ей хотѣлось тихонько предостеречь его, но она не нашла словъ. «Не ходите». «Берегитесь его», но пока она перебирала эти фразы, удобный моментъ былъ упущенъ.

— Нашли? — спросилъ Горроксъ, стоя у полуоткрытой двери.

Раутъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— А развѣ вы не хотите проститься съ мистриссъ Горроксъ?—сказалъ заводчикъ, и его угрюмый голосъ звучалъ еще спокойнѣе, чѣмъ прежде.

Раутъ вздрогнулъ и обернулся. — Прощайте, мистриссъ Горроксъ!—сказалъ онъ и пожалъ протянутую руку.

Горроксъ вѣжливо ждалъ у двери, чтобы пропустить гостя первымъ. Въ другое время такія церемоніи по отношенію къ мужчинамъ были не въ его привычкахъ. Раутъ вышелъ, и тогда, бросивъ женѣ послѣдній мрачный взглядъ, заводчикъ вышелъ тоже. Она стояла недвижно, пока легкіе шаги Раута и тяжелая поступь ея мужа звучали въ корридорѣ, какъ басъ и альтъ. Наружная дверь тяжело захлопнулась. Она неторопливо подошла къ окну и высунулась наружу. Обѣ фигуры мужчинъ появились за воротами, прошли подъ фонаремъ и тотчасъ же исчезли въ темной полосѣ деревьевъ.

Тогда она почти упала въ большое кресло и словно застыла, глядя широко открытыми глазами на зарево плавиль-

ныхъ печей, мерцавшее вдали. Еще черезъ часъ она сидѣла на томъ же мѣстѣ, не измѣнивъ положенія.

Тишина душной ночи давила Раута. Они шли молча и также молча свернули въ проходъ между грудами шлака. Въ концѣ этого прохода открылся широкій видъ внизъ на всю долину.

Копоть и сумракъ сливались вмѣстѣ въ синій туманъ и окутывали землю какой-то зловѣщею тайной. Въ самомъ концѣ долины темнѣли два городка—Этрурія и Ганлей. Они смутно выступали, слегка обведенные чуть намѣченной лентой дорожныхъ фонарей. Мѣстами выдѣлялось ярко освѣщенное окно, рѣзкій отблескъ фабричныхъ огней или лампы трактира. И на вечернемъ небѣ тонкими прямыми чертами вставали высокія трубы. Многія дымились, иныя какъ будто дремали, пользуясь короткой передышкой. Тамъ и сямъ были разбросаны странныя круглыя постройки, похожія на ульи. Онѣ прикрывали спускъ въ шахту. И черное колесо, рѣзко отдѣляясь на фонѣ смутной мглы, указывало на копь, гдѣ добывался прекрасный сортъ мѣстнаго угля. Поближе лежало полотно желѣзной дороги и, смутно мелькая въ клубахъ бѣлаго пара, проходили частые поѣзда съ сопѣньемъ и стукомъ, и звономъ вагонныхъ цѣпей, и грохотомъ колесъ. Налѣво, между желѣзной дорогой и темною массою широкаго низкаго холма, стояли огромныя черныя башни, господствуя надъ всѣмъ и увѣнчанныя вверху дымомъ и языками пламени. То были доменныя печи сталелитейнаго завода Джедской Компаніи, директоромъ котораго былъ Горроксъ. Онѣ поднимались вверхъ съ тяжелой угрозой, полныя шумнаго пламени и кипящаго металла. Вокругъ нихъ грохотали листопрокатныя машины. И паровой молотъ ударялъ тяжко и мѣрно, разбрызгивая въ стороны крупныя бѣлыя искры. И пока они смотрѣли, въ одну изъ печей упалъ сверху новый грузъ топлива, и пламя вырвалось вверхъ, какъ будто навстрѣчу, и столбъ чернаго дыма поднялся къ небесамъ.

— Дѣйствительно, ваши домны эффектнаго вида, — сказалъ Раутъ, чтобы прервать молчаніе.

Горроксъ что-то проворчалъ. Онъ стоялъ, заложивъ руки въ карманы, и пристально смотрѣлъ то на желѣзную дорогу, то на свой шумный заводъ, какъ будто обдумывая какой-то сложный планъ.

— Только луна еще плохо свѣтитъ, — сказалъ Раутъ, взглянувъ на него снова.—Закатъ мѣшаетъ.

Горроксъ посмотрѣлъ на него, какъ будто внезапно проснувшись.—Закатъ мѣшаетъ?.. Да, да, конечно.—Онъ поглядѣлъ на луну, которая бѣлѣла на сумеречномъ небѣ.

— Идемъ,—сказалъ онъ вдругъ и, схвативъ Раута за руку повыше локтя, потащилъ его къ тропинкѣ, которая спускалась съ холма къ полотну желѣзной дороги.

Раутъ отшатнулся. Ихъ взгляды встрѣтились и обмѣнялись признаніемъ безъ всякаго слова. Рука Горрокса сжалась, потомъ разжалась. И прежде, чѣмъ Раутъ опомнился, они уже шли подъ руку, по узкой дорожкѣ внизъ, направляясь къ рельсамъ.

— Взгляните, какъ эффектны эти сигналы на станціи, со стороны Борслема,—заговорилъ Горроксъ. Онъ сталъ внезапно очень говорливъ, быстро шелъ впередъ и все тѣснѣе прижималъ къ себѣ локоть Раута.

— Зеленые, и красные, и бѣлые огни на темномъ фонѣ мглы. Вы, вѣдь, знатокъ по части эффектовъ, Раутъ. Или еще посмотрите на мои печи. Видите, какъ онѣ растутъ, по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся. Вотъ эта направо—моя любимица. Въ ней семьдесятъ футовъ вышины. Я самъ закладывалъ ее углемъ и рудой въ первый разъ и съ тѣхъ поръ уже пять лѣтъ она плавитъ желѣзо въ своей утробѣ безъ всякой остановки.

— Я ее особенно цѣню. Тотъ красный огонь или, точнѣе сказать, ярко-оранжевый—это пудлинговыя печи. А въ томъ жаркомъ пламени три черныя постройки, это прокатъ

желѣза. Глядите, какъ брызжетъ изъ-подъ парового молота. Идемъ скорѣй! Бумъ, бумъ! Какъ онъ колотитъ,—земля трясется!.. Листовое желѣзо, Раутъ,—удивительная штука. Посмотрѣли бы вы, какое оно выходитъ сейчасъ изъ-подъ станка,—яснѣе зеркала. Трахъ! Опять ударилъ...

— Идемъ, ну!

Онъ прервалъ свою рѣчь, чтобъ перевести духъ. Но все продолжалъ стискивать локтемъ руку Раута и безъ остановки шагалъ впередъ къ желѣзной дорогѣ, какъ бѣшеный. Раутъ не отвѣчалъ, но упирался уже открыто и изо всей силы.

— Послушайте,—сказалъ онъ, наконецъ, со смѣхомъ, но въ голосѣ его былъ оттѣнокъ злобы.—Зачѣмъ вы меня тащите такъ. Вы почти оторвали мою руку.

Горроксъ тотчасъ же отпустилъ его. И обращеніе его измѣнилось.

— Оторвалъ вашу руку,—повторилъ онъ.—Простите. Но вѣдь вы сами пріучили меня ходить подъ руку.

— Видно, пріучилъ, да не совсѣмъ, какъ надо,—сказалъ Раутъ и опять засмѣялся тѣмъ же искусственнымъ смѣхомъ.—Ей-Богу, у меня рука отнялась.

Горроксъ не сталъ извиняться. Они спустились съ холма и теперь стояли у барьера, который закрывалъ переходъ черезъ рельсы. Заводъ совсѣмъ выросъ и широко поднимался передъ ихъ глазами по ту сторону дороги. И теперь имъ приходилось глядѣть на печи уже не сверху внизъ, а снизу вверхъ. И вмѣстѣ со спускомъ съ холма, Этрурія и Ганлей исчезли изъ ихъ поля зрѣнія. Передъ ними у барьера смутно выступала доска, на которой едва можно было прочитать надпись, запачканную сажей: «Берегись поѣзда».

— Красиво, не правда ли,—сказалъ Горроксъ, обводя широкимъ жестомъ руки свои владѣнія.—Вонъ, поѣздъ подходитъ. Бѣлый дымъ, желтый блескъ огня и круглое яркое око спереди,—очень недурно. Но мои печи были еще кра-

сивѣе, пока мы не вставили имъ въ глотку желѣзныя затычки для сбереженія газа.

— Какія затычки?—спросилъ Раутъ.

— Такія,—сказалъ Горроксъ.—Я вамъ покажу ихъ поближе. Знаете, прежде пламя вырывалось изъ жерлъ совсѣмъ безпрепятственно, столбами краснаго дыма, какъ будто изъ вулкана. Теперь мы отвели дымъ въ трубы и сжигаемъ его весь внутри домны. А верхушка ея закрыта затычкой. Вы найдете интересъ въ этой затычкѣ.

— Но я вижу, каждый разъ пламя и дымъ вырываются снова,—сказалъ Раутъ.

— Затычка не плотно вбита,—сказалъ Горроксъ.—Она виситъ на цѣпи, на длинномъ рычагѣ, съ противовѣсомъ. Иначе нельзя было бы сыпать въ домну руду и уголь. Когда сыплютъ уголь, затычка опускается и пламя вырывается изъ жерла.

— Понимаю,—сказалъ Раутъ. Потомъ посмотрѣлъ черезъ плечо и прибавилъ:—А луна стала свѣтлѣе.

— Идемъ же,—сказалъ Горроксъ отрывисто и, снова взявъ его подъ руку, потащилъ къ переходу черезъ полотно желѣзной дороги.

И тутъ произошла одна изъ тѣхъ случайностей, которыя кончаются такъ быстро, что потомъ не можешь отдать себѣ отчета, что именно было. Какъ разъ между рельсами рука Горрокса сжала его шею, какъ будто клещами, и заставила его сдѣлать полъоборота и встать лицомъ по колеѣ.

И въ эту минуту впереди показалась вереница вагоновъ съ ярко освѣщенными окнами и стала быстро надвигаться прямо на нихъ.

Онъ видѣлъ, какъ фонари локомотива выростаютъ и приближаются, какъ огненные глаза. Онъ не успѣлъ даже понять, что это значитъ, и сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы вырвать плечо. Борьба длилась одно мгновеніе. И вдругъ

та же рука, которая держала его на рельсахъ, быстро рванула его въ сторону, спасая отъ гибели.

— Не стойте на дорогѣ,—крикнулъ Горроксъ, тяжело дыша. Поѣздъ промчался мимо, и они стояли, запыхавшись, по ту сторону пути, у входа въ заводъ.

— Я не видѣлъ поѣзда,—сказалъ Раутъ, стараясь скрыть свой страхъ и показать видъ, что не случилось ничего особеннаго.

Горроксъ отвѣтилъ глухимъ и хриплымъ звукомъ.—Затычка!—сказалъ онъ вдругъ и потомъ прибавилъ:

— Я видѣлъ, что вы ничего не слышите.

— Ничего,—повторилъ Раутъ.

— Не дай Богъ, если бы васъ поѣздъ переѣхалъ.

— Я немного растерялся, — сказалъ Раутъ.

Горроксъ постоялъ съ минуту, потомъ круто повернулся къ заводу. — Посмотрите, какъ красивы эти кучи шлака въ вечернемъ освѣщеніи. И эта телѣжка тамъ наверху. Вотъ она повернулась и вывалила шлакъ. Глядите, какъ ползутъ багровые клочья внизъ по склону. Теперь, когда мы подошли ближе, эта передняя куча заслоняетъ домны... Не сюда!.. Эта дорожка ведетъ къ пудлинговымъ печамъ, я хочу сперва показать вамъ каналъ. Сюда проходите, между кучами...

Онъ опять взялъ Раута подъ локоть и они пошли рядомъ. Раутъ почти не слушалъ. Онъ спрашивалъ себя, что такое случилось на полотнѣ желѣзной дороги. Сыграло ли съ нимъ штуку разстроенное воображеніе или, дѣйствительно, Горроксъ едва не бросилъ его подъ поѣздъ? Правда ли, что онъ только что былъ на волосокъ отъ смерти?

Знаетъ ли что-нибудь этотъ нескладный, угрюмый увалень? Дрожь пробѣжала по тѣлу Раута отъ этой мысли, но тотчасъ же онъ успокоился снова. Могло быть и такъ, что Горроксъ ничего не замѣтилъ. И во всякомъ случаѣ онъ же стащилъ Раута во-время съ пути. Его странная манера, быть можетъ, зависитъ отъ смутной ревности, какую онъ какъ-

то проявилъ уже однажды. Вотъ онъ идетъ рядомъ и мирно толкуетъ о шлакѣ и о каналѣ.

— Не такъ ли?—сказалъ Горроксъ, окончивъ какую-то фразу.

— Что,—сказалъ Раутъ,—да, конечно. Туманъ при лунномъ свѣтѣ. Очень красиво.

— Вотъ нашъ каналъ, — сказалъ Горроксъ, внезапно останавливаясь. — Онъ замѣчательно красивъ въ двойномъ свѣтѣ луны и пламени. Вы никогда не видали? Можетъ ли быть! Вы слишкомъ засидѣлись въ вашемъ городѣ. Но я вамъ скажу, такихъ эффектовъ... Сами увидите... Кипящая вода...

Когда они вышли изъ лабиринта дорожекъ, оставивъ за собою груды шлака, руды и угля,—грохотъ прокатныхъ машинъ какъ будто охватилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Разговаривать стало трудно. Трое рабочихъ прошли мимо съ неясными лицами и при видѣ Горрокса приподняли шапки. У Раута мелькнула мысль, не заговорить ли съ ними. Но прежде чѣмъ онъ нашелъ слова, они исчезли въ темнотѣ.

Они подошли теперь къ самому каналу. Это было зловѣщее мѣсто, все въ красномъ, кровавомъ свѣтѣ отъ пламени печей.

Сюда протекала вода отъ холодильниковъ сверху, уже нагрѣтая, шумнымъ, почти кипящимъ потокомъ; въ разныхъ мѣстахъ взвивался бѣлый паръ тонкими струйками и густыми клубами, какъ будто вереница привидѣній вставала изъ водоворотовъ, красныхъ и черныхъ, и безъ конца проходила мимо.

Огромная черная башня главной домны теперь поднималась надъ ихъ головой, уходя въ мглу, и оглушала ихъ своимъ буйнымъ грохотомъ.

Раутъ держался подальше отъ края канала и все посматривалъ на Горрокса.

— Здѣсь все красно,—сказалъ Горроксъ, наклоняясь къ

Рауту,—этотъ багровый паръ ярокъ и красенъ, какъ грѣхъ. А тамъ подъ луннымъ свѣтомъ, надъ тѣми кучами шлака, онъ блѣденъ, какъ смерть.

Раутъ повернулъ голову и тотчасъ же снова перевелъ глаза на Горрокса.— Красенъ, какъ грѣхъ, и блѣденъ, какъ смерть, — что онъ хочетъ сказать этими словами? Можетъ быть, просто такъ...

— Пойдемъ къ прокатнымъ машинамъ, — сказалъ Горроксъ. Голосъ его звучалъ совершенно спокойно.

Они постояли немного у пудлинговыхъ печей, потомъ прошли сквозь прокатныя мастерскія, подъ непрерывный стукъ парового молота, который какъ будто выжималъ красныя брызги изъ ярко-сочнаго желѣза. Черные полунагіе гиганты сдвигали полосу и она проходила сквозь зубья колесъ, мѣняя свою форму, какъ красный и мягкій сургучъ.

— Пойдемъ, — сказалъ Горроксъ въ самое ухо Рауту. Они заглянули въ стекло, позади холодильниковъ, и увидѣли озеро огня, кипѣвшее во чревѣ домны. Правый глазъ на минуту совсѣмъ ослѣпъ. Потомъ зеленыя и голубыя пятна запрыгали во тьмѣ, мѣшая что-нибудь видѣть даже другому глазу. Послѣ того они взошли на подъемную машину, которая доставляетъ телѣжки съ углемъ и рудою и известью на вершину башни.

И когда они стояли на узкомъ помостѣ, на самой верхушкѣ домны, Раутъ снова ощутилъ приливъ мучительнаго страха. Что, если Горроксъ знаетъ все? Несмотря на всѣ старанія, колѣни его дрожали. Прямо подъ его ногами было семьдесятъ футовъ пустого пространства. Это было опасное мѣсто. Не слѣдовало сюда подниматься.

Они осторожно прошли мимо телѣжки съ углемъ и подошли къ периламъ. Въ облакѣ газовъ, выходившихъ изъ раскаленнаго жерла, въ ѣдкомъ зловоніи клубовъ сѣрнистаго пара, широкій, темный склонъ Ганлейскаго холма, какъ будто трепеталъ и раздвоялся передъ глазами. Луна

выходила изъ груды волнистыхъ облаковъ и поднималась выше, озаряя лѣса и луга до самаго Ньюкестля.

Каналъ горячей воды внизу убѣгалъ впередъ и, пройдя сквозь арку неяснаго моста, терялся въ туманѣ, среди равнины, по направленію къ Борслему.

— А вотъ затычка, о которой я говорилъ,—прокричалъ Горроксъ. — Подъ нею шестьдесятъ футовъ огня и расплавленнаго желѣза, и нагнетаемый воздухъ проходитъ сквозь все, какъ угольный газъ сквозь содовую воду.

Раутъ крѣпко схватился руками за перила и поглядѣлъ внизъ на затычку.

Это былъ широкій желѣзный конусъ, висѣвшій надъ жерломъ печи.

Изъ печи шелъ невыносимый жаръ. Рокотъ кипящаго металла и свистъ поддувала зловѣще вторили голосу Горрокса. Надо было терпѣть до конца. Быть можетъ, въ концѣ концовъ... — Температура внутри — проревѣлъ Горроксъ — до тысячи градусовъ. Если упадете туда, то только вспыхнете, какъ щепотка пороху на свѣчкѣ. Протяните руку и попробуйте. Даже здѣсь на верхушкѣ бываетъ, что капли дождя шипятъ на желѣзныхъ обоймахъ, какъ будто на плитѣ... А эта затычка!.. Объ нее можно пальцы обжечь. На верхней сторонѣ температура въ 300 градусовъ.

— Триста градусовъ, — сказалъ Раутъ.

— Триста градусовъ по Цельзію, — сказалъ Горроксъ.

— Вся ваша кровь въ одну минуту выкипитъ.

— Что? — сказалъ Раутъ, обернувшись.

— Вся ваша кровь въ одну... Нѣтъ, нѣтъ.

— Пусти!—крикнулъ Раутъ.—Пусти мою руку!

Онъ схватился за перила сперва одной рукой, потомъ обѣими. Нѣсколько мгновеній они оба качались. Потомъ внезапнымъ усиліемъ Горроксъ оторвалъ руки Раута отъ перилъ и бросилъ его въ печь. Раутъ хотѣлъ схватиться за самого Горрокса, но не досталъ руками. Онъ перевернулся

въ воздухѣ, потомъ щекою, плечомъ и колѣномъ упалъ внизъ на горячій желѣзный конусъ. Онъ уцѣпился руками за цѣпь, на которой висѣла затычка, и она опустилась внизъ на одну долю дюйма.

Кругомъ конуса показался, какъ обручъ багроваго жара, и длинный огненный языкъ вырвался снизу и загнулся къ тѣлу Раута. Онъ почувствовалъ страшную боль въ колѣняхъ и услышалъ запахъ жженаго мяса отъ собственныхъ рукъ. Послѣднимъ усиліемъ онъ поднялся на ноги и сдѣлалъ попытку взлѣзть по цѣпи вверхъ, но въ эту минуту что-то ударило его по головѣ. Онъ поднялъ лицо. Вокругъ него со всѣхъ сторонъ вставало черное и гладкое жерло доменной печи.

Горроксъ стоялъ вверху у черной телѣжки, рѣзко выдѣляясь въ бѣломъ свѣтѣ луны, размахивалъ руками и кричалъ:

— Гори, собака! Жарься, проклятый бабникъ. Гадина! Жарься, жарься!

Онъ схватилъ горсть угля изъ телѣжки и бросилъ въ Раута. Потомъ сталъ швырять въ него уголь, безъ остановки, кусокъ за кускомъ.

— Горроксъ,—крикнулъ Раутъ—Горроксъ!

Онъ съ крикомъ схватился за цѣпь, стараясь оторваться отъ раскаленнаго конуса. Куски угля попадали ему въ голову. Платье на немъ горѣло.

Но подъ его новымъ усиліемъ конусъ опять опустился и жгучая струя удушливаго газа вырвалась наружу и вспыхнула тонкимъ пламенемъ кругомъ его тѣла.

Онъ уже пересталъ походить на человѣка. Когда вспышка погасла, Горроксъ увидѣлъ страшное черное тѣло, съ кровавой головой. Оно корчилось отъ боли и съ визгомъ цѣплялось за цѣпь. Это былъ какой-то обгорѣлый звѣрь, невиданная, чудовищная тварь, полная воя и муки, мертвая и еще живая.

При этомъ ужасномъ зрѣлищѣ вся злоба Горрокса вдругъ исчезла. Ѣдкій запахъ жженаго мяса ударилъ ему въ ноздри и голова его закружилась.

— Боже милостивый! — воскликнулъ онъ. — Господи! Что я надѣлалъ.

Онъ зналъ, что эта обожженная масса, которая еще корчилась тамъ внизу, въ сущности говоря, была уже трупомъ, что кровь въ жилахъ страдальца вскипаетъ отъ жара. Невыносимая мука этой ужасной агоніи какъ будто поднялась снизу и вошла въ его душу и заслонила всѣ остальныя чувства. Одно мгновеніе онъ простоялъ, колеблясь, потомъ обернулся къ телѣжкѣ и быстро опрокинулъ ее надъ умирающимъ тѣломъ. Потокъ угля упалъ съ глухимъ стукомъ и визгъ умолкъ. Столбъ пламени, пыли и дыма поднялся вверхъ. Когда онъ разсѣялся, на конусѣ ничего не было.

Горроксъ откинулся назадъ и застылъ на мѣстѣ, крѣпко ухватившись руками за перила. Губы его двигались, но не могли произнести ни звука.

Снизу донесся шумъ голосовъ и чьи-то поспѣшные шаги. Грохотъ прокатныхъ машинъ внезапно умолкъ...

СОДЕРЖАНІЕ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. У ОБРЫВА.—А. КУПРИНЪ. БРЕДЪ.— С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. ЛѢСНАЯ ТОПЬ.—Н. ГАРИНЪ. КОГДА-ТО...—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. ПОЛКОВНИКЪ РОЗОВЪ.

II.

ГОРОДЪ: В. БРЮСОВЪ. ГОРОДЪ (стихотвореніе).
М. ДОБУЖИНСКІЙ. ГОРОДЪ. БУДНИ. ПРАЗДНИКЪ (рисунки).
Л. БАКСТЪ. УЛИЦА (рисунокъ). Н. РЕРИХЪ. ГОРОДЪ (рисунокъ).

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

В. МУЙЖЕЛЬ. ПОКА...—А. КОЙРАНСКІЙ. ХОЛОДЪ.— И. БУНИНЪ. У ИСТОКА ДНЕЙ.—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. МАЙ.

II.

стихи.

ИВ. БУНИНЪ. ПЕТРОВЪ ДЕНЬ. ПРОВОДЫ. ГЕЙМДАЛЬ. АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТѢ.
СЕРГ. ГОРОДЕЦКІЙ. РУСЬ. ВЕСНЯНКА.
АЛ. БЛОКЪ. Н. Н. ВОЛОХОВОЙ. ЛЕГЕНДА.

III.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „СМЕРТЬ“ 6 рис.

IV.

СЕНТЪ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ ВѢНЦА.

РАЗРѢШЕННЫЙ АВТОРОМЪ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЗИН. ВЕНГЕРОВОЙ И. В. БИНШТОКА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ТЬМА.—ИВ. БУНИНЪ. АСТМА.—БОР. ЗАЙЦЕВЪ. СЕСТРА.—А. КУПРИНЪ. ИЗУМРУДЪ.—А. СЕРАФИМОВИЧЪ. ПЕСКИ.

II.

АЛ. БЛОКЪ. Стихи.

Г. ЧУЛКОВЪ. ЗОЛОТАЯ НОЧЬ. Стихи.

III.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. Романъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ. АГРАФЕНА.—СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ. ПОХОЖДЕНІЯ ЛЕОНА ДРЕЯ.

II.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. ИСПОЛНЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ. Поэма.—АЛ. БЛОКЪ. КЛЕОПАТРА. ТЫ И Я. Стихотворенія.

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. СМЕРТЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

ШАЛОМЪ АШЪ. САББАТАЙ ЦЕВИ.

II.

К. БАЛЬМОНТЪ. ЛИТВА.

III.

С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. БЕРЕГОВОЕ.—ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. РАЗСКАЗЪ О СЕМИ ПОВѢШЕННЫХЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. МОИ ЗАПИСКИ (Повѣсть).—К. БАЛЬМОНТЪ. I. РЕВНОСТЬ (Разсказъ). II. КРИКЪ ВЪ НОЧИ (Разсказъ).—АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. ГОЛОСА ВЪ ПОЛЯХЪ (Стих.)—Н. МИНСКІЙ. ТРЕУГОЛЬНИКЪ (Стих.). ВИДѢНІЕ (Стих.).—МОРИСЪ МЕТЕРЛИНКЪ. СИНЯЯ ПТИЦА.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЧЕРНЫЯ МАСКИ.—АНАТОЛЬ ФРАНСЪ ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ЖАКА ТУРНЕБРОШЪ.—П. НИЛУСЪ. НА БЕРЕГУ МОРЯ.—ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. НАВЬИ ЧАРЫ. Ч. II. КАПЛИ КРОВИ.

«СѢВЕРНЫЕ СБОРНИКИ».

КНИГА ПЕРВАЯ.

(2-ое изданіе).

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорскій). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока).—**Зельма Лагерлефъ.** Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго).—**Августъ Стриндбергъ.** Преступникъ (пер. С. Городецкаго).—**Германъ Бангъ.** Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба).—**Оскаръ Левертинъ.** Зельма Лагерлефъ (статья). **Теодоръ Вольфъ.** Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

А. Купринъ. О Кнутѣ Гамсунѣ. **Кнутъ Гамсунъ.** Мистеріи. Пер. А. Острогорскій. **Ола Гансонъ.** Sensitiva amorosa. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. С. Городецкаго. **Геральдъ Геффдингъ.** Потомокъ Гамлета (статья о Киркегорѣ). **Серенъ Киркегоръ.** I. Несчастнѣйшій. II. Афоризмы. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 20 к.

КНИГА ПЯТАЯ.

І. Альмквистъ. Мельница въ Шельнурѣ. **Августъ Стриндбергъ.** I. Высшая цѣль. II. Сказка о Сенъ Готардѣ. III. Полълиста бумаги. IV. Соната призраковъ. **Я. Седербергъ.** I. По теченію. II. Мелкій дождь. III. Сатана, маіоръ и придворный проповѣдникъ. IV. Воздаяніе за грѣхъ. V. Бездомная собака. VI. Тѣнь. Цѣны 1 рубль. Пер. Балтрушайтиса.

КНУТЪ ГАМСУНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ двѣнадцати томахъ.

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ.

Переводы исключительно съ норвежскаго

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

Томъ I. Духовная жизнь совр. Америки. Голодъ.
» II. Мистеріи.
» III. Редакторъ Люнге.
» IV. Новь.
» V. Панъ. Сіеста.
» VI. У вратъ царства. Драма жизни. Закатъ.
» VII. Викторія. Въ сказочной странѣ.
» VIII. Мункенъ Вендтъ.
» IX. Поросль.
» X. Царица Тамара. Дикій хоръ.
» XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
» XII. Подъ осенними звѣздами.

Вышли томъ V. Содержаніе: Панъ. Перев. С. Полякова.— Сьеста. Пер. С. Полякова. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ VI. У вратъ царства. Пер. Ѳ. Комиссаржевскаго.—Драма жизни. Пер. С. Полякова.—Закатъ. Пер. С. Городецкаго. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ VII. Содержаніе: Викторія. Пер. Ю. Балтрушайтиса.— Въ сказочной странѣ. Пер. Балтрушайтиса. Цѣна 1 р. 40 к.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГАБРІЭЛЯ Д'АННУНЦІО

въ 9 томахъ съ портретомъ автора и вступительной статьей З. Венгеровой.

Переводы исключительно съ оригинала Ю. Балтрушайтиса, Вал. Брюсова, Вяч. Иванова, Маріи Ватсонъ, Зин. Венгеровой и М. Сюннерберга.

Томъ I. Епископъ.

» II. Наслажденіе. Невинная жертва.

» III. Разсказы изъ Пескара.

» IV. Дѣвы горъ.

» V. Огонь.

» VI. Джіоконда. Слава. Мертвый городъ.

» VII. Весенняя и лѣтняя ночь. Дочь Іоріо. Стихи.

» VIII. Франческа да Римини.

» IX. Корабль. Стихи.

Печатается и въ декабрѣ выйдетъ въ свѣтъ т. III.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Г. УЭЛЛСА

въ 9 томахъ подъ редакціей В. Г. ТАНА съ портретомъ и предисловіемъ автора къ русскому изданію и вступительной статьей В. Г. ТАНА.

Переводы исключительно съ оригинала Н. А. Морозова, В. Г. Тана, К. Чуковскаго и др.

Томъ I. Странные разсказы.
» II. Когда спящій проснется.
» III. Грядущіе дни. Машина времени.
» IV. Пища боговъ.
» V. Борьба міровъ.
» VI. Дни кометы.
» VII. Первые люди на лунѣ.
» VIII. Невидимка. Островъ д-ра Моро.
» IX. Предвкушенія.

Вышелъ томъ I. Содержаніе: Біографія и вступ. статья. Странные разсказы. Пер. В. Г. Тана и К. Чуковскаго. Ц. 1 р. 25 к.

С. РАФАЛОВИЧЪ. «ОТВЕРГНУТЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ».
Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. ТОМЪ I. «ГИДАЛЛА».
ПЕР. В. ВАСИЛЕВСКАГО. «МУЗЫКА». ПЕР. З. ВЕНГЕРОВОЙ
Цѣна 1 р. 20 к.

ТОМЪ II. ЛУЛУ: а) «ВАМПИРЪ». ПЕР. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА;
b) «ЯЩИКЪ ПАНДОРЫ». ПЕР. ГИБЕРМАНЪ.
Цѣна 1 р. 25 к.

ФРАНКЪ ВЕДЕКИНДЪ. «ПРОБУЖДЕНІЕ ВЕСНЫ».
ПЕР. ПОДЪ РЕДАКЦ. ѲЕДОРА СОЛОГУБА.
Цѣна въ переплетѣ 75 к. (Разошлось).

АЛ. БЛОКЪ. ТРИ ПЬЕСЫ: «БАЛАГАНЧИКЪ».
«КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ». «НЕЗНАКОМКА».
Цѣна 1 руб. 20 к.

ЕВ. ЧИРИКОВЪ. «МАРІЯ ИВАНОВНА». Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.—
С. НАЙДЕНОВЪ. «ХОРОШЕНЬКАЯ». Комедія въ 4 д. Ц. 60 к.—
С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. «СМЕРТЬ». Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ.
Ц. 75 коп.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА». Обложка, заставки и концовки В. ЧЕМБЕРСА. Ц. 60 к. (Разошлось).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «АНТОНЪ ЧЕХОВЪ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится къ печати).

ЛЕВЪ СУЛЕРЖИЦКІЙ. «К. С. СТАНИСЛАВСКІЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ» (готовится къ печати).

«ТЕАТРЪ»

(*КНИГА О НОВОМЪ ТЕАТРѢ*).

(Изд. 2-е).

СОДЕРЖАНІЕ):

А. ЛУНАЧАРСКІЙ. ТЕАТРЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.—Е. АНИЧКОВЪ. ТРАДИЦІЯ И СТИЛИЗАЦІЯ.—А. ГОРНФЕЛЬДЪ. ДУЗЕ, ВАГНЕРЪ, СТАНИСЛАВСКІЙ.—АЛ. БЕНУА. БЕСѢДА О БАЛЕТѢ. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДЪ. ТЕАТРЪ (КЪ ИСТОРІИ И ТЕХНИКѢ).— ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТЕАТРЪ ОДНОЙ ВОЛИ.—ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ПРИНЦИПЫ ТЕАТРА БУДУЩАГО.—С. РАФАЛОВИЧЪ. ЭВОЛЮЦІЯ ТЕАТРА.—ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. РЕАЛИЗМЪ И УСЛОВНОСТЬ НА СЦЕНѢ.—АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. ТЕАТРЪ И СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА.

Обложка АЛ. БЕНУА. Цѣна 2 рубля.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. «ГОЙЯ». Съ 40 репродукціями изъ provephios, caprichos, desasoros della gerra и др.

Обложка М. ДОБУЖИНСКАГО, украшенія С. ЯРЕМИЧА. Цѣна въ переплетѣ 2 рубля.

ОБРИ БЕРДСЛЕЙ.

65 РИСУНКОВЪ, ИЗБРАННЫХЪ ПО УКАЗАНІЮ К. СОМОВА.

Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к. (разошлось).

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ВРУБЕЛЬ. Т. ГЕЙНЕ.

КАЛО. РОДЭНЪ.

ФЕДОТОВЪ. АКСЕЛЬ ГАЛЛЕНЪ. В. ГОГАРТЪ и др.

Н. РЕРИХЪ. Книга первая (Записные листки и статьи) (печат.).

Леонидъ Андреевъ. Царь Голодъ. Представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ. Рисунки Е. Лансере. Ц. **1** р.

Леонидъ Андреевъ. Т. V. Содержаніе: Іуда Искаріотъ и др. Елеазаръ. Жизнь Человѣка. Великанъ. Тьма. Цѣна 1 р. 25 к.

Бор. Зайцевъ. Разсказы. Книга I. (2-ое изданіе). Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ, Люди и Земля. Деревня. Мифъ. Черные вѣтры. Завтра. Цѣна **50** коп.

Бор. Зайцевъ. Разсказы. Книга II. I. Полковникъ Розовъ. Молодые. Ласка. II. Любовь. Май. III. Сестра. Гость. IV. Аграфена. V. Спокойствіе (печатается). Ц. **1** р.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разсказы. Томъ I.
Тундра. Умру я скоро. Маска. Взмахъ крыльевъ. Дифтеритъ. Бредъ. Уголокъ. Вѣрю. Скука. Поляна. Погостъ. Молчальники. Садъ. Батенька. Убійство. Цѣна 1 руб.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разсказы. Томъ II.
Снѣжное поле. Мертвецкая. Кукушка. Гроза. Ясный день. Проталина. Ожиданіе. Пьяный Курганъ. Отъ трехъ бортовъ. Безстѣнное. Цѣна 1 руб.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Томъ III (печатается).

В. Муйжель. Разсказы. Томъ I.
Мужичья смерть. Въ кухнѣ. Солдаты. Аренда. Бабья жизнь. Цѣна 1 руб.

Маркъ Криницкій. Разсказы. Томъ I. Содержаніе:
Тора-Аможе. Наслѣдственность. Необходимость жить. Тайна барсука. Матерія. Проклятье. Ефимъ. Слѣпецъ. Пошлость. Ложь. Оплотъ общества. Цѣна 1 руб.

Ѳедоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. (3-ье изданіе). Цѣна 1 р. 75 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Тяжелые сны. Романъ. (3-ье изданіе). Цѣна 1 р. 75 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Книга разлукъ. Разсказы.
Они были дѣти. Въ толпѣ. Голодный блескъ. Цѣна 1 руб.

Шаломъ Ашъ. Разсказы. Томъ I. Цѣна 1 руб.

Шаломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейск. жизни (разошлось).

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Ц. **30** к.

К. Ковальскій. Терновый вѣнецъ. Разсказы.
Первый валъ. Весна. Только шагъ! Смѣхъ и плачъ. Полуночное солнце. На черноземѣ. Человѣкъ, который... Тоска по родинѣ. Ц. **1** р.

Октавъ Мирбо. 638—Е—8. (Путешествіе въ автомобилѣ). Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для издательства «Шиповникъ» (З. Венгеровой и Л. Бинштока). Цѣна **1** руб. **25** коп.

Анатоль Франсъ. Разсказы Жака Турнеброша. Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи для издательства «Шиповникъ» (Н. Минскаго). (Печатается).

Анатоль Франсъ. Островъ пингвиновъ. Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ рукописи З. Венгеровой. Цѣна **1** р. **40** к.

Байронъ. Каинъ. Переводъ Ив. Бунина. Обложка, заставка и концовки В. Чемберса. Ц. въ переплетѣ **1** р. **50** к., безъ переплета **75** к.

Евг. Тарасовъ. Земныя дали. Вторая книга стиховъ. Обложка И. Билибина. Цѣна **60** коп.

К. Д. Бальмонтъ. «Птицы въ воздухѣ». Строки напѣвныя. Обложка И. Билибина. Цѣна **2** р.

К. Д. Бальмонтъ. Зеленый вертоградъ. Слова поцѣлуйныя. Обложка И. Билибина. Цѣна **2** р.

Андрей Бѣлый. Пепелъ. Цѣна **2** р.